

Андрей Крыжевский

Лабиринты Эвотона

Эвотон: начало

Днём эти земли на севере Африки превращались в ад. Высоко в пронзительно голубом небе неистовствовало солнце, ослепительно блестело на песке, разогретом, как вулканическая лава. Если прислушаться, можно услышать шум песчинок, которые пересыпаются горячими ручьями под порывистой силой палящего ветра. Только он властвует среди нерушимой тишины и гнетущего спокойствия пустыни, которая с лёгкостью отнимает жизнь каждого наглеца — нарушителя её пределов. Ступишь хотя бы шаг, и даже вздох твой исчезнет навсегда.

Куда ни глянь — до самого горизонта простираются пески. Ни души вокруг... Усталый Путник надсадно дышал и с трудом переставлял отяжелевшие ноги. За спиной у него плёлся верблюд: верный хозяину — обречённо ожидающий конца. Путника уже давно тяготила необходимость облегчить участь несчастного, выстрелив из оружия. Но неотступно преследовала мысль: а что если он убьёт преданное ему существо и вскоре после этого всё-таки найдёт долгожданный

оазис? «Нет! Как же я буду жить с этим?» — хозяин повторял себе это раз за разом, как только слышал мучительные стоны животного за спиной.

Солнце становилось невыносимым. В голове загудело, а внешние звуки понемногу гасли и пропадали. Но он всё ещё чувствовал песок — втягивающий в себя с каждым шагом и не желающий отпускать, маня долгожданным отдыхом. Двигаясь вперед, Путник отмечал, как ослабевали и отнимались от усталости ноги, и только один вопрос упрямо хватался за ускользающее сознание: «Жив ли он ещё?» Сил остановиться и обернуться не находилось. За спиной больше не слышались тяжёлое дыхание и шорох песка. Иногда, когда его накрывала очередная волна желанной неизбежности, он хотел знать, что верная душа по-прежнему рядом. Когда волна уходила, и рассудок напоминал о действительности, Путник вполне допускал, что друга больше нет. Его пронзала боль: открытые участки опалённой кожи ощутили дыхание ветра и обжигающее прикосновение солнца.

Ноги шли... Они уже не подчинялись рассудку хозяина и передвигались самостоятельно... Словно понимали, что необходимо продолжать движение, и неважно: куда и как! Путнику не мерещился, как ранее, спасительный оазис. Зрение постепенно покидало

его... Двигался вслепую.

Наконец, он увидел белый луч ослепительного света сквозь закрытые веки. Почувствовал ласковые прикосновения рук и нежный голос. Тепло окутало жаром и ласкало его со всех сторон. Затем всё медленно растворилось в наступившей темноте...

Путник очнулся под высокими пальмами на тканях, раскинутых на траве. Вдали виднелись барханы... Рядом с костром сидел мужчина и молча смотрел на таджин¹. Уставший вид не портил изящные черты его благородного лица. Обнаружив, что Путник очнулся, мужчина медленно перевёл на него взгляд.

Несомненно, перед Путником находился необыкновенный Человек. В его глазах пребывала Вселенная с её галактиками и законами, материнская любовь и забота о близких, мудрость всех монахов и философов планеты!

Мужчина взял лежавшую неподалёку глиняную тарелку и приоткрыл крышку таджина. Из него клубами поднимался пар, растворяясь в остывшем после дневной жары воздухе. Положив на тарелку горячие овощи и наполнив водой стакан, мужчина направился к Путнику и поставил еду

¹ Таджин — массивный керамический горшок, плотно закрываемый высокой конической крышкой.

возле него. Поймав благодарный взгляд гостя, спаситель молча удалился на прежнее место.

Выпив залпом стакан воды и попробовав овощи, Путник попытался встать. Но тотчас же понял всю тщетность своих намерений. Тело не слушалось... Его спаситель участливо за ним наблюдал. Внезапно по лицу Путника пробежала тень отчаяния и тревоги. Резкими движениями головы он упорно пытался отыскать кого-то взглядом!

Осознав всю горечь случившегося, он печально откинулся обратно на раскинутые ткани и благодарно посмотрел сквозь слёзы в чистое небо.

Глава 1

Велфарий лежал на берегу полноводной реки Ланг. Его голубым глазам открывался замечательный вид на красочные лесостепи и чистое золотисто-красное небо.

Ланг была самой быстрой рекой Патрии. Её мощное течение пролегалo сквозь живописные долины, насыщенные жёлтыми, зелёными, красными, голубыми и кое-где фиолетовыми красками сочной травы, влажно блестящей у подножий деревьев, пушистых и белых, как одуванчики, с примесями акварельной нежности зелёных листьев. На небе только что появилось

второе солнце, и долина окрасилась в ослепительно белые и золотистые цвета. Восхитительное пение птиц сплеталось в одну мелодию с журчанием животворящей воды и делало это место идеальным для беззаботного отдыха и вдохновенных размышлений.

Велфарий отличался крепким телосложением. На лице патрийца темнела лёгкая небритость, черные пряди свободно опали на высокий лоб, едва касаясь широких густых бровей. В молодом теле чувствовалась сила энтузиазма и целеустремлённость.

На Патрии из-за достаточно низкой гравитации средний рост человека составлял два метра, но сам Велфарий был ростом только метр восемьдесят сантиметров.

Он увлеченно наблюдал за резвящейся рыбой-скакуном, которая в изобилии водилась в Ланге. Рыбины выныривала из реки и, скользя на вертикальных плавниках по течению, совершали порой акробатические прыжки, ловя трёхкрылых насекомых. Большие местные насекомые имели три крыла: по одному по бокам, а третье мелькало позади. Плавни Ланга были покрыты зарослями высоких цветов с яркими фиолетовыми лепестками.

Их сладкий нектар привлекал множество трёхкрылых, заставляя легкомысленных насекомых неосторожно опуститься на небезопасную высоту. А

рыба-скакун только и выжидала такого случая и, маневрируя плавниками над потоком воды, хватала добычу, не мешкая.

Наблюдая за выкрутасами речных обитателей, Велфарий размышлял о своей судьбе. Сто пятьдесят лет назад его сознание нашло своё воплощение в теле, начав новый виток своего совершенствования, и ему, как и всем жителям Патрии, была сделана карта жизни — Путь. Он включал в себя основные ключевые моменты событий — Точки, которые необратимо наступят в жизни независимо от воли Велфария. Их качество и глубина зависят от ежесекундного выбора, сделанного им. Точки соединяются динамичными и нестабильными вариантами-линиями. Это означает, что прожитое время между Точками заполнено миллиардами миллиардов возможных вариантов-линий. И какой вариант будет претворён в жизнь для его хозяина, зависит исключительно от воли последнего. Однако был аспект, который давно тревожил Велфария. Дело в том, что место, предназначенное для очередной Точки, оставалось пустым. Собственно, это был первый и единственный случай в истории патрийской цивилизации.

Второе солнце взошло над горизонтом и уже начинало припекать, поэтому рыба-скакун, вдоволь наевшись трёхкрылых, залегла на дно Ланга. Смолкло пение птиц, слышалось только журчание

реки. Велфарий перевернулся с одного бока на другой и поднял вверх глаза, устремив взгляд в пространство небосвода между двумя светилами. Он осознавал, что смотрит не просто в небо, а в умопомрачительную космическую пустоту, которая простирается далеко от Патрии и его галактики на фантастически огромные расстояния. В голове и в теле появилось ощущение расширения. Затем он представил, что летит на планете вместе со звёздами сквозь космическое пространство. В голове появился лёгкий звон. И, наконец, не отпуская эти мысли, он физически ощутил себя частью огромной Вселенной, наравне со своей планетой, звёздами и галактикой. По коже пробежали мурашки, и волосы на затылке приподнялись...

Он любил заниматься такими упражнениями ещё с раннего детства. А когда он впервые в жизни полетел в другую звездную систему шестьдесят лет назад и познал космос в полной мере как внутренне, так и внешне, эти ощущения полностью совпали с воображаемыми картинками детства. Это всегда было для него действенным и отличным способом отвлечься.

Именно в этот момент молодой человек почувствовал Вызов своего коллеги Алмия. Вызов на Патрии означал передачу информации на расстояние одним патрийцем другому.

Происходила такая передача благодаря открытым наукой свойствам пространства и возросшим способностям головного мозга представителей этой цивилизации.

Алмий работал сотрудником Центра космологии в Институте науки. Институт науки представлял собой единый центр научных исследований и образования, который заменил собой все остальные институты, университеты, академии и школы. Это произошло во времена Великой Унификации, когда повсеместно происходило объединение различных сфер жизни общества, прежде всего в общественной, культурной и научной областях.

— Привет, Велфарий! Почему так долго не откликнулся? — прозвучало в голове. Приятно было услышать близкого друга, с которым провёл много лет своей юности.

— Привет, дружище! Извини, что заставил тебя ждать. Увлёкся немного своими размышлениями.

— Наверное, всё о Точке думаешь?

— Хм... — на лице Велфария появилась лёгкая улыбка. — Да, ты прав. Видишь ли, время подходит. Осталось немного до События...

— Да чего ты переживаешь?.. Ты ведь образованный человек! — Алмий пытался приободрить и друга. — Ты же знаешь, что

сознание никуда не денется, даже если перестанет существовать твоя биологическая форма. Благодарю судьбу, что сейчас не Тёмные Века, тогда у тебя были бы все основания для беспокойства.

Велфарий оценил заботливость приятеля.

— Спасибо, дружище. Нет, я вовсе не переживаю. Наоборот, меня одолевает полнейшее любопытство. И дело даже не в вопросе так называемой смерти. Ты же помнишь, что в моём Пути Точки существуют и после пустоты.

— Да, это — правда, — ответил Алмий и перешел непосредственно к делу. — Здесь у нас кое-что произошло... — он запнулся, подбирая слова: — Тебе следует немедленно прибыть в Кордис.

— Хорошо. Что-то серьёзное? — обеспокоено осведомился Велфарий.

— Да, — последовал неоднозначный ответ.

Велфарий давно знал одну особенность своего друга: умение быть максимально тактичным. Он никогда бы не побеспокоил своего приятеля во время отдыха, если бы случилось что-то серьёзное.

— Мила не выходит на связь уже шестые сутки...

* * *

Мила родилась в один год с Велфарием и

работала в Центре космологии уже пятьдесят лет. Однако в Центр она пришла, когда Велфарий уже всюду исследовал дальний космос. Показав отличный результат в обучении на кафедре внепатрийных цивилизаций, девушка сразу же согласилась на стажировку и отправилась к системе Z242. Вокруг двух звёзд, связанных взаимным тяготением, вращались несколько газовых гигантов. Один из них был населён бактериями, которые облюбовали столь неприветливые условия для жизни. Это был нередкий случай, когда на планете без твёрдой поверхности, паря в газовых потоках, существовала жизнь. Поэтому девушку, которая получила обширные знания в астробиологии, этот факт несколько не удивлял. Более того, последние исследования и наработки учёных Патрии, а также данные, полученные из сорок девятого уровня информационного поля Вселенной, говорили о том, что это — далеко не предел для биологической материи.

Вернувшись на Патрию и написав блестящий научный труд о системе Z242, она некоторое время успешно занималась преподавательской деятельностью и разрабатывала теорию пространственной дыры. Эта теория гласила, что если галактика сформировалась, а чёрная дыра в её центре окончательно набрала свою критическую массу, поглотив благодаря бесконечной гравитации

находившееся вокруг неё вещество, в том числе другие чёрные дыры размером поменьше, тогда наступает момент, когда накопившееся количество материи и энергии является достаточным для того, чтобы внутри такой дыры произошел взрыв. Таким образом рождается настоящая Вселенная. Конечно, для наблюдателя извне её размеры в такой дыре невероятно малы. Но если попасть в такую Вселенную, улетев в чёрную дыру за горизонт событий, то для наблюдателя изнутри она покажется такой же необъятной, как и Вселенная, из которой он пришёл. Следовательно, и Патрия с её галактикой являются не чем иным, как объектами внутри чёрной дыры. На основании информации из сорок девятого уровня, эта теория наукой сомнению не подвергалась, так же, как и факт того, что такая спираль бесконечна как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения.

Следует отметить, что каждая галактика имеет свою доминирующую цивилизацию, достигшую наивысшего развития. Цивилизация Патрии была самой древней в галактике и поэтому доминировавшей над всеми остальными. Безусловно, за время её существования было накоплено немало опыта и знаний. В частности было установлено, что Вселенная функционирует и развивается на основе некоего универсального закона, который представляет собой обширное

информационное поле, состоящее из различных слоев. Содержание каждого слоя становится доступным для понимания в процессе эволюции сознания — особой материи небиологического характера. Таким образом, происходит естественное сближение сознания и поля — универсального закона. Но весь парадокс состоял в том, что для того, чтобы форсировать эволюцию, сознанию была необходима биологическая форма.

Лишь два вопроса оставались до сих пор неясными: как много слоев у этого поля и есть ли у него конец; а также: зачем и почему сознанию необходимо себя развивать и сближать с законом?

Мила пребывала в восторге, узнав о сигнале, который был получен несколько лет назад от отдаленной планеты под номером S24 в системе S24ASK с искусственного спутника. Он был построен несколько сотен миллионов лет назад представителями её цивилизации на случай, если жизнь на планете S24 преодолет планетарную гравитацию и заявит о своем космическом гражданстве в галактике. Сразу же после сигнала, по отработанной процедуре, к этой планете направилась особая группа из отдела внепатрийных цивилизаций Центра космологии для установления постоянного контакта. Смысл его заключался в том, чтобы посвятить молодую цивилизацию в некоторые тонкости мироустройства и, по

возможности, в дальнейшем способствовать её развитию, отвечающему принципам совершенствования, а не деградации.

После установления контакта с представителями планеты S24 группа успешно возвратилась на Патрию. Следующим этапом уже было поддержание установленного контакта, и для этой цели вполне достаточным было присутствие одного патрийца. Быть таким представителем вызвалась Мила.

* * *

Кордис по праву считался главным городом планеты, как некогда — столицей государства патрийцев. История государства как института организации патрийского общества имела глубокие корни, но закончилась с началом эпохи Великой Унификации. Патрийцы всегда были менее склонными к контролю, чем все остальные цивилизации галактики. Из-за этого бóльшую часть своей жизни уделяли размышлениям наедине с собой и самосовершенствованию. Они понимали, что до определенного момента государство для них является жизненно важным инструментом, дабы не допустить хаоса общественных отношений. И таким моментом стала Великая Унификация.

За сравнительно небольшой промежуток

времени миропонимание и жизненные устои патрийского общества изменились до неузнаваемости. Сначала государство уступило своё место индивидуальному сознанию, в основе которого лежали Принципы — общие для всех жителей Патрии ценности и приоритеты в развитии. Параллельно наступила эра синхронизации: чтобы не допустить несогласованности между различными социальными группами, были созданы синхронизационные центры. Однако достичь венца развития в настоящем позволило открытие информационного поля Вселенной. Оно выполняло две важные функции: координационную и информационную. Первая обеспечивала информированность обо всех событиях, связанных с представителями патрийской цивилизации, и вместе с Принципами позволяла каждому патрийцу принять верное и правильное решение в повседневной жизни. Вторая обеспечивала возможность использования невероятного по масштабу массива информации, начиная с произошедших событий и заканчивая глобальными вопросами организации мироздания. Таким образом, синхронизационные центры, как и государство в своё время, утратили свою значимость, а политическая жизнь как форма проявления деятельности государства ушла в небытие.

Город утопал в зелени. Огромные просторные здания возвышались среди буйства растительности и своей округлой формой походили больше на острова в зелёном океане. Их прозрачность с величественным великолепием олицетворяла характер патрийцев: открытый, справедливый и изысканный. Первое, самое яркое, светило уже готовилось скрыться за горизонтом и отсвечивало на поверхности строений желто-оранжевыми красками, а на троне небесного зенита сверкало второе солнце, взошедшее с противоположной стороны. Парившие в свежем весеннем воздухе белые комочки, напоминавшие с виду кусочки ваты, очень гармонично выглядели на фоне золотистого неба.

Маленький патриец, гуляющий с мамой, остановился и посмотрел на небо. Он вглядывался в бесконечность... Или рассматривал звёздочку, тускло подмигивавшую ему. А может, и целую галактику, содержащую в себе миллионы таких звёздочек?.. Затем он пригляделся и заметил, что она, на самом деле, чудесным образом переливается различными цветами: малиновым, жёлтым, голубым, белым.

— Мама, мама! Смотри, какая красивая звезда! — воскликнул он. Мать, медленно подходившая сзади, остановилась и посмотрела вверх:

— Очень красивая, милый. А что это за звезда? — спросила она.

— А! Попалась! — радостно и с чувством победы произнес малыш. — А это и не звезда вовсе!

— Да?.. Может, тогда расскажешь мне... — с лёгкой улыбкой произнесла мать.

— Это — галактика четыреста пятьдесят седьмая из кластера S, — произнёс мальчик, закрыв глазами. — Насчитывает в себе порядка девяноста миллионов звёзд и...

— Какой ты у меня умник! — с нежностью произнесла женщина.

Малыш открыл глаза и посмотрел на маму. В его взгляде соединились растерянность и любопытство.

— Что случилось, солнышко?

Дитя основательно задумалось.

— Мама, а за пределами нашей Вселенной находится такое же информационное поле?

— Не знаю, милый, — мама совсем не ожидала такого вопроса и не знала, что ответить. Она на некоторое время задумалась: — Наверное, да.

— А на каком-то уровне мы сможем узнать об этом?

— Конечно. Может быть, уже на следующем — пятидесятом.

— А сколько их вообще? — ребёнку беседа начинала нравиться.

— Не знаю, солнышко.

— Как по мне, их может быть бесконечное число, — деловито сказал малыш...

* * *

Велфарий летел на антиграве в Кордис. На пути в город он несколько раз пересекал пышные многоцветные луга. На одном из них его внимание привлёк огромный пасущийся табан. Эти редкие животные некогда почти исчезли из-за патрийского техногенного вмешательства. Но во времена Великой Унификации патрийцы перенесли всё промышленное производство на отдалённые планеты в своей звёздной системе, и популяция табанов вновь была восстановлена.

Это животное отличалось изяществом и умом. В глубине больших карих глаз жило сознание и понимание. Большое туловище гордо держалось на четырёх стройных ногах с копытами и выглядело массивным и мускулистым. Как правило, встречались лишь белоснежные особи с пушистым хвостом. Табан, услышав ультразвук работающего двигателя антигравы, поднял голову и внимательно посмотрел на Велфария. Солнце осветило его длинный рог молочного цвета с горизонтальными

кольцевыми полосами. Велфарий притормозил антиграв и приблизился к поверхности земли. Табан застыл — животные на Патрии не боялись её более развитых жителей, но осторожничали. Они смотрели друг на друга, не отводя глаз. Наконец, у патрийца пошли мурашки по коже. «Вот это сила сознания», — удивился Велфарий и поднял антиграв на прежнюю высоту. Перед тем, как снова тронуться в путь, он снова окинул взглядом табана. Тот стоял по-прежнему неподвижно, но его взгляд потеплел. Табан насмешливо дёргал длинными чуткими ушами, моргал глазами и, казалось, улыбался.

* * *

Как только они подошли, скамейка отскочила от земли и замерла в воздухе, держась на антигравитационной подушке. Женщина села, нежно обняв сына.

— Мамочка, а как ты думаешь, может, информационное поле — живое?

— Живое? — любуясь своим ребенком, переспросила она.

— Да. Ведь оно само развивается...

— Сынок, конечно, оно — живое. Информационное поле проявляется во всём, но прежде всего — в сознании. Жизнь — это очень

широкое понятие. Когда-то давно мы отождествляли жизнь лишь с биологическим её проявлением. А между тем, жизнь — это сознание, которым заполнено всё во всех Вселенных. А любое сознание всегда развивается.

— Но ведь, смотри... — ребёнок выбрался из объятий мамы и задумчиво присел рядом. — Может ли информационное поле существовать без сознания и без пространства?

— Милый, ты пока не овладел ещё всей доступной информацией, — ласково улыбнулась мама. — Ты ещё маленький. Со временем ты получишь много ответов, а вместе с ними — и новые вопросы.

— Ты не ответила на мой вопрос... — нахмурился мальчик.

Женщина снова нежно улыбнулась.

— Конечно, может! — воскликнул мужчина, направлявшийся к ним.

— Велфарий!

— Здравствуй, Злата! Здравствуй, малыш!

— Здравствуйте, Вел! — радостным голосом прошебетал мальчик.

— Учишь ребёнка законам мироздания? — с улыбкой поинтересовался Велфарий.

— Вел! — мальчик не дал маме возможности ответить. — Мама упорно не отвечает на поставленные мной вопросы!

— Сложные вопросы... — подхватила, засмеявшись Злата.

Велфарий рассмеялся вместе с ней.

— Да, малыш! Вопросы у тебя не самые простые. Не уверен, что даже лучшие умы нашего Института науки смогут дать тебе однозначный ответ, — мальчик смотрел на него с вызовом. — Давай я тебе расскажу, что я думаю на этот счёт. Так как наши преподаватели уже научили тебя кое-каким моментам взаимодействия с информационным полем, то ты уже знаешь, что нам доступна вся информация, заключённая в слоях с первого по сорок девятый. Как полагают мои коллеги из Центра космологии, на данный момент мы вплотную приблизились к пятидесятому за счёт нашего быстрого развития.

— И, — живо подхватил малыш, — скорее всего это как-то может быть связано с нашей чёрной дырой...

— Да. Я тоже так думаю, — Велфарий был приятно удивлён. — Известно, что каждая доминирующая в галактике цивилизация отвечает за свою чёрную дыру и за рождение в ней Вселенной. В свою очередь, Вселенная рождается в момент взрыва в дыре, признаком чего становятся два мощных луча чистой энергии, которые выбрасываются наружу из полюсов дыры. Но, как известно, для того, чтобы Вселенная родилась,

доминирующая цивилизация непременно должна совершить определённое действие.

— И в нашей чёрной дыре как раз скоро должен произойти взрыв... — деловито произнёс мальчик, который слушал Велфария очень внимательно. — А нельзя связаться с другими доминирующими цивилизациями в иных галактиках и узнать у них, что они делали и как всё это происходило?

— Можно, — вставила Злата, — но при всех универсальных принципах построения и функционирования пространства весь парадокс совершенствования состоит в том, что для каждой цивилизации весь полученный ею опыт и знания из информационного поля являются уникальными.

Злата заметила, что сын смутился.

— А можно подробнее? — попросил он.

Велфарий присел рядом с мальчиком и обнял его одной рукой.

— Что ты чувствуешь? Что сейчас у тебя на душе? — поинтересовался он у малыша.

— Приятные позитивные эмоции, — ребёнок прислушался к себе. — Радость.

— Почему?

— Потому что я беседую с вами, гуляю с мамой... — он вопросительно взглянул на маму: — Еще и потому, что завтра мы с тобой уезжаем из Кордуса смотреть на табанов...

— И в этот момент ты генерируешь положительный заряд, — заметил Велфарий. — Патриец, как и иные формы высокоорганизованного сознания, наделён уникальной способностью, которая в умелых руках и при правильном подходе, является ценнейшим инструментом для совершенствования. Когда ты испытываешь позитивные или негативные эмоции, иначе говоря — настроение, то непременно создаёшь особые частицы, соответственно с положительным либо отрицательным зарядом, способные передавать его таким же частицам окружающего пространства.

— Имеющим нейтральный заряд... — заметил мальчик.

— Да, — Велфарий продолжил: — И, таким образом, если источник частиц отрицательного заряда переместится в пространстве из точки «А» в точку «Б», то заряд частиц точки «А» через определённое время станет нейтральным, а заряд частиц точки «Б» примет отрицательное значение. Но на практике не всё так просто. Дело в том, что количество частиц с соответствующим зарядом способно прямо оказывать влияние на концентрацию другой материи во Вселенной — сознания.

— Злишься — значит, генерируешь частицы с отрицательным зарядом, — ребёнок

демонстрировал завидное внимание. — Затем они передают это состояние частицам пространства, увеличивая количество негативного заряда. А потом они разрушают такую материю, как сознание.

— И этим самым способствуют его деградации, — нежным голосом поставила логическую точку Злата. — В этом заключается ещё один парадокс совершенствования: чтобы сознание стремительно развивалось, ему необходима биологическая материя, которая обладает эмоциями.

— Но необходимо помнить, что развитие — это широкое понятие и включает в себя как деградацию, так и совершенствование, — подхватил Вел. — Иными словами, развиваться можно как вниз, так и вверх, — Велфарий указал пальцем правой руки на небо.

* * *

Сидевший в кресле мужчина нервно постукивал пальцами левой руки по стоящему рядом небольшому столику, на котором лежал плоский округлый предмет чёрного цвета. За открытым окном во весь голос пел вдохновенный до самозабвения джезис. Блестящие перья на его крыльях переливались несколькими цветами: от

тёмно-жёлтого до фиолетового. Под большим оранжевым клювом белоснежной звездочкой мелькало пятно, от которого в разные стороны отходили полосы коричневого цвета. На голове торчали три хохолка: один сверху и два по бокам. Чудесное пение чередовалось с паузами, во время которых птица энергично прихорашивалась.

Дождавшись очередной паузы в пении джезиса, мужчина приоткрыл зелёные глаза, неторопливо взял со стола предмет чёрного цвета и легким движением бросил его перед собой. Как только предмет коснулся пола, из отверстия в центре в воздух поднялась голограмма второго мужчины.

— Вы нашли её? — холодно поинтересовался зеленоглазый.

— Нет, но мы предпринимаем все возможные варианты, — ответила голограмма.

— Задействуйте в полную силу представителей местной цивилизации. Используйте все доступные нам возможности до наступления События... Осталось совсем немного времени...

— Мы всё поняли. Разрешите приступить?

— Выполняйте немедленно!

Голограмма исчезла. Мужчина откинулся обратно на спинку кресла и закрыл глаза, снова наслаждаясь пением джезиса.

— А что насчёт другого парадокса по поводу уникальности знаний? — упорствовал мальчик.

Велфарий вопросительно взглянул на Злату, которая сама взялась за объяснения:

— Что для одной цивилизации добро, для другой — зло. То, что мы тебе только что рассказали, — это общие принципы организации и функционирования для всего пространства. Но опыт, полученный цивилизацией в виде накопленных знаний вместе с моральной составляющей, может применяться совершенно различно.

— Смотри, — перенял эстафету Велфарий, — вот самый простой пример. Для представителя одной цивилизации слова текста молитвы будут иметь позитивный смысл и непременно во время их произнесения вызовут внутри него соответствующие эмоции. Далее в действие вступает общий принцип зарядности, после которого он чувствует прилив сил и, при определенных обстоятельствах, что естественно, новых знаний. А у представителя совершенно иной цивилизации эти слова будут источником негативных эмоций — и как следствие, он будет опустошен, а состояние здоровья может стать неудовлетворительным.

— Потому что частицы с отрицательным зарядом разрушают как сознание, так и остальные виды материи, например, биологическую?

— Конечно. Но сознание — в первую очередь...

Все замолчали, а Велфарий задумался. Злата никогда не видела такой сосредоточенности, как та, которая проявилась на его лице.

— В последнее время я часто стала замечать, как ты уходишь в себя... — сказала она, прервав затянувшуюся паузу и по-дружески положив ему руку на плечо.

Велфарий поднял глаза и смущенно улыбнулся:

— Мне пора в Центр космологии...

— Вел! Ответьте мне, пожалуйста, ещё на один вопрос!

— Задавай, — одобрительно сказал он.

— Как вы думаете: может ли информационное поле существовать без пространства?

* * *

Центр космологии являлся структурной единицей Института науки. Институт располагался в огромном здании весьма необычной формы: от земли устремлялись ввысь три огромные изогнутые металлические колонны, соединявшие пять

трапециевидных этажей-зданий. Из центра каждого этажа выходил вертикальный канал трубчатой формы с отдельными лифтами, которые соединяли между собой помещения разных уровней. Все этажи окружала зеленая растительность с благоуханным многоцветием редкостных цветов. Колонны, идущие от самого основания, замыкались на отдельной смотровой площадке, внутри которой располагалась оранжерея, где каждый желающий мог отдохнуть в уединении. Оттуда открывался замечательный вид на ближайшие окрестности: Кордис со всех сторон окружали вековые леса и сочные луга. Солнце, которое вот-вот собиралось скрыться за горизонтом, ярко расцвечивало зелёную листву и искрилось на белых верхушках деревьев, тянувшихся прикоснуться к небосводу. Близился вечер...

Орбита Патрии, четвертой планеты в бинарной звёздной системе, пролегла вокруг двух звёзд-компаньонов. А период обращения вокруг своей оси характеризовался значительной быстротой. Поэтому ночей в определённые периоды года на планете практически не было — их длительность была незначительной. Когда одно солнце уходило за горизонт, второе продолжало светить ещё несколько часов. Шестьдесят процентов планеты занимала суша, остальные сорок были представлены водными объектами. В

основном — озёрами и реками. Горы встречались достаточно часто, пустынь и засушливых мест почти не было.

В оранжерее на вершине здания находился патриец. Он подошёл к краю смотровой площадки и смотрел вниз сквозь прозрачную поверхность. Тем временем возле одной из колонн здания Института науки опустился антиграв. Из него вышел молодой патриец, лет двухсот с небольшим, худощавый, но подтянутый. Белые волосы сливочного оттенка были аккуратно уложены на бок. Аристократические черты его лица демонстрировали дисциплину, серьёзность намерений и аккуратность во всём. Он вышел из транспортного средства и целенаправленно устремился к одной из колонн. Остановившись на полпути, он приподнял левую руку и что-то произнёс. Из расположенного над кистью прибора с тусклой зелёной подсветкой, окольцовывавшего руку, возникла голограмма с шаровидным объектом и длинной струёй пыли, приближающейся к нему. Закрыв голограмму, он ускоренным шагом направился к лифту.

Одно из солнц, наконец, зашло за горизонт, над которым появились небольшие розовые облака. Стаи птиц, среди которых были и джезисы, весело летали и беззаботно играли друг с другом. Но взгляд мужчины из оранжереи был обращён в небо,

где падающий метеороид, оставивший на мгновение за собой великолепный огненный след, быстро исчез из виду. Через несколько секунд так же молниеносно появился и погас другой.

— Кажется, началось... — послышалось из-за спины.

Велфарий обернулся. Перед ним стоял улыбавшийся Алмий. Они по-дружески обнялись и поприветствовали друг друга.

— Рассказывай, что произошло с Милой, — они оба присели на скамейку на антигравитационной подушке.

— Всё началось с того, что она отправилась для поддержания контакта с представителями цивилизации планеты S24.

— Той самой, которая недавно впервые вышла в космос?

— Да. Наша группа уже побывала там несколько лет назад. Итогом визита стало установление контакта и создание межцивилизационной комиссии. В целом, всё как всегда в подобных ситуациях...

— А почему именно Мила вызвалась стать представителем патрийцев? Она же занималась преподавательской и исследовательской деятельностью? — в глазах Велфария — непонимание и замешательство. — Ведь всеми контактами всегда занимались наши

ребята-практики из отдела внепатрильных цивилизаций...

— Точно никто не знает. Но, может быть, у неё были на то веские причины... — Алмий попытался оправдать действия Милы. — Она же и так у нас всегда была феноменом: мало того, что Путь отсутствует, так ещё и ограниченное взаимодействие с информационным полем. В итоге — Вызов не пошлешь и её точное местонахождение никак не узнаешь.

— Да, феноменов у нас и без неё хватает... — впервые в течение разговора позволил себе немного усмехнуться Велфарий. Алмий бросил на него серьезный взгляд. — Мой — тоже неплох.

— Замечательно, что ты напомнил мне и о своём феномене. Знаешь, Вел, у меня имеются все основания полагать, что твоя загадка с Точкой может быть каким-то образом связана с этим инцидентом.

Велфарий удивлённо поднял брови. Алмий продолжал:

— Во-первых, мы сейчас находимся на пороге величайшего скачка в нашем развитии. Пятидесятый уровень даст нам совершенно новые знания и возможности, а вместе с тем и новые вызовы совершенствования, — Алмий говорил вдохновлённо и убедительно. — Во-вторых, в центре нашей галактики в чёрной дыре вот-вот

родится Вселенная, и нам необходимо понимать механизм и сам процесс взаимодействия с тканью пространства внутри дыры в момент взрыва, чтобы всё у нас получилось правильно. И в-третьих, совершенно очевидно, что всё вышесказанное мной взаимосвязано друг с другом.

— Полностью с тобой согласен. Но при чем здесь мой Путь и инцидент с Милой? — в голосе Велфария слышалась тревога.

Алмий положил руку ему на плечо и ободряюще, со свойственным ему спокойствием во взгляде, немного сжал ладонь.

— Я прекрасно понимаю твою встревоженность относительно своего будущего, — Алмий говорил тихо, словно успокаивал обиженного ребёнка. — Но я уже говорил тебе ранее, что не понимаю твоих опасений на этот счет...

— Да их и нет...

Неожиданно их разговор прервали вспышки света снаружи. Их внимание привлекли десятки метеороидов, которые входили в атмосферу и столь же стремительно сгорали в ней. В момент своего окончательного исчезновения каждый из них выпускал наружу всю накопленную им за миллиарды лет энергию, озаряя окружающее пространство в последний раз. На золотисто-алом небесном фоне объёмный и плотный дымовой

шлейф от каждого метеороида красочно подсвечивался солнцем. Конечно, такие метеорные потоки не представляли никакой опасности для планеты и её обитателей. Напротив, это всегда производило на патрийцев колоссальное впечатление, даруя истинное наслаждение.

— Красиво... — покачивая головой, восхищенно выдохнул Велфарий.

Алмий вызвал голограмму системы управления функциями здания и что-то активно набрал на виртуальной клавиатуре. Плотность прозрачного материала уменьшилась. Рокот, громыхание и протяжный свист ворвались в помещение.

— В мире есть процессы, которые заставляют меня осознавать всю мою незначительность на фоне необъятной Вселенной и событий, происходящих в ней, — сосредоточенно говорил Велфарий. — Но когда понимаешь, что всё пространство подчинено идее развития и борется за каждое принятое тобой решение, то ощущаешь всю свою невероятную значимость и весь заложенный в тебя этой Вселенной глубочайший смысл...

Велфарий повернул голову и взглянул на Алмия. Тот внимательно слушал, не дрогнув ни одним мускулом на его лице: он обладал уникальной способностью контролировать своё психическое состояние. Порой казалось, что у него

вообще могло и не быть такового. Но внимание Велфария вдруг привлекли его блестящие зелёные глаза, которые влажно блестели от сдерживаемых эмоций. Алмий опомнился, заметив пристальный взгляд своего приятеля, и улыбнулся прежней спокойной улыбкой.

* * *

Использование своей психической энергии в качестве альтернативы электрической стало постепенно практиковаться патрийцами со времён Великой Унификации. Это научное открытие совпало с грандиозным скачком в их совершенствовании и зарождением Принципов. Конечно, в то время ещё не приходилось говорить относительно полного взаимодействия с информационным полем. Но было совершенно очевидно — управлять настолько мощным источником энергии могло лишь высокоморальное общество с развитым индивидуальным сознанием.

Основывалась психическая энергия на генерируемых биологической материей частицах — эвотонах, тех самых, которые несут в себе положительный либо отрицательный заряд. Частицы окружающего пространства с нейтральным зарядом не подходили для этой цели. Таким образом, патрийцы поняли, что

единственным источником психической энергии является живое существо с высокоорганизованным сознанием. Впрочем, при одном условии. Биологическая материя должна была обладать способностью к генерации таких частиц. И патрийцам в этом случае повезло: как позже выяснилось, что далеко не все высокоразвитые цивилизации наделены сильной эмоциональной составляющей. Как следствие, некоторые цивилизации могут генерировать лишь небольшое количество частиц, а некоторые и вовсе не способны на это.

Одной из значительных особенностей эвотонов было то, что они могли даже в небольшом количестве излучать колоссальную по мощности энергию: частицы, генерируемые одним патрийцем за один час, способны два часа непрерывно поддерживать функционирование и жизнь всего Кордуса. Вторая особенность заключалась в абсолютной универсальности самой энергии. С её помощью можно обеспечить работу любой техники на продолжительное время, передать Вызов друг другу на расстояние в десятки тысяч световых лет, перемещать вещество в пространстве на значительные расстояния и изменять его характеристики.

Велфарий находился под зданием Института науки рядом со своим антигравом. Метеорный

поток успешно миновал Патрию, только примесь газов, образовавшихся во время звездопада в воздухе, напоминал ещё о нём. Над её ликвидацией уже работали сотни роботов, с завидным усердием копошась в вечернем небе. Второе солнце уже подходило к горизонту, и Вел решил прогуляться пешком по Кордису.

Город начинал погружаться в сумерки. На деревьях вдоль дорожки, ведущей через центр города, пушистые белые цветы закрыли свои лепестки в ожидании непродолжительного ночного отдыха. Умолкли птицы. Только усилившийся ветер шумел зелёной листвой деревьев и аккуратно подстриженной красной травой вокруг них.

Велфарий остановился и залюбовался восхитительным круглым кустом с мелкими фиолетовыми цветочками, полностью покрывавшими верхушку. Жёлтые листья весело играли друг с другом под порывами свежего ветра. Он подошёл ближе и присел рядом с ним. Под убаюкивающий шелест среди нежных ароматов свежих цветов сами по себе закрывались глаза. Спокойно сделав первый глубокий вдох, Велфарий сразу же вдохнул второй раз. И третий... Дыхание его стало медленным, а тело полностью расслабилось.

В этот момент он вспомнил своего отца: его сильные руки, которые крепко обнимали сына под

цветущими деревьями Ланга; его большие голубые глаза, сощурившиеся от искренней радости; его нежную улыбку и заботливый поцелуй в макушку... В тот день они сидели на том же самом месте под большим бело-зелёным деревом и любовались рекой.

* * *

— Папа, а почему эвотоны с отрицательным зарядом разрушают сознание, а с положительным — наоборот, способствуют его концентрации?

— Никто не знает, сынок. На сегодняшний день мы лишь можем объяснить сам механизм такого взаимодействия, — тихо и вдумчиво ответил отец. Он обнял сына крепче, поднял голову вверх и посмотрел на небо. — Так задумано пространством.

— Разве пространство — мыслящая субстанция?

— Я думаю — да. Жизнь во Вселенных подчинена законам развития. А поскольку информационное поле целиком охватывает все пространство, то развитие есть непрменный атрибут такого поля. Но мне кажется, что поле само по себе нельзя рассматривать как некое мерло развития, некую его начальную и конечную точку.

— Иными словами, деградация и совершенствование — два бесконечных

процесса? — маленький Велфарий освободился от объятий отца и лёг ему на колени.

— Скорей всего. Точно так же бесконечно количество Вселенных — «эффект матрёшки»...

— Ты имеешь в виду, что наша Вселенная находится в чёрной дыре, которая в свою очередь находится в другой Вселенной, которая также помещена в дыру и так далее до бесконечности? И наоборот: в нашей Вселенной есть чёрные дыры, в которых находятся другие Вселенные и так далее до бесконечности? — спросил сын.

— Умница ты мой! — погладил его по голове отец.

Перед ними расстилалась цветущая поляна перед Лангом, а над ней кипела жизнь... Огромные разноцветные бабочки суетились над зарослями сочных цветов, преисполненных сладким нектаром. Одна из этих ярких красавиц подлетела к ним. Велфарий успел заметить изысканные узоры на её крылышках: разноцветные круги, концентрично уходящие к краям. В центре поблёскивало небольшое пятно, которое периодически меняло свой цвет с зелёного на голубой, а затем — на синий. Элегантные ножки — аккуратно прижаты к блестящему брюшку, а длинные усики широко расставлены. Снизившись, она несколько раз попробовала сесть на Велфария, который замер в восторге от её красоты... Потом к первой с

любопытством подлетела вторая бабочка и, покружив над очарованными патрийцами, опять вернулась к гостеприимным цветам.

— Жалко, что мама сейчас не с нами... — грустно сказал Велфарий, разглядывая золотое кольцо на правом указательном пальце.

— Мне тоже, сынок, — отец прикоснулся к его указательному пальчику. — Знаешь, что оно означает?

— Да! Она рассказала, когда подарила его мне. Это — наша галактика. И символ бесконечности...

Их внимание привлекла мохнатая белая прала, что пролетала мимо них. Эти трёхкрылые насекомые селились ближе к воде, а эта, по-видимому, заблудилась вдалеке от реки. Пралы любили густые травы, но больше всего — большие цветы с фиолетовыми лепестками в заводях Ланга.

Несколько минут Велфарий наблюдал за полетом насекомого, а когда та исчезла вдали, серьезно спросил:

— А если пространство заполнено нейтральными эвотонами, то сознание, которое содержится в таком пространстве, не развивается?

— Оно совершенствуется, Вел. Но очень медленно... Вселенная не может существовать без развития. Это — один из самых главных её принципов. Запомни это навсегда!

* * *

Гул усилившегося ветра вернул Велфария из воспоминаний. Большую часть неба закрыли мрачные тёмно-синие тучи, вытесняя книзу белые вытянутые тучки. Воздух постепенно насыщался преддождевой свежестью.

Велфарий пристально наблюдал за грозно сверкающей тучей и нежно потирал кольцо на указательном пальце.

* * *

— Юва, а ты запрограммировала параметры двух прибывших мальчиков?

— Да. Но спасибо, что напомнил.

Молодая девушка выглядела эффектно: стройная, высокая, с пышными золотистыми волосами, которые пружинили шелковыми волнами в высоком «хвостике». Длинный белый халат с небольшим воротничком привлекательно очерчивал её роскошную фигуру. Небольшие и в меру пухлые губы деловито сомкнуты. Лёгкий румянец на щеках придавал её внешнему виду утреннюю весеннюю свежесть.

— Здравствуй, Юва.

Девушка обернулась. Её выразительные брови

слегка поднялись, а темно-желтые глаза широко раскрылись от удивления.

— Алмий! Здравствуй! Как неожиданно...

— Летел мимо вашего отдела. Решил зайти, — лёгкая улыбка Алмия, как всегда, излучала спокойствие и минимальное количество эмоций. — Новые малыши? — патриец вопросительно посмотрел на открытую перед девушкой голограмму.

— Да, два новых патрийца ожидают свой Путь, — Юва мило улыбнулась ему в ответ.

Алмий подошёл поближе к голограмме и внимательно окинул её взглядом.

— Замечательная у вас работа. Вы открываете патрийцам глаза на ключевые моменты их жизни. Когда-то, несколько миллионов лет назад, мы могли только мечтать о таком.

Юва заметила желание Алмия порассуждать на эту тему.

— Но в то же время не стоит преувеличивать значение составляемой нами жизненной карты, — заметила она. — Ведь у каждого из нас всегда сохраняется право выбора.

Алмий отвернулся от голограммы и приблизился к девушке.

— Юва, я всегда хотел спросить у тебя одну вещь, — он сделал многозначительную паузу. — Каково, на твой взгляд, место морали, как части

мировоззрения и развития?

— Мораль является необходимым компонентом развития человека, — решительно заявила его собеседница. — Выбор каждого зависит, в том числе, и от моральных качеств и суждений.

— Иными словами, чем выше развитие в процессе совершенствования, тем выше моральные и нравственные компоненты?

— На мой взгляд — да.

— Хм... — Алмий покачал головой. — Со вторым суждением, высказанным тобой, я готов согласиться полностью. А с первым — не совсем.

Юва предостерегающе остановила Алмия указательным пальцем, поднятым вверх, и прижала вторую руку к виску. Некоторое время она сосредоточенно смотрела вниз и не обращала на него внимания.

«Какая же она красивая!» — подумал Алмий. Ему всегда нравилась Юва. Он знал её ещё до знакомства девушки с Велфарием. А после того, как они стали жить вместе, он вынужден был навсегда расстаться с мыслью об их общем будущем.

— Извини, что перебила. Принимала Вызов. Продолжай, пожалуйста, — Юва взяла стакан с водой и сделала несколько глотков.

— Да, продолжим. Давай рассмотрим следующую ситуацию. Предположим, существует

некая цивилизация, у которой почти неразвита психическая составляющая. Соответственно, количество генерируемых эвотонов находится на низком уровне. Но цивилизация — с развитым сознанием. Следовательно, у неё есть два выхода: либо развиваться с помощью нейтральных эвотонов, что практически нереально с учетом труднообразимого количества необходимого времени для этого...

— Либо такая цивилизация должна находить источник положительных эвотонов для их забора.

— Да! Теперь предположим, что цивилизация избрала второй путь и занимается забором необходимого ей количества эвотонов у представителей иной цивилизации. Положительные эвотоны способствуют развитию цивилизации, которая их отбирает, а именно — её совершенствованию, но находится ли тогда её моральная и нравственная составляющие добродетелей и моральной этики на...?

— Высоком уровне?

Алмий одобрительно кивнул ей.

— А если у этой цивилизации совсем иные представления о морали и нравственности, чем у нас, то тогда твоя точка зрения может иметь место: высокий уровень развития отвечает высокому уровню морали.

— Да, очень многое относительно в нашем

мире... — задумчиво сказала девушка. Юва не ожидала от Алмия подобной дискуссии и чувствовала себя несколько озадаченно.

* * *

Нельзя сказать, что Мила была чужой Велфарию. Между ними никогда не возникали взаимные чувства, и они не являлись родственниками, но всё же что-то особенное тянуло его к ней. Возможно, их сближало то, что они оба практически не знали родительского внимания: в двадцать лет они одновременно осиротели.

Велфарий знал об отце Милы лишь то, что он работал вместе с его отцом в отделе будущего. Этот отдел, самый молодой в Институте науки, основал отец Велфария. Основной задачей двух учёных являлось создание Путей для всех новорождённых патрийцев. И хотя Велфарий несколько раз посещал отдел будущего в детстве, познакомиться с отцом Милы ему так и не удалось. Впоследствии, когда практика создания жизненных карт подтвердила свою эффективность, отдел разросся основательно: вместо двух учёных-первопроходцев, в нём уже работало пятьдесят патрийцев.

Незадолго после этого, в один и тот же момент Велфария и Милу постигла печальная новость: их отцы бесследно исчезли — и больше о

них не слышали. Были проведены несколько детальных расследований этого инцидента, однако никакого результата они не принесли.

Мать Велфария улетела на другую планету, когда ему было всего лишь восемнадцать. Он прекрасно запомнил последнее мгновение, которое разделило их навечно.

* * *

— Солнышко, не грусти! Вы с папой скоро прилетите ко мне, и мы снова будем вместе, обещаю! — улыбалась сквозь слёзы уже немолодая, но очень красивая женщина с тёмными волосами.

Отец переступил с ноги на ногу. Он стоял рядом растерянный, не в силах утешить родных. Осознавая всю серьёзность происходящего и свою причастность к этому, он чувствовал свою вину, но не решался сказать об этом сыну. Чтобы не причинить большей боли. Наконец, он присел на корточки и горячо обнял их. А они прильнули к нему. И Вселенная сомкнулась в их объятиях... Все вокруг исчезло, кроме маминого тепла и её нежного успокаивающего голоса и папиной преданной любви, вскипавшей в его глазах горячими, еле сдерживаемыми слезами.

После этого на протяжении двух лет отец всё время порывался взять Вела и полететь к маме, но

его постоянно что-то останавливало. Он так и не решился рассказать сыну правду о причинах произошедшего, чтобы сохранить его здоровье и не подвергать нервным переживаниям. Однако видя, как сильно мальчик скучает по маме и каждый раз пытается заговорить о ней, он все переживания и мучения испытывал в полном объёме. В конце концов, однажды утром к Велу пришёл молодой патриец с коротко подстриженными белыми волосами сливочного оттенка и ясными зелёными глазами, который приютил его на последующие несколько десятков лет у себя и стал ему почти родным братом.

* * *

Не на шутку разгулявшийся ветер срывал с цветущих деревьев белые комочки и поднимал их высоко над землёй. Плотное окутанное чёрно-синими тучами небо полыхало и бросало отблески на всё находящееся под собой. От мощных раскатов грома гудело небо и вибрировал влажный воздух.

Велфарий встал и направился к небольшому прозрачному куполу, который держался на пяти таких же прозрачных подпорках. Патриец спешно забежал вовнутрь строения и смотрелся по сторонам.

Бури на Патрии были не редкостью. Около тысячи специальных куполообразных сооружений в Кордесе спасали застигнутых бурей. Поскольку близилась короткая патрийская ночь, Велфарий оказался в этом убежище в одиночестве.

Вдруг он заметил гнездо джезиса в кроне высокого дерева рядом с куполом. Оно еле держалось между ветками в зелёной листве. Порывы сильного ветра раскачивали его, угрожая вот-вот скинуть его вниз. Через мгновение гнездо все-таки сорвалось и плавно спланировало на край крыши купола. Послышался глухой звук удара о поверхность. Велфарий быстро устремился к краю купола и увидел, что гнездо удивительным образом не пострадало, а небольшие продольные выступы, идущие от центра строения к его краям, не позволили гнезду рухнуть на землю. Патриец бережно его снял и поставил возле себя. Внутри обнаружилась пять яиц, аккуратно закрепленных плетением гнезда.

Всполохи молний разрезали небо на части, грозно чеканя ослепительный венец на суровом полотне неистового патрийского шторма. И, наконец, полил долгожданный дождь... Каждая новая капля, как и предыдущие, сразу пускалась в свое путешествие по поверхности купола. Она победно пробивалась к ближайшему общему ручейку, в котором уже плотно сплотились другие

капли. Таких ручейков было множество... Немалая сила всех капель — их основателей. «За такой подвиг они достойны большого почета... Самым благородным за все на свете есть сотрудничество для общего добра в противовес личного. Именно так они должны были бы сказать, если бы умели говорить». Вдруг начался такой ливень, что даже очертания ближайших зданий исчезли за сплошной стеной потоков воды.

* * *

— Итак, прошло уже шесть суток, с тех пор как пропала связь с Милой.

— А почему тебе кажется, что на S24 должен непременно отправиться Велфарий?

Алмий внимательно посмотрел на Юву:

— Значит, Вел уже передал тебе содержание нашей беседы с ним в Институте?

— Да, он делал мне Вызов недавно. Ты мог заметить.

Алмий немного растерялся. Обстоятельства разговора складывались таким образом, что приходилось сразу переходить к главному.

— Юва, скажи, пожалуйста, а помимо компьютерной версии Путей, храните ли вы их в старом добром бумажном виде? — Алмий напрягся, понимая, что от её ответа будет зависеть многое...

— Да, конечно. Когда новорождённый патриец поступает к нам, мы обязательно создаём три экземпляра Пути: один — компьютерный, второй и третий — на бумаге. Один такой бумажный экземпляр, как ты знаешь, остаётся у родителей новорождённого, а второй — у нас в архиве, — Юва подняла на него удивленный взгляд. — А разве у тебя не сохранился собственный?

— Конечно, сохранился, — немного отстраненно ответил Алмий. Немного подумав, объяснил: — Видишь ли, у меня есть невероятно важное для Вела предположение, но для его проверки мне необходимо просмотреть один Путь, который должен храниться в архиве вашего отдела...

— А что это за предположение? — поинтересовалась Юва.

Алмий не спеша подошёл к Юве и прошептал ей в ухо четыре слова. стакан с водой упал на пол и разбился...

* * *

Бури на Патрии случались часто, но быстро утихали. Велфарий расслаблено сидел на мозаичном полу, удобно прислонившись к центральной опоре купола. Пересматривал на

открытой перед ним голограмме сведения о Миле. Его внимание привлекла характерная уникальность Милы, которой в действительности никогда не удавалось окончательно присоединиться к информационному полю. Этот феномен до сих пор не разгадал никто, ведь каждый патриец уже несколько миллионов лет беспрепятственно общался со слоями поля и размещенной в них информацией. У Милы это выходило частично. Выборочность информации, доступной ей, согласно представлению одних, являлась неслучайной, в то время как другие придерживались противоположного мнения. Поле отвечало аналогично: сведения о значимых событиях из жизни Милы содержались в нём лишь избирательно. Таким образом, Велфарию в этой ситуации ничего иного не оставалось, кроме как использовать доступную информацию из поля. Правда, была ещё одна небольшая её часть — та, изучением которой он был сейчас занят. А именно: компьютерная информация, хранящаяся в вычислительных мощностях патрицев, в том числе во всевозможных архивах.

Велфарий в первую очередь пытался найти хоть что-то, что могло бы связывать его с Милой. Хотя бы небольшую зацепку... Он не пытался понять до сих пор не осознанное душевное притяжение, непреодолимо привлекающее его к

девушке. Приоритетной информацией являлась возможная его причастность к этому инциденту. В частности, ему не была понятна логика Алмия по поводу связи между пятидесятым уровнем, рождением Вселенной в чёрной дыре их галактики, исчезновением Милы и ним самим. Первые два факта не сильно согласовывались с остальными. На первый взгляд могло показаться, что поиск и спасение девушки являются не чем иным, как пустующей Точкой в его Пути, которая каким-то невероятным образом станет причиной и ключом в переходе на пятидесятый уровень и рождении новой Вселенной. «Звучит фантастически и слишком просто», — засомневался Вел.

* * *

Валидий являлся одним из ведущих специалистов в отделе внепатридных цивилизаций Центра космологии. Его огромный опыт, накопленный за несколько сотен лет, позволял ему и группе его коллег без особых усилий устанавливать первый контакт. Первым контактом являлось официальное установление связей с новой космической цивилизацией, проявляющейся в создании межцивилизационной комиссии. Маяком и причиной первых контактов служили искусственные спутники, вращающиеся вокруг

планет с жизнью. Такие спутники специально создаются патрийцами, как только где-то обнаруживаются признаки высокоорганизованного сознания. Они функционируют за счёт эвотонов, благодаря чему срок службы растягивается на несколько сотен миллионов лет. Но большую часть времени они пребывают в специальном энергоэкономном режиме ожидания. И если развитие наблюдаемой цивилизации становится достаточным для того, чтобы её представители смогли преодолеть планетарную гравитацию, — такой спутник по-настоящему просыпается и сигнализирует патрийцам о пополнении космической семьи.

Валидий проводил сеанс связи с удалённой планетой K756. Особенностью этой планеты являлся ядовитый для патрийцев состав её атмосферы. Из-за этого обстоятельства контакты с её представителями приходилось осуществлять дистанционно: Валидий пребывал в особом состоянии максимальной сосредоточенности и концентрации, хотя со стороны могло показаться, что лежащий патриец отдыхает и находится в дреме. Тело лежало неподвижно, и единственным признаком осуществляемого контакта было свечение глаз. Реальный сеанс начинался, когда глаза загорались ярким синим светом.

Впрочем, патрийцы всегда избегали подобных

контактов, предпочитая лично общаться с другими цивилизациями. Во-первых, контакт глазного свечения требовал чрезвычайных физических, умственных и психических усилий, с другой — не отвечал свойственному всем патрицам принципу рационализма.

Валидий закрыл глаза и несколько минут был неподвижен. Затем он снова открыл их: радужная оболочка приобрела привычный коричневый цвет. Привстав и немного посидев, он не переставал часто моргать глазами: после контакта глазного свечения требовалось некоторое время для восстановления нормального зрения. Наконец, он вышел из специально предназначенного для сеансов межгалактической связи кабинета и направился в свою лабораторию.

Зайдя в лифт и мысленно выделив на расположенной слева голограмме последний пятый этаж здания комплекса Института науки, Валидий вдруг почувствовал входящий Вызов своего коллеги.

— Как дела, Вел? — в отличие от большинства патрицев, он всегда озвучивал вслух то, что собирался передать своему собеседнику.

— Валидий! Ты сейчас в Институте... — Велфарий сделал небольшую паузу, стараясь быть максимально тактичным. — Я тебя не отвлекаю от чего-то срочного?

— Нет, Вел, говори! — простота и отзывчивость Валидия всегда наиболее сильно ценились в нём всеми окружающими.

— Не расскажешь мне о своём впечатлении от пребывания на S24?

— S24? — искренне удивился патриец. — Неужели собрался туда за Милой?

— Не исключено.

Валидий собрался с мыслями.

— Планета чрезвычайно красивая. Никаких неудобств с климатом на себе я не почувствовал, кроме угнетающего воздействия местной атмосферы. Гравитация не сильно отличается от нашей. Я думаю... Нет, я даже уверен, что S24 — одна из самых лучших планет в нашей галактике в целом по всем показателям, — последовала небольшая пауза. — За исключением живущей там цивилизации...

Сидевший под куполом Велфарий удивлённо поднял брови:

— Насколько я знаю, она вышла в космос... Следовательно, совершенствуется...

— Нет! Это моё личное субъективное мнение. Вел насторожился.

— Совершенствование есть, — продолжал Валидий. — Но для него характерны две особенности: бесперспективность и призрачность. О моральной составляющей я предпочту

промолчать.

— Неужели всё так мрачно? Информация из поля намного более оптимистичная, — обеспокоился Велфарий.

— Агрессия, примитивность мышления... Вместо желания совершенствования господствует тиражирование множества себе подобных. В целом, если быть до конца честным, то считаю этот контакт одним из самых малоперспективных за всю свою деятельность, — патриец умолк и после недолгого молчания спросил: — А зачем Миле понадобилось туда лететь?

— Никто, в том числе и я, не знает точного ответа.

— Плохо, что нельзя получить информацию о ней из поля. Насколько я помню, она занималась исследованиями на кафедре внепатрийных цивилизаций, а практического опыта космических экспедиций у неё не было.

— Да, это так. Однако что-то заставило её бросить всё...

Валидий основательно задумался, пока Вел рассуждал о возможных причинах её полёта в отдалённый регион галактики. Войдя в свою лабораторию, он сразу сел в удобное широкое кресло и принялся постукивать пальцем левой руки по стоящему перед ним столу. Его сосредоточенное лицо помрачнело от давних воспоминаний и

тревожных мыслей. Наконец, Велфарий замолчал, а его собеседник внезапно поинтересовался:

— А ты не в курсе, кто у неё родители?

— Её отец работал вместе с моим в отделе будущего. Фактически именно они положили начало его функционированию. Однако мне так и не удалось лично с ним познакомиться.

— Что?! — изумился Валидий. — Неужели ты хочешь сказать, что за всё время, проведённое тобой у отца на работе, ты ни разу так и не увидел его напарника?!

— Да. Только не подумай, что этот факт удивлял меня меньше тебя. Отец всегда отвечал, что папа Милы очень занят и непосредственно в отделе бывает редко. А постоянную связь они держали посредством Вызовов.

— Велфарий! — голос Валидия звучал напряжённо и решительно. — Я лечу с тобой!

* * *

Тем временем мелодичный шелест дождя, который постепенно становился всё более мелким, уже почти не был слышен. На смену чёрно-синим тучам за клубились причудливые, похожие на горные вершины светлые облака. Оба солнца уже давно зашли за горизонт, недолгая ночь подходила к концу. Велфарий закрыл голограмму и

осмотрелся.

Город окутали тишина и покой: ночное время всегда совпадало с периодом самого глубокого сна патрийцев. В свете высоко расположенных фонарей сверкали блестящие листья. После бурного ненастья на земле поблескивали большие лужи, присыпанные жёлтыми и зелеными листьями вперемешку с фиолетовыми и красными цветами. Вел вернулся к центральной опоре купола и осторожно поднял спасённое гнездо. Выбрав ближайшее дерево, он тщательно закрепил гнездо на самой высокой ветке, к которой смог дотянуться, и спокойно удалился, крайне довольный. А за спиной зазвенело удивительнейшей красоты пение благодарной птицы.

* * *

— Надеюсь, вы сообщите мне приятную новость? — холодно поинтересовался мужчина, сидевший в кресле.

— К сожалению, мы до сих пор её не нашли.

— Вы подталкиваете меня к негативным эмоциям, что мне совсем не нужно.

— Мы делаем всё возможное...

— Нет! — мужчина впервые позволил себе поднять голос. — Вы должны сделать всё возможное и невозможное! До его прибытия Мила

должна быть в наших руках! И мне всё равно, каким способом вы доставите её ко мне.

На голограмме отчётливо отразилось растерянное лицо другого мужчины.

— Патриец представляет угрозу для нашей цивилизации? — наконец, спросил он.

— Абсолютную.

— Значит, нам следует позаботиться о его встрече?

— Ни в коем случае! Без моего разрешения и пальцем к нему не прикасаться. Это — официальная делегация от Патрии.

— Он прилетит один?

— Нет. С ним прибудет ещё один патриец. Уверен, что вы его знаете, — сидящий в кресле мужчина чуть двинул уголками губ в подобии улыбки.

— Мы всё поняли. Разрешите приступить?

— Разрешаю. И помните: я потратил много лет своей жизни на подготовку к этой операции, в том числе здесь — на Патрии, вдали от нашего дома. На кону стоит выживание нашей цивилизации. И второго шанса у нас не будет!

Глава 2

— Необыкновенная красота! — пораженно воскликнул я при виде огромной красной

туманности, яростно переливающейся ослепительно-пурпуровыми волнами вокруг скопления ярких звезд, будто бурным рубиновым венцом окружая бриллиантовое сокровище.

Валидий посмотрел на меня и слегка улыбнулся.

— Да, красота неопишная... — подтвердил он.

— Колоссальные превышения плотности и давления, немыслимые температуры...

— И силы, оказывающие давление извне, вместе с гравитацией сжимающее и воспламеняющее гигантские массы газа и пыли, в которых поместились бы несколько десятков звёздных систем.

— А может и сотен... — задумчиво произнёс я.

Каждый патриец считает своим долгом, пролетая мимо такого рода объектов, задержаться возле них и вкисить глазами и чувствами всё великолепие космического пространства. Когда я совершал свой первый полёт к звёздной системе Н72, находящейся на отдалении десяти тысяч световых лет от нашей планеты, мой путь следования пролегал мимо двух звёзд, одна из которых активно притягивала и засасывала водородно-гелиевое содержимое второй. Подходя к меньшей по размерам звезде, струя газа извивалась

и закручивалась в спираль вокруг объекта своего притяжения, прежде чем упасть на него. Если бы космическое пространство могло распространять звуковые волны, мощные грохот, треск, шипение, хлокотание и гул термоядерных реакций дополняли бы величественную картину жизни Вселенной. Но в нашем случае остаётся лишь наблюдать, получая истинное удовольствие и наслаждение от увиденного. Такая мистическая тишина сосредоточивает все внимание на удивительном могуществе явления. И нет возможности отвести взгляд, когда эта сила овладевает тобой.

Мы стояли около прозрачной стенки нашего корабля и рассматривали каждый участок туманности. Она была неоднородной: кое-где концентрация газа была сильнее, а цвет приближался к тёмно-красному. Затем мой взгляд переместился на более светлый участок, в котором горели несколько точек. Там рождались звёзды... Однажды наступит момент, когда сияющий газовый шар, притянув к себе огромные массы материи, взорвётся с невиданной силой и мощью, ослепляя открытое космическое пространство радостным салютом в честь своего рождения.

Наконец, вдоволь налюбовавшись, я вопросительно посмотрел на Валидия, который, опережая вопрос, незамедлительно направился к пульту управления кораблём, чтобы вернуть его

боковую поверхность в непрозрачное состояние.

До S24 осталось всего ничего — одна тысяча световых лет. Пока мы летели от Патрии, у меня было достаточно времени для ознакомления со всеми тонкостями жизни на S24 или Земле, как её называет живущая там цивилизация. Мне удалось выяснить, что возраст цивилизации землян составляет несколько десятков тысяч лет. Происхождение: генетически выведенное существо. Половина природы землян взята от её создателей — древнейшей цивилизации клаудеумов, одной из самых мудрых и старых во Вселенной, вторая — от самих же людей на момент генетической модификации. Так как выведение происходило в разных частях планеты, генетический материал отбирался у представителей разных рас исходных землян.

Основное отличие от нас состояло в уровне развития: землянам доступен двадцать четвёртый слой информационного поля. Он представляет собой очень важную ступень в жизни любой цивилизации, так как достижение следующего уровня даёт гарантию на невмешательство извне. Таким образом, можно сказать, что, по крайней мере, хотя бы одно обстоятельство, которое с огромной натяжкой так или иначе связывало бы меня с инцидентом на S24 найдено: в жизни патрийцев, равно как и в жизни землян, в скором

времени должен наступить важный момент перехода.

Вторым важным отличием являлось политическое устройство. Вернее, его наличие у жителей S24. Этому отличию корреспондировала такая психическая особенность людей, как склонность или даже потребность в контроле.

Сходства проявлялись в двух аспектах. Во-первых, земляне не являлись технократической цивилизацией. В своём развитии они полагаются, в основном, на богатый внутренний мир. Во-вторых, их психика является чрезвычайно развитой, а способность генерировать эвотоны превосходит даже нашу. Если бы они умели рационально использовать эту особенность своего строения, которая, несомненно, была заложена в них самими клаудеумами, их развитие в ничтожно короткие сроки смогло бы стать причиной новых рекордов в совершенствовании и появлению новой доминирующей цивилизации в галактике, как минимум. Вполне вероятно, что так и будет в будущем — далёком или близком. А пока, как показывает практика исследований внепатрийных цивилизаций, такое положение дел является нормальным.

Я направился к столу, чтобы взять стакан с водой. Сделав пару глотков, я обнаружил, что слева от меня возле служебных голограмм бортового

компьютера открыта трёхмерная модель планеты с вращающимся вокруг неё искусственным спутником.

— S24 с нашим искусственным спутником, — поспешил объяснить приблизившийся ко мне Валидий.

— Красивая...

Присев напротив, мой коллега уставился мне в глаза. Его взгляд выражал смятение и неуверенность вместе с сочувствием и заботой.

— Тебе не кажется, что сейчас самое время рассказать мне, почему ты всё-таки решился лететь со мной? — не выдержал я.

— Вел, я отлично знал твоего отца. Причём лично, — добавил он. — Также я был в курсе, что он регулярно — до твоего рождения и после него — летал на одну и ту же планету.

— S24? — спросил я, искренне надеясь услышать утвердительный ответ, тем самым хоть немного внести ясность в сложившуюся ситуацию.

Валидий замолчал, но продолжал пристально смотреть на меня.

— А ты попробуй подключиться к информационному полю и проверить эту информацию. Прямо сейчас, — Валидий говорил серьёзно, поэтому я не стал медлить с его советом. В конце концов, я совсем запутался во всём происходящем. Но теперь мне было совершенно

ясно: Валидий знал намного больше, чем я подозревал с самого начала нашей экспедиции на Землю.

Закрыв глаза для максимальной концентрации, я попытался найти ответ. Мой спутник, видимо, всё так же терпеливо всматривался в меня, словно зная всё наперёд, проверял свои соображения.

— Я не могу подключиться к полю! — прошептал я с безысходностью.

Валидий не реагировал на мою реплику и смотрел в сторону, прижав пальцы левой руки к виску. Я понял — Вызов.

— Да, Вел! Мои соображения отчасти подтверждаются, — Валидий закончил контакт со своим собеседником.

— Какие именно?

— Я почти уверен, что твой отец действительно летал именно на Землю, хотя информация о его полётах не доступна никому из патрицев. Её либо не существует, либо она каким-то непонятным образом скрыта.

Я почувствовал, как мои глаза увлажнились слезами, а к горлу подкатил ком. Когда мне удавалось узнавать что-то новое о своих родителях или погружаться в свои детские воспоминания, я как будто снова прикасался и обнимал их, ощущая теплоту любви ко мне.

— А какова причина его полётов? И как могло случиться, что информации нет в поле? И самое главное: каким образом моя неудача в попытке подключения к полю подтвердила твои соображения? — спросил я не совсем ровным голосом, не до конца справившись со своими эмоциями.

— Скоро мы всё узнаем. Я сам до конца во всём не уверен.

— А откуда тебе известно, что он летал куда-то?

— Непосредственно от твоего отца, — заверил Валидий.

Мой спутник встал и подошёл к голограмме бортового компьютера.

— Я только что разговаривал с Алмием. Он не может с тобой связаться...

— Может быть это потому, что я был сконцентрирован на поиске информации? — я крайне озадачился услышанным.

— Не думаю, Вел, — ответил набиравший что-то на виртуальной клавиатуре Валидий.

Только сейчас меня осенило, что я, наверное, вижу Валидия таким, каким он бывает в экспедициях: максимально серьёзным, чётким в действиях и способным принимать на себя груз ответственности.

Я снова попытался подключиться к

информационному полю, но не смог. На какое-то мгновение я запаниковал, но быстро взял себя в руки. Примечательно, что Валидий воспринимал эту ситуацию без удивления. Хотя и было заметно, что озадачен он не меньше меня. Особенностью его характера было то, что он не вдавался в разъяснения, пока полностью не убеждался в их истинности. В конце концов, всему всегда есть логическое объяснение. Но ниточек, ведущих к распутыванию этой ситуации, в моём распоряжении пока не было. И я вполне осознавал, что нужно время, чтобы во всем разобраться.

Неожиданно боковая стенка нашего корабля вновь стала прозрачной, и я увидел перед собой планету. Несомненно, она — одна из самых красивых, которые я когда-либо наблюдал. Шар, преимущественно приятного сине-голубого цвета с вкраплениями желтовато-зелёной суши, местами покрывали белые облака причудливой формы. Было понятно, что этой планетой правит вода. Именно сочетание её цвета с белой облачностью контрастировало на тёмном фоне остальной части Вселенной и выделяло Землю. Забавно, но с самого первого взгляда на неё мне удалось прочувствовать всю её женственность: всем своим внешним видом она излучала нежную материнскую любовь и заботу.

— S24... — необыкновенно нежным голосом

сказал застывший возле внутренней поверхности корабля Валидий. — Мы находимся в гравитационном поле планеты и выйдем на орбиту вокруг неё, — мой спутник, наконец, отвёл взгляд от Земли и посмотрел на меня: — Вел?

— Я действительно не видел более красивой внепатрийной планеты...

— Тогда тебе будет полезно знать, что ещё несколько десятков лет её сожительства с землянами и от этой красоты мало что останется! — с возмущением и довольно резко ответил Валидий.

Я промолчал: мне нечего было возразить, в основном из-за отсутствия личного впечатления и представления о живущей здесь цивилизации... Космической цивилизации... Или, что тождественно в данном случае, совершенствующейся цивилизации.

— Что сказал Алмий?

— Чёрная дыра начала выплёскивать потоки энергии! — Валидий пристально посмотрел на меня, ожидая увидеть мою реакцию.

— Процесс начался...

— Да.

— И у нас нет ни малейшего представления о том, что нам делать в связи с этим...

Мой собеседник молча кивнул мне в ответ.

— Остаётся надеяться, — добавил я задумчиво, — что, может быть, в ближайшее время

что-то прояснится.

— Я очень на это надеюсь!.. — искренне произнёс Валидий и погрузился в размышлениях.

— О чём ты думаешь?

— О том, что именно ты сможешь дать всем патрийцам этот ответ, Вел! — он был совсем не похож на себя в этот момент: его интонация чем-то напоминала мне отцовскую, а в глазах читалась не то надежда, не то уверенность, не то гордость за меня. — Но для этого тебе придётся пройти через некие испытания, часть из которых может тебя сильно надломить. Главное — верь в себя и слушай не только свой разум, но и своё сердце, Вел!

Я слушал его с огромным удивлением:

— О чём ты? О каких испытаниях ты говоришь?

— Вел, жизнь меня научила одному золотому правилу: для развития важны не только сделанный выбор и направление мышления, но и непоколебимость в стремлении защитить и отстоять достигнутый результат. Пространство проверяет и анализирует тебя каждую долю секунды...

И хотя я не совсем понимал, куда и к чему клонит Валидий, зато постепенно начинал привыкать к неожиданным поворотам и загадкам, подстерегающим меня на каждом шагу.

— Перед тем, как мы приземлимся, считаю своим долгом напомнить тебе о некоторых

тонкостях жизни на S24. Прежде всего, обрати внимание, что земляне находятся на двадцать четвёртом уровне своего развития. Как ты знаешь, именно достижение двадцать пятого слоя информационного поля даёт право носителям его информации на невмешательство. Равно как и обязывает их не вмешиваться в дела иных цивилизаций с уровнем развития выше только что озвученного мною числа. Иными словами, на данный момент, согласно правилам нашего мироздания, любая цивилизация, находящаяся выше в развитии, чем земляне, вправе вмешиваться в их внутренние процессы, вплоть до полного внешнего контроля и управления. Конечно, к нам всё вышесказанное мало относится в силу понятных причин, и прежде всего — моральных.

— Ты насчёт контроля и управления? — поинтересовался я.

— Разумеется. Однако, как ты сам понимаешь, вполне допустимо ограниченное, а главное — разумное, рациональное и тактичное вмешательство с нашей стороны. Но только в особых случаях.

Я заметил, как мы начали плавно приближаться к планете.

— Во-вторых, нам необходимо будет какое-то время на адаптацию к более сильной гравитации S24.

— А что насчёт состава атмосферы?

— Об этом не стоит беспокоиться: имеются Восстановители, — Валидий вводил в компьютер необходимые данные для посадки. — И, наконец, не забудь перенастроить все свои приборы и оборудование на питание от собственных эвотонов: космическое воровство нам не к лицу, как ты сам понимаешь.

На трёхмерной модели Земли замигала красным цветом точка, расположенная в высоких северных широтах.

— В остальном же доверься мне: я и моя группа приобрели неплохой опыт во время установления постоянного контакта с землянами. Честно говоря, как только меня настигло известие о пропаже Милы, я понял, что второго полёта на S24 мне не избежать...

* * *

— Добро пожаловать в Норвегию — родину фьордов и викингов! — с любезной улыбкой приветствовал нас человек лет тридцати по земным меркам, с коротко подстриженными волосами и широкий в плечах. На нём был одет чёрный костюм — такой же, как те, что нам подобрал Валидий перед посадкой. Мы улыбнулись в ответ и опустили головы: у землян это считается одним из жестов

уважения или просто правилом хорошего тона при общении.

— Вас приветствует патрийская делегация! — отрапортовал Валидий. — Меня вы должны помнить, а это — мой коллега, Велфарий, — он посмотрел на меня и немного отошёл в сторону.

— Очень приятно. Стив Фоллинг! — представился мне человек в костюме. Кстати, в костюмах были все: непосредственно Стив и ещё пять мужчин того же возраста, двое из которых — в тёмных очках, несмотря на пасмурную погоду, и одна мило улыбающаяся девушка в блузке и деловых брюках с элегантной маленькой сумочкой и папкой с бумагами.

— Взаимно! Вы — председатель межцивилизационной комиссии? — поинтересовался я.

— Совершенно верно. А также глава Мирового Совета. Рады приветствовать вас на Земле.

Я улыбнулся и с признательностью кивнул.

— Велфарий работает в Центре космологии, непосредственно в отделе внепатрийных цивилизаций, — дождавшись паузы, тактично вмешался Валидий. — Просим с этого момента считать его членом нашей комиссии.

— Конечно. Диана, будь добра, проводи наших друзей к автомобилям, — Стив обратился к

той самой девушке в белой блузке. — Это — мой заместитель. Диана.

Мы по очереди вежливо пожали девушке руку.

— Сейчас мы с вами отправимся в одну из резиденций нашего Совета, недалеко от Лиллехаммера. Дорога займет пару часов, — рассказывал Стив, идя между мной и Валидием. — Сразу хочу выразить своё сочувствие в связи с пропажей Милы. Для нас это стало не меньшим шоком. Со своей стороны мы делаем всё возможное, чтобы найти девушку. Все наши лучшие специалисты со всего мира задействованы в операции по её поиску. Каковы ваши предположения относительно причин данного инцидента?

— Мы обсуждали их в нашем Центре, пытаюсь хотя бы приблизительно обрисовать список возможных вариантов, но не пришли к единому мнению. Ситуация сильно осложняется тем, что мы не можем с ней связаться.

— Да, Алмий мне рассказывал об этой загадке её природы.

«Забавно, — подумал я про себя. — Теперь нас двое таких, с которыми нельзя никак связаться».

— То есть вы хотите сказать, что она не упомянула об этом факте в автобиографии для

протоколов комиссии? — удивлённо спросил Валидий.

— Нет, — последовал категоричный ответ.

Валидий глубоко задумался, но его лицо медленно прояснялось, пока не осветилось удовольствием, как будто он нашел решение одного из самых сложных ребусов.

— Располагайтесь поудобнее, пожалуйста. Ваш автомобиль поведёт один из моих коллег, — любезно пригласил Стив.

Мы поблагодарили его и разместились внутри роскошного тёмного автомобиля. От водителя и его напарника впереди нас отделяла затемнённая перегородка, так что их почти не было видно. Закрыв плотно двери, мы с Валидием переглянулись. Он многозначительно поднял и опустил брови: я понял, что ситуацией мой спутник не доволен.

Стив, трое его коллег и девушка поехали на точно таком же автомобиле впереди нас.

Меня постоянно мутило — сказывалась гравитация Земли и атмосфера. А ещё болела голова, иногда бросало в пот. Самочувствие Валидия было не лучшим. Но всё-таки ему было, наверное, немного легче. За время прошлого контакта его организм уже несколько адаптировался к земным условиям...

Сквозь тонированные окна мы с

любопытством разглядывали окружавшие нас горы, местами покрытые лесами. Верхушки самых высоких гор прятались под белым покрывалом из снега. Их четкие очертания навевали присущие таким творениям природы строгость и силу. Лесистые же горы, между которыми как раз пролегла наша дорога, напротив — излучали нежность и скрытую в их плавных контурах лёгкость. Иногда в поле нашего зрения возникала река с быстрыми горными водами. Она бежала в стороне между высоких скалистых берегов. Небо всё время было затянуто плотными серыми тучами, на фоне которых местами темнели более густые и низкие облака. Воздух был свежим и прохладным. Я опустил стекло на дверцах, чтобы вволю надышаться. Мои более опытные коллеги неоднократно убеждались, что незначительные прививки атмосферой ускоряют процесс адаптации.

Мы молчали и не говорили друг другу ни слова. Так просил Валидий ещё на корабле. Поскольку я не мог общаться через Вызовы, то мы условились, что говорить друг с другом будем только на природе и никак не в помещениях, а тем более в автомобиле. Также он предупредил меня, чтобы я ни в коем случае никому не рассказывал о своей проблеме отсутствия связи с информационным полем. Мой спутник сидел слева от меня и полностью отдался разглядыванию

окрестностей, не выказывая на лице никаких эмоций.

Наши автомобили свернули с основной дороги налево и направились под гору, наполовину покрытую лесом. Вторую её часть занимали прекрасные насыщенно-зелёные луга, расположенные на склонах. На них то и дело виднелись небольшие аккуратные домики, слева паслись животные, чем-то напоминавшие наших фаргусов. Здесь люди именовали их коровами...

«Подвид — домашний бык. Замечательно всё-таки, что я успел до выхода на геостационарную орбиту подключиться к информационному полю и просмотреть основную информацию о планете и жизни на ней», — похвалил я себя. Наконец, впереди показалось небольшое трёхэтажное строение.

— Резиденция... — поспешил объяснить мне Валидий.

Я понимающе кивнул. Теперь у меня была возможность рассмотреть её поближе. За высокими воротами с небольшой пристройкой, видимо для охраны, пролегла широкая дорога к огромному фонтану, огибая его по кругу. Фонтан не работал. Слева и справа от него росли цветущие кусты, высаженные вдоль дороги. А прямо перед нами появился трёхэтажный дом, украшенный вверху скульптурами причудливых животных, очевидно

мифологических. Широкий дом условно состоял из трёх частей: центральная выступала вперед полукругом, другие — ровно выступали с обеих сторон. Центральная часть резиденции сверкала высокими и широкими окнами, тогда как боковые имели небольшие окошки на каждом из этажей. Вдоль дома цвели разноцветные розы. Наши автомобили остановились возле белой лестницы, полукругом огибавшей центральный вход к резиденции.

Я попытался открыть дверь автомобиля, но подоспевший мужчина любезно сделал это за меня.

— Привыкай... — немного недовольным тоном проворчал Валидий.

Я вышел и поздоровался со всеми, кто нас встречал. Стив, Диана и их коллеги также присоединились к нам.

— Прошу вас, — вежливо сказал подошедший к нам Стив, рукой приглашая войти в здание. — Одна из семи резиденций Мирового Совета. Здесь мы проводим заседания межцивилизационной комиссии. Диана сейчас вас проведёт в ваши покои, где вы сможете сполна отдохнуть и восстановить силы.

— А когда намечено первое заседание? — поинтересовался я.

— На утро завтрашнего дня, — взгляд Стива задержался на мне, и после непродолжительной

паузы он продолжил. — Велфарий, у меня к вам небольшая просьба, — лицо Стива стало очень серьёзным. — У нас среди множества предположений относительно Милы, существует вариант, который предполагает, что она по прибытии на Землю сильно растерялась и даже испугалась всего, что с ней происходит и может случиться в будущем. И таким образом, в порыве невротического расстройства, — было видно, как Стив старается максимально тактично подбирать слова, — решила уйти в себя и отгородиться от окружающего её мира.

— Исключено, — сухо заметил Валидий.

— Почему? — Стив перевёл взгляд на него.

— Нервная система нашего организма всегда стабильна. Конечно, каждому из нас присущи свои собственные, индивидуальные особенности его строения. Но на Милу это не похоже, в том числе и по характеру.

— И всё же, чтобы предусмотреть все возможные варианты развития событий, я хочу попросить вас и в особенности вас, Велфарий, — Стив повернулся ко мне, — сообщить нам, если вдруг каким-нибудь способом Мила попытается выйти на связь.

— Стив, а почему вы считаете, что она свяжется именно со мной? — спросил я его.

— Мне Алмий рассказывал, что вы

достаточно долго... — он немного запнулся, но сразу же продолжил, — по земным меркам, разумеется, работали вместе в Центре космологии. И конечно, знаете друг друга с детства.

Я посмотрел на моего коллегу: Валидий стоял и равнодушно смотрел то на меня, то на Стива.

— Да, конечно, — спокойно ответил я. — Если я или мой коллега, — Валидий при этих словах утвердительно, но всё так же безразлично кивнул Стиву, — неожиданно получим какой-либо сигнал от Милы, мы непременно сообщим вам об этом. В конце концов, мы занимаемся общим делом и понимаем, что это нужно в первую очередь нам. И что именно представитель нашей цивилизации доставляет вам хлопоты.

— И ещё раз выражаем вам нашу благодарность, — серьёзно и с уважением вмешался Валидий.

— Отлично! — довольно произнёс Стив. — Тогда не смею вас больше задерживать. Если понадобится, сообщите об этом любому из моих коллег, находящемуся в здании, и я непременно прибуду.

— Замечательно. Ещё раз благодарим вас за тёплый и внимательный приём! — сказал я, после чего Стив и все остальные мужчины в костюмах сели в автомобили и тихонько поехали обратно к воротам.

Мы переглянулись с Валидием. Я подошёл к нему поближе и тихонько сказал:

— Конечно, с их стороны это вполне разумная просьба, — я посмотрел на моего спутника.

— Безусловно...

— Да, Алмий поставил Стива в известность относительно неспособности Милы контактировать с полем. Однако, в конце концов, если всё-таки их предположение верно, она может выйти на связь и другими способами, — рассуждал я.

— Ох, Велфарий... Не нравится мне всё это.

— Их просьба?

— В том числе.

Валидий перевёл взгляд с отъезжавшего автомобиля на меня. Увидев моё озадаченное выражение лица, он добавил:

— А может, я и не прав вовсе. Пошли лучше внутрь. Диана, наверное, уже заждалась нас.

— И когда же ты, наконец, начнёшь внятно изъясняться? — спросил я задиристо.

* * *

Я подошёл к окну и взглянул на горы. Их освещала тёплым желтым оттенком звезда планетарной системы S24ASK — Солнце, которая показалась из-за туч слева от меня. Облачность немного отступила и я, наконец, увидел голубое

земное небо. В окно задувал прохладный вечерний ветер с богатым букетом всевозможных запахов. Отсюда отлично было видно дорогу, которая вела к резиденции. Где-то совсем далеко, она терялась в горных лесах, символизируя вечное единство начала и конца...

В дверь постучали, и я обернулся:

— Не заперто!

В комнату зашёл молодой парень с накрытым подносом.

— Ваш ужин, господин Велфарий.

Я стремительно направился к нему за подносом:

— Спасибо. Давайте я возьму его у вас.

Парень растерялся и нерешительно передал мне поднос в руки. Я ещё раз его поблагодарил и поставил поднос с ужином на стол. Открыв крышку, увидел несколько ломтиков белого хлеба и салат из кукурузы с зеленью: именно то, что было согласовано нашими цивилизациями при первом контакте и чем нас любезно угощали представители землян. Я понимал, что, несмотря на лёгкую тошноту и небольшую головную боль, мне необходимо съесть всё это для поддержания своих сил и адаптации к земным условиям.

Поеживав, я решил немного погулять на воздухе и вышел из комнаты. Попав в длинный коридор, который заворачивал налево, я пошёл

направо и очутился перед лестницей, ведущей на первый этаж. Однако прежде чем спуститься, мельком осмотрел свою одежду: нам предлагали выбрать или черный костюм, точь-в-точь как у мужчин, сопровождавших утром Стива, или легкие темно-синие спортивные брюки и белую футболку. Мне понравился именно второй вариант: в нем чувствовал себя комфортнее. Всю нашу одежду пришлось оставить на корабле, поскольку внешне она не отвечал ни одному из известных направлений земной моды.

Спустившись на первый этаж, я там никого не нашёл. На столике у выхода лежали два комплекта ключей. Я взял одну связку — определённо от автомобиля. Конечно, вождение автомобиля на Земле имеет мало общего с полётом на антиграве на Патрии. Антиграв связывается с нашим головным мозгом непосредственно через информационное поле и, таким образом, работает в особом режиме, где нам отводится лишь роль указующих направление и скорость полета.

Я вышел на крыльцо центрального входа и остановился перед ведущими к дороге ступенями в поисках припаркованных поблизости транспортных средств. Слева от меня в ряд стояли два автомобиля. Сверив изображение на ключе с изображением соответствующего значка на задней части автомобиля, я направился к первому из них.

Это было такое же по высоте транспортное средство, как и те, на которых нас сегодня привезли сюда, но заметно меньше в длину. Я открыл водительскую дверь, вставил ключ в замок зажигания и провернул...

* * *

Мужчина в чёрном костюме стоял и рассматривал резиденцию Мирового Совета, которая отсюда, с расстояния в один километр, казалась небольшой и игрушечной. В правой руке он держал папку с документами. Золотое кольцо на пальце блестело в лучах заходящего солнца. Мужчина в чёрном костюме был полностью неподвижен, как и сама природа вокруг: этот вечер выдался совсем безветренным.

Сзади тихо подошли два человека и остановились неподалёку. Не обращая на них никакого внимания, мужчина пристально рассматривал здание вдали.

Неожиданно один из стоявших согнулся, конвульсивно обхватив свою шею обеими руками. Стало отчётливо слышно его тяжёлое дыхание, постепенно переходившее в свист. Из рта потекла пена, спускаясь к аккуратно затянутому галстуку, который страдалец пытался ослабить. Лицо его почти почернело, и, наконец, он скорчился и

рухнул на землю. Его напарник застыл рядом, не в состоянии отвести исполненного ужаса взгляда от бездыханного тела.

Мужчина элегантно развернулся и, не посмотрев вниз, вкрадчиво поинтересовался:

— Ты же не хочешь закончить, как твой коллега, не правда ли?

Ошеломлённый напарник убитого со страхом посмотрел на него и быстро перевёл взгляд на приспущенный узел галстука покойника, закапанный пенистой слюной. Он не мог выговорить ни слова и только помотал головой в стороны.

— Тогда найдите мне её незамедлительно. Я устал от ваших неудач, — спокойно, но с определённой долей недовольства сказал мужчина, а уцелевший всё кивал и кивал утвердительно головой. — Передашь эту папку Стиву.

Тем временем из-за горки показались ещё двое мужчин. Один из них был тем, кто постоянно появлялся в голограмме на Патрии.

— С этой минуты будете подчиняться непосредственно им. Теперь можешь идти.

Оторопевший от испытанного ужаса человек молча развернулся и скрылся за горкой.

Двое подошедших остановились недалеко от лежащего трупа и ждали дальнейших указаний.

— Во-первых, тело необходимо убрать

отсюда. А во-вторых, срочно усильте наблюдение за Велфарием и будьте готовы в любую минуту взять его живым.

— Нам больше не помогать землянам в поиске девушки?

— Нет. С этого момента все наши группы концентрируют своё внимание исключительно на патрийце. Всё идёт по плану — так, как я и предполагал: как только он получит от неё Вызов, мы их обоих немедленно схватим.

— А с ней не будет проблем?

— Как только она узнает, что её брат попал к нам в руки — сама объявится. Я чувствую, что конец всех наших неприятностей как никогда близок и ждать осталось совсем недолго.

* * *

Я проехал на автомобиле совсем небольшое расстояние: по моим подсчётам, километра три-четыре, не больше. Выезжая из резиденции, я не стал ехать той дорогой, по которой мы прибыли сюда утром. Первый же поворот налево мне показался весьма привлекательным продолжением моей лёгкой прогулки. Дорога пролегла по подножию располагавшейся слева от резиденции горы. Я держал курс на заходящее солнце.

Управлять автомобилем оказалось совсем

нетрудно. Конечно, судя по полученной мной информации, у людей были автомобили и с более сложным управлением. Мой был намного проще: две педали, а обе руки находятся на руле.

Перед тем, как выехать на вечернюю прогулку по земным окрестностям, я перенастроил своего Помощника на питание от собственных эвотонов. И с тех пор две мысли основательно засели в моей голове.

Во-первых, может ли мораль наряду с эвотонами являться основанием для того или иного варианта-линии Пути и качества Точек в нём? Иными словами, даже при условии, что у разных цивилизаций различные представления о морали, является ли работа над собой в моральной плоскости основанием для развития? Я вспомнил, как я приводил простой пример с молитвой сынишке Златы. Но ведь существуют и иные явления, которые дают непременно отрицательный ответ на поставленный мною выше вопрос.

Известно, что убийство — тяжёлый грех во многих религиях и верованиях не только у землян, но и у представителей иных цивилизаций, где имеется разделение науки и знания о Душе и Боге. Даже у нашей патрийской цивилизации, которая пережила Великую Унификацию, когда наука и религия слились воедино и перестали существовать такие понятия, как мистика, магия и тому подобное,

сознательное и умышленное убийство высокоорганизованного сознания всегда являлось категорически недопустимым явлением. А всё потому, что оно отбирает величайшую ценность во Вселенной — возможность развития. Никто, кроме самого Пространства, не вправе её отнимать. И если предположить, что у определённой цивилизации моральные устои не совпадают с нашими и такой порядок вещей для них является естественным, то я никогда не соглашусь с их положительной оценкой убийства и теми положительными эвотонами, которые они генерируют в момент его совершения, какое бы оправдание для него они не придумали. Для убийства никогда и нигде нет ни одного оправдания!

И, следовательно, трактовать работу над собой в такой системе моральных координат соответствующей цивилизации как основание для развития — полнейший бред. А значит, я прихожу к единственно возможному выводу: основанием для своего совершенствования либо своей деградации может являться лишь соответствующий заряд эвотонов. Не более и не менее.

А второй мыслью, засевшей в моей голове, была возможная слежка за мной. Я обратил внимание, что с самого начала моей поездки по окрестностям Оппланна*, на расстоянии приблизительно сотни метров за моим автомобилем

следовало ещё одно транспортное средство, предположительно таких же размеров с выключенными фарами, хотя время уже было позднее. «Если это слежка, то очень непрофессиональная», — заметил я. Так как о нашем присутствии известно лишь Мировому Совету, то возможность такой слежки становилась ещё более удивительной. Ведь с их возможностями можно было организовать что-то менее заметное... «Даже если это так, ну и ладно, может у них это — стандартная в таком случае процедура», — заключил я и перестал обращать внимание на ехавший далеко позади меня автомобиль. Во всяком случае, земная цивилизация и её представители в лице Мирового Совета точно не являются нам врагами.

* Оппланн — один из норвежских районов (фюльке). Административный центр — город Лиллехаммер.

Солнце уже почти зашло за гору и блестело из-за деревьев красным сполохом. Его лучи рубиновыми потоками проходили сквозь них. Я впервые готовился к встрече со столь продолжительной ночью: планеты, на которых мне удалось побывать ранее, не имели столь длительного ночного времени суток. На секунду отведя глаза от дороги на участок земного неба, я увидел бледное полукружие Луны — того самого

спутника планеты, который мы использовали в качестве предупредительного маяка. Именно благодаря ему мы получили первый сигнал на Патрию о том, что земная разумная жизнь преодолела гравитацию своей планеты. «Сколько таких спутников вертится и ещё будет вертеться у иных населённых планет...» — представил я, но ненадолго.

Внезапно я почувствовал лёгкое недомогание. В моей голове, и до этого страдавшей головной болью из-за адаптации, пронзительно засвистело. Я немедленно снизил скорость и остановился у обочины. Включив аварийный сигнал и выйдя из автомобиля, я отошёл от дороги метров на десять. В глазах помутилось, и я упал на землю. Я ощутил Присутствие — эффект, являющийся неременным атрибутом контакта глазного свечения. Но как такое могло произойти со мной?! Ведь я потерял всякую связь с информационным полем...

Теперь я уже совершенно чётко представлял себе дальнейший порядок развития событий. Спустя полминуты я почувствовал, что полностью потерял контроль над всеми мышечными тканями, кроме мышц глаз. Я машинально закрыл их. Эффект Присутствия и гул в голове зашкаливали. Наконец, я не выдержал и открыл глаза: мне захотелось закричать! То ли от внезапности её появления, то ли от радости, то ли от

беспомощности. Всё смешалось во мне воедино. Но голос меня не слушался, я не мог издать даже стон или любой иной звук. Позади меня, возле моей головы виднелась чья-то фигура. А передо мной находился образ Милы. «Вел! Милый... — голос эхом звучал внутри моей головы. — Не доверяй им и не слушай их! Они в сговоре и убьют вас обоих! Необходимо срочно бежать оттуда. Я нахожусь...» — я не услышал заветные слова. Я не услышал её местонахождение!.. Она исчезла, свист и шум в голове резко стихли, эффект Присутствия уже почти не ощущался.

Я снова закрыл глаза и постарался успокоиться. Сколько раз я наблюдал, как мои более опытные коллеги в Институте науки осуществляли контакт глазного свечения... И сколько раз я замечал, как им трудно было прийти в себя после него. Но никогда не подозревал о состоянии объекта контакта в момент его совершения. Наконец, свист полностью прекратился, а из носа больше не текла кровь. Я кое-как всё-таки сумел подняться и, в конце концов, осмотрелся вокруг. Никого, кроме меня в округе не было. Возле обочины всё так же стоял мой автомобиль с включенными аварийными сигналами. Я направился к нему, но вдруг резко остановился. «Контакт глазного свечения невозможен без помощника!» В моей памяти

момента́льно появился стоящий позади меня силуэт. «Кто же ей помогал? Никто из людей не выдержит подобной концентрации эвотонов. Это непременно должен быть патриец!» — эти мысли одна за другой хаотично мелькали в моей голове.

Я попытался подняться на колени, но не смог и опёрся руками о землю. Периферическим зрением я заметил, что нахожусь здесь не один: возможно, возле дороги стояли несколько человек. Но сил на то, чтобы повернуть голову пока совсем не было. В глазах снова всё помутнело, а из носа закапала кровь.

Я сел в автомобиль, повернул ключ зажигания до упора и услышал шум работающего двигателя внутреннего сгорания. «Необходимо срочно всё рассказать Валидию», — заключил я и тронулся с места. Одно обстоятельство грело мою душу: с Милой всё в порядке! И пока — это самая главная новость с момента моего прилёта. И вдруг я поймал себя на мысли, что сейчас моё влечение к Миле приобрело совершенно новую, неизвестную мне ранее форму. Я не мог подобрать слова и описать его... Я чувствовал лишь сильную и непонятную мне привязанность к ней.

Тем временем солнце уже скрылось за горами, и на небе ярко засияла Луна. Хоть дорога к резиденции была отлично освещена, мне всё равно пришлось включить фары. Я вслух произнёс

команду Помощнику, который спроецировал голограмму с базовой информацией. Исчерпывающий перечень последней я задал моему компьютеру в начале нашей экспедиции: она была необходима мне, в первую очередь, для жизнедеятельности на Земле. Помощник представлял собой тот самый прибор с тусклой зелёной подсветкой, который носили на запястье практически все патрийцы. По размерам он напоминал когда-то очень давно носимые нами наручные часы, которые сейчас популярны у землян. Зато по мощности он превосходил все их компьютеры, вместе взятые.

Я посмотрел на спроецированную плоскость и задумался о местном времени. Выведенная информация немедленно изменилась: согласно показаниям Помощника, сейчас было около девяти вечера. Затем я мысленно решил перейти на вкладку питания и удостоверился, что он полностью функционирует только за счёт моих собственных эвотонов.

Надо заметить, что обеспечение работы нашей техники не являлось единственным предназначением генерируемых нами частиц. Например, с помощью них осуществлялись Вызовы: в эвотонах могли быть закодированы огромные массивы информации, которая затем передавалась в различные уголки нашей Вселенной.

Естественно, процесс кодирования и расшифровки полученной информации не происходил без участия наших компьютеров — Помощников. Но ключевую роль в этом процессе играл наш головной мозг. Именно за счёт его вибраций такая информация передавалась в компьютер и затем уже обрабатывалась последним. После кодировки посредством команды всё тех же вибраций нашего мозга она направлялась в эвотонах адресату на расстояние в десятки тысяч световых лет благодаря энергии несущих её частиц. На практике случались немногочисленные ситуации, когда удавалось осуществить передачу и в соседние галактики. В конце своего путешествия зафиксированные адресатом вибрации вместе с сопровождающими их частицами подлежали обработке его наручным Помощником, после чего распакованная информация успешно направлялась в головной мозг патрийца.

И, наконец, благодаря своей колоссальной энергии эвотоны обладали способностью влияния на структуру остальной материи и изменения её свойств.

Повернув направо, я увидел перед собой здание резиденции. До него оставалось метров четыреста. Я затормозил: впервые за всё время моего пребывания на планете меня посетили тревожные предчувствия. Я решил выйти из

автомобиля и осмотреться. Не найдя ни одной живой души в округе, я начал волноваться сильнее. «Никогда в жизни не испытывал такого!» — я совершенно чётко осознал в этот момент, что все происходящие со мной события символизировали отрыв от меня прежнего. Я никогда не помнил себя таким: ощущения, чувства, странный и нелогичный контакт глазного свечения... Контакт! Я вспомнил слова Милы! «Не доверяй им и не слушай их!» Что?.. Как?.. Не доверять людям? Почему? «Они в сговоре и убьют вас обоих!» — в моей голове отчётливо звучали её слова. Мировой Совет в сговоре? В каком сговоре? Почему Мила прячется от них? И самое главное: зачем землянам всё это? Вопросов у меня с каждой секундой становилось всё больше.

Я задержался возле открытой двери автомобиля ещё несколько минут, пытаюсь перебороть завладевшую мной нерешительность. «Как сложно без информационного поля... Мы стали очень зависимы от него. Я бы даже сказал, что слишком...» Я вернулся за руль и продолжил движение, но медленно. Мой автомобиль тихо въехал в главные ворота мимо пристройки для охранников, которых не было на месте. Я остановился у центрального входа, вышел из авто и направился к входным дверям. Зайдя внутрь здания, я положил ключи от автомобиля на их прежнее

место. Потом поднялся по лестнице на второй этаж, едва переступая отяжелевшими, будто у уставшего путника, ногами. Открыв дверь в свою комнату, я обнаружил стоявшего у окна Валидия!

— Что ты здесь делаешь? — спросил я с искренним любопытством.

— Сейчас начнётся, Вел!

— Что начнётся?

Я почувствовал, что меня кто-то разглядывает и резко оглянулся. Слева, прислонившись к стене, стояла Диана. Лицо её было крайне сосредоточено, с нахмуренными бровями. Она смотрела на меня недоверчиво — это выдавали её глаза.

— Диана?

— Велфарий! Слушайте меня
внимательно... — начала она, но было уже поздно. Неожиданно раздался громкий треск. Диана громко вскрикнула. Я моментально пригнулся и заметил, что Валидий резко развернулся, выставил вперёд руку и сконцентрировался на чём-то позади меня своим пристальным взглядом. Я с ужасом догадался и повернулся к двери... Мужчина в черном костюме, вдавленный в стену справа от выбитых дверей, болезненно шипел, ухватившись за горло, и захлебывался текущей изо рта пеной. Пистолет выскользнул из его руки и упал на пол. В следующий момент в дверном проёме появился ещё один мужчина с пистолетом. Резко и жутко его

подняло над полом и бросило о стену слева от дверного косяка. Я оглянулся назад. Валидий стоял с вытянутыми руками, на его лице проступили сосуды от испытываемого им напряжения.

— Вел! Пистолеты! — прокричал он.

Я в замешательстве развернулся. Человек справа замертво упал на пол. Такая же участь постигла и второго.

— Валидий! Что же мы творим! — вскрикнул я с ужасом от всего происходящего, подбирая оба пистолета.

Где-то далеко, наверное на первом этаже, слышались шаги. Валидий подбежал ко мне и выхватил у меня один пистолет.

— Ничего! Эти двое — земляне!

— Но мы не воевать сюда прилетели! — встревоженно прокричал я в ответ.

Валидий проверил магазин в пистолете.

— Я — нет, а ты — да! Это — твоя война и твоей цивилизации, Вел! — он быстро вставил магазин обратно и пронзительно посмотрел на меня. — Ты — землянин!

Я испытал шок! Я стоял и не знал, что делать! Весь мир перевернулся для меня в этот момент. Всё, что у меня было, забрали в одночасье и поменяли на незнакомое и чуждое. Всё родное исчезло и растворилось...

— Вел! — проревел Валидий во весь голос. —

Убегайте отсюда! Их с каждой минутой будет всё больше! — он подбежал к дверному проёму, немного высунулся и открыл огонь. Послышались ответные выстрелы... Моё сердце бешено колотилось в груди. В правой руке было крепко сжат пистолет. Я никогда прежде не убивал и не мог себе представить, что когда-либо буду вынужден это делать. И вдобавок, убивать своих же! Пускай даже и сволочь, но ведь — свою сволочь!.. Затем я взглянул на Валидия и понял, что чувство патристской привязанности во мне не погасло. Я не мог оставаться в стороне и допустить, чтобы мой друг погиб у меня на глазах. Я подбежал к нему с решительностью, но он резко оттолкнул меня назад. Краем глаза я успел заметить несколько тел, лежавших в коридоре: стрельба на время прекратилась...

— Я — не землянин, но я тебе приказываю убираться отсюда вместе с Дианой и немедленно! — он кинул взгляд в противоположный от меня угол комнаты, где недавно находилась девушка. Сейчас вместо неё посреди стены неожиданно появился из ниоткуда проём во тьму.

— На меня эти земные штучки не действуют, — ответил я Валидию на волне адреналина, зашкаливавшего в моей крови. — Может я и землянин, но мне плевать на весь этот

контроль и субординацию.

— Тебе решать! Но подумай о Миле, Велфарий! Подумай о нечуждых твоему сердцу Патрии и Земле, в конце концов. Ты нам всем нужен! — настойчиво убеждал он.

На мои глаза навернулись слёзы: я вдруг понял, что вижу Валидия в последний раз. Конечно, он это заметил.

— Я не говорил тебе, Вел. Но мой Путь должен скоро оборваться. Моя последняя Точка является именно нашим с тобой приключением на этой чужой планете.

— Ты знал об этом с самого начала. Почему не предупредил?

— А зачем? То, что неминуемо должно случиться — случится, ты ведь знаешь не хуже меня. А ставить под сомнение успех всей экспедиции ценой собственных чувств и эгоизма — не в моих правилах.

Я не выдержал избытка чувств: на глаза навернулись слёзы. Но я старался изо всех сил взять себя в руки.

— Спасибо, Валидий! — я по-мужски крепко обнял его.

— Убегайте с Дианой. Ей можно доверять — она всё знает о заговоре на этой планете, — он протяжно застонал и прикрыл левый бок рукой. Только сейчас я заметил красное пятно и

сочающуюся из-под белой рубашки кровь. — Я не стану заживлять её, — поймал он мой взгляд, — продержусь еще несколько минут.

Послышались шаги. Мы взглянули на проём в стене: появилась Диана и сразу же подбежала ко мне.

— Нам некогда — нужно срочно уходить. Люди у них всегда идут первыми...

— У них — у кого?.. Что это значит? — непонимающе обратился я к ней и почувствовал сильную слабость. Моё зрение потеряло резкость. Странно, но силы уходили, словно повторялся уже пережитый мною сегодня контакт глазного свечения.

Валидий и Диана внимательно посмотрели на меня и переглянулись между собой. В моих ушах снова засвистело.

— Да сколько можно уже этого свиста?! — закричал я во весь голос и прикрыл уши обеими руками. Сквозь небольшой туман в глазах я увидел, как Диана вслед за мной также закрыла уши и немного пригнулась. Затем Валидия, словно взрывной волной, откинуло назад в сторону окна. Я через силу поднял голову и посмотрел вперёд. Передо мной стоял мужчина невысокого роста, вытянув одну руку в моём направлении. Вторую руку он поднёс к своему лицу и спокойно проговорил:

— Патриец у нас. Его напарник нейтрализован.

За ним показался второй мужчина. Медленным шагом он приблизился ко мне, отшвырнул упавший из моей руки пистолет и задержался на несколько секунд, а затем направился в сторону окна к лежащему Валидию, у которого весь живот был залит кровью...

— Добивать? — коротко кинул он стоявшему в дверном проёме напарнику.

— Нет. Нам велено не трогать его. Он сам скоро должен сдохнуть. У него последняя Точка, — он развернулся и похвалил кого-то в коридоре: — Отличная работа, Стив. Можешь заходить, опасности нет. И отдай мне плазму.

В комнату вошёл третий, уже знакомый нам человек, и передал стоящему рядом мужчине «плазменный шок» — оружие, внешним видом напоминающее земной пистолет, но больше в размерах. Меня переполняли эмоции, хотелось выть от испытываемой ярости. Однако тело было обездвижено и даже в горле все скипелось. Я мог только бессильно стонать и рычать.

— Смотрите! Нашего патрица переполняет злость, — расхохотался Фоллинг. — А как же твои представления о плохом и хорошем? Как же там эти твои частицы, которые будут разрушать твоё сознание?

Моя голова разрывалась на части. Казалось, что шум и гудение внутри вот-вот разорвут её на куски. Боль выдавливала глаза. Сил оставалось совсем мало.

— А здесь великий и ужасный Валидий! — он подошёл к неподвижно лежащему телу и присел на корточки. — Считающий мелких и жалких людишек бесперспективным экспериментом каких-то там... — он оглянулся на остальных позади себя, — клаудеумов... — затем он встал и повернулся к двум находящимся у дверного проёма телам. — Но вот что интересно: а кто тебе дал право убивать моих людей? Почему сюда прилетает инопланетная зараза и начинает распоряжаться: кому жить, а кому — нет? Эти патрийские твари навязывают свои правила, которые сами же... — он замахнулся ногой и что было сил ударил Валидия прямо в рану на животе, — нарушают! И кто вы после этого?! Лицемеры! — прокричал он и с наслаждением ударил ещё раз.

В дверях показался человек с папкой в руке:

— Господин Фоллинг, мне велено передать вам это.

Фоллинг подошёл и взял папку. Открыв её, он несколько секунд рассматривал содержимое.

— Знаешь, что это? — обратился он ко мне с ухмылкой. — Это — Путь или, по-нашему, гороскоп твоей сестрёнки Милы. Знаешь, что я

сделаю с ней, когда мои ребята её найдут?

Человек, передавший папку, с момента своего появления почти не отводил глаз от двух тел. Наконец, после долгих колебаний, он громко кашлянул и решительно обратился дрожащим голосом:

— Господин Фоллинг, можно вас на секунду?

Фоллинг приподнял голову и недовольно посмотрел на него.

— Что случилось?!

Они оба вышли в коридор, где недавно пришедший человек около минуты что-то шептал Фоллингу на ухо. Двое, которые остались в комнате, переглянулись между собой. Неожиданно послышались два выстрела из-за дверей, и один из стоявших в комнате свалился на пол. Из его лба струёй потекла голубая жидкость, а глаза остекленели. Было совершенно очевидно: он мёртв. Мужчина, стоящий возле нас с Дианой, опустил руку и направил плазменный шок на целящегося в него из земного пистолета Фоллинга. В моих глазах всё помутнело, и я опустил веки. Раздался оглушительный выстрел... Затем второй...

Моё самочувствие снова возвращалось в нормальное состояние. Из носа опять потекла кровь, а свист и шум потихоньку утихали. Я протёр глаза: зрение восстанавливалось. У дверного проёма с внешней стороны лежали два тупа в

постепенно растекавшейся луже красной крови, а над ними стоял мужчина с плазмой. Диана стояла рядом со мной на коленях, направив расфокусированный взгляд в пол перед собой. Я повернулся к Валидию: он по-прежнему лежал возле окна. «Он мёртв?..»

— Мне пришлось открыть огонь на поражение по землянам.

Я заметил недалеко от себя валяющийся ствол: у меня не оставалось выхода. Валидий сказал, что я — землянин. А значит, по крайней мере, сейчас я нахожусь на двадцать четвёртом уровне и мне можно застрелить своего ближнего без последствий для себя.

— Убит Фоллинг и один из его людей. Да, мой напарник застрелен. Фоллингом.

Я прикинул расстояние до пистолета: мне необходима была лишь пара секунд, чтобы достать его и выстрелить.

— Конечно. Я немедленно приступаю к его восстановлению.

Мужчина с плазмой развернулся и направился к убитому, который лежал возле Валидия. Он присел на корточки и поставил рядом с телом небольшой предмет округлой формы, произнеся определённую последовательность цифр. Из отверстия в его центре поднялась голограмма, представлявшая собой трёхмерную модель живого

существа, внешне похожего на человека или патрийца с полным отображением его внутреннего строения. Поднявшись, он покрутил и осмотрел изображение. Затем нажал указательным пальцем на голову и выбрал какую-то команду из открывшегося списка сбоку. Вдруг огнестрельная рана на лбу убитого затянулась, а тело пришло в хаотичное движение, напомиравшее конвульсии. Данные на голограмме пришли в движение, а в различных частях модели возникали всплывающие окна с таблицами. В районе брюшной полости заморгала красным цветом точка. Стоящий рядом напарник убитого моментально отреагировал: нажал на точку и снова выбрал определённую команду, после чего посмотрел на тело.

Я, наконец, вернулся в более или менее нормальное состояние и внимательно наблюдал за происходящим. Внезапно моё внимание привлекло постороннее движение: пальцы на руке Валидия шевельнулись и снова замерли. «Валидий! Он жив!» Мне едва удалось сдержаться, чтобы не закричать от радости. Я продолжал наблюдать за его рукой. Через мгновение пальцы снова зашевелились, и Валидий приоткрыл глаза. Я оглянулся на Диану, и мы встретились взглядами. Она пару секунд молча смотрела на меня, затем плавно перевела взгляд на мужчину, стоявшего рядом с голограммой. Я всё понял и повернул

голову обратно.

— Играете в господа Бога? — с вызовом спросил я. Его взгляд по-прежнему был прикован к телу, которое уже спокойно лежало на полу без ран и крови. — И нагло используете для этого ворованные эвотоны! — я добился своего: он холодно и безразлично посмотрел на меня. Периферическим зрением я увидел, как Валидий приподнял голову.

— Не твоё дело.

— Ошибаешься! Как раз теперь — моё дело.

— А, ну конечно, ты уже ведь не патриец как бы... — ухмыльнулся он. — Тогда знай, что мы никогда не воровали жалкие человеческие эвотоны.

— Даже когда убили Фоллинга и тем самым нарушили свои договорённости? — я, конечно, импровизировал с этим предположением. Мне необходимо было любой ценой выиграть время: Валидий медленным движением потянулся к своему пистолету. «Но что же он делает! Это ведь не земляне! Он нарушит баланс!»

— Твой Фоллинг открыл огонь и убил моего напарника!

— А почему он убил его? — парировал я с вызовом.

Его напарник привстал и облокотился на правую руку. Раздался выстрел: пистолет Валидия второй раз подряд подрыл голову. Голограмма

полностью запылала красным цветом, все данные и таблицы исчезли.

— Нет! — закричал я во весь голос. — Он не землянин!

Валидий не слушал и моментально навёл оружие на пребывавшего в шоке напарника погибшего. Послышался щелчок, но выстрела не последовало. Не растерявшись, мужчина быстро нацелился на Валидия плазмой и застыл.

— Давай! Или ты боишься потерять воровские способности? — провоцировал его Валидий. — Вел! Да стреляй ты уже!

Я, собрав все силы, кинулся к лежащему недалеко пистолету и услышал мощный, но почему-то приглушённый выстрел в мою сторону. Схватив пистолет, я нацелился и замер. Обхватив руками стрелявшего и закрыв собой плазму, Валидий хрипло вполголоса произнёс:

— Вел, стреляй!

— Нет! — во весь голос завопил я и начал без остановки стрелять в голову убийцы Валидия. Я стрелял долго и упорно, пока в пистолете не послышались щелчки один за другим. Затем я отшвырнул пистолет в окно, стал на колени, поднял голову и сквозь слёзы снова закричал сорванным голосом:

— Валидий, нет! Нет! Нет!..

Глава 3

— Вел! Милый...

Моя концентрация находилась на максимально возможном уровне, а поток эвотонов зашкаливал. Её слова, которые она произносила вслух, звучали в моей голове сквозь туман рассеянного внимания, хотя смысл я, конечно же, улавливал.

— Не доверяй им и не слушай их! Они в сговоре и убьют вас обоих! Необходимо срочно бежать отсюда. Я нахожусь... — Мила сделала паузу и спешно прервала контакт с Велфарием.

Я открыл глаза и сразу же закрыл их. Наверное, машинально: за столько лет, в течение которых я совершал контакты глазного свечения либо непосредственно, либо в качестве помощника исполнителя, боль в глазах после окончания связи заставляла опускать веки, что вошло в привычку.

«Жаль, что я не увижу, как красиво светятся глаза моей дочери», — подумал я с большим сожалением. Хотя, помнится, один раз я как-то, преодолевая сильную боль, заставил себя открыть глаза и насладиться необыкновенным синим светом, исходящим из глаз моего старшего коллеги. Правда, было это очень давно: когда я только начинал работать в Институте науки...

Боль утих, и я смог поднять веки: Мила

спокойно лежала головой ко мне. Я тихонько отошёл в сторону. «Не привыкла ещё...»

Для осуществления контакта глазного свечения, как правило, энергии одного исполнителя недостаточно. Поэтому при проведении контакта всегда присутствовал второй патриец: в его задачу входило поддержание состояния Молчания участника — объекта контакта. Состояние Молчания выражалось в полном блокировании мышечных тканей, за исключением тканей глаз. Непременным атрибутом и спутником такого состояния контактёра являлся эффект Присутствия.

— Что произошло? — полушёпотом поинтересовался у меня приблизившийся Андрей.

— Не знаю... Она резко оборвала контакт.

Мы снова взглянули на Милу. Её золотистые волосы, прихваченные резинкой, спадали на край кровати. Лицо до сих пор сохраняло черты сосредоточенности и внимания.

— У нас мало времени. Если брать во внимание ваши расчёты, то до появления полиции осталось минут десять-пятнадцать, не более.

— Только если не появятся сами абсидеумы, — протирая глаза и садясь, обратилась к нам девушка, по-женски грациозно распуская свои пышные волосы. — Я их заметила там, в Норвегии, стоявших у дороги и наблюдавших за Велом.

— Этого следовало ожидать, — спокойно проговорил я.

— Может, стоит срочно оповестить наших людей в Норвегии?

— Нет. Абсидеумы не станут трогать его: до определённого момента он — в безопасности.

— К слову, Диана — одна из лучших у нас, — уверенно добавил Андрей.

Я поднял глаза вверх: он был на полголовы выше меня.

— Ей можно доверять на сто процентов, — добавил он.

— Ах, Андрей, если бы всем землянам можно было доверять... — сказал я со вздохом.

— Но мы её не раз проверяли в довольно сложных ситуациях.

— Время покажет, — я обратился к Миле, которая уже поднялась и перестала тереть веки: — Сколько их стояло возле дороги?

— Двое.

Я с сомнением посмотрел на Андрея. Его широкий лоб сморщился.

— Вы ожидали большее их количество? — поинтересовался он у меня.

— Конечно, — я взглянул на Милу. — Налицо явная недооценка возможностей Валидия.

— А как же Вел?

— Что бы ни произошло, Путь моего сына

продолжится дальше, а Валидий, к сожалению, вынужден будет покинуть нас в своём нынешнем обликии, — я опустил глаза вниз. — Жаль, что мне так и не довелось поблагодарить его. Надеюсь, что он всё понял.

— Я уверена, что Валидий догадался обо всём, когда в Веле проснулась его человеческая часть.

— Вполне возможно, — согласился я и открыл голограмму своего Помощника с обратным отсчётом. — Нам необходимо уходить отсюда.

— Но если ваша теория верна, тогда не всё ли равно, где мы с ними встретимся? — спросил у меня Андрей на пути к выходу из особняка.

— Сегодня нас могут встретить отнюдь не люди, как это было прошлые два раза... — быстро ответил я, доставая из кармана ключи от автомобиля, припаркованного возле дома.

— Поведу я. На всякий случай, — подмигнул я Андрею. — Ты готова, солнышко? — обратился я к Миле.

— Да, папа, — последовал утвердительный ответ.

Я завёл двигатель.

— Люблю земные автомобили. Особенно управлять ими, — сказал я довольно. — На Патрии они способны превзойти даже антигравы. Не силой. А духом. Может, мы зря когда-то отказались от

них.

— Как бы я хотел полететь к вам на Патрию... — с сожалением вздохнул Андрей, сидящий в кресле справа от меня.

Я улыбнулся ему в ответ, и мы тронулись с места. Слева от дороги волновалось море, билось прибоем о камни обрывистого берега. Справа — поле цветущих подсолнухов. Особняк, который одиноко стоял почти у самого обрыва, остался позади.

— Едем в Одессу? — поинтересовался у меня Андрей.

— Да.

Впереди показался поворот направо, который должен увести нас от моря вдоль поля наверх — на основную трассу.

— Какие наши дальнейшие действия? — слышался с заднего сиденья голос Милы.

Я подъехал к повороту и остановился, не заглушив двигатель. Опустив стекло водительской двери, я любовался морем: солнце играло на прозрачной водной глади золотыми бликами. Дно побережья окрасилось в розовый цвет. По всему небу размахисто раскинулись легкие кружева облаков, подгоняемые тёплым южным ветром.

— Будем ждать новостей из Норвегии и их ответных шагов, — констатировал я и надавил на педаль акселератора. Свернув направо, дорога

повела нас между полем подсолнухов и крутым спуском в долину с цветущими полевыми травами, который располагался слева. Вскоре за склоном показался небольшой населённый пункт.

Мы проехали метров пятьсот и остановились. Впереди стояли пять патрульных автомобилей и около двадцати человек в форме.

— Полиция, — быстро сказал Андрей.

Я вызвал голограмму Помощника и взглянул на появившийся счётчик: он замер и показывал одни нули.

— Всё верно. Кто-то умело перехватывает вибрации и каждый раз после контакта точно устанавливает наше местоположение, — резюмировал я.

— Неужели у Мирового совета появились такие технологии? — удивился Андрей.

— В том-то и дело, что нет, — ответила Мила. — А значит, это дело рук абсидеумов.

— И не просто абсидеумов, а патрийца-абсидеума... — я достав Излучатель, я передал его Андрею и серьёзно спросил: — Не забыл, как пользоваться?

Андрей помотал головой в стороны и опустил глаза. Я понимающе положил руку ему на плечо:

— По крайней мере, мы не опускаемся до уровня убийцы...

— Но и лишаем их возможности развития в

будущем, — тихонько и подавленно произнёс мой сосед. — Все, кто теряет после этого память, — ходячие мертвецы...

Андрей принялся задавать параметры. Один из патрульных впереди взял громкоговоритель и начал нам что-то втолковывать о совершённых нами преступлениях, о нашей теперешней безвыходности и о наших правах согласно законодательству. «Сейчас!.. Сейчас осуществится ярчайший акт несправедливости. Неужели они заслуживают этого? Неужели у них судьба такая? Неужели их привёл сюда сделанный ими выбор? Не может случиться так, чтобы Путь, который состоит из гармонии судьбы и выбора и являет собой, прежде всего, развитие, предусматривал в себе отсутствие такового. Бред! В месте, где есть выбор — всегда есть место развитию».

— А может быть, мы становимся и хуже убийцы... — немного отчаянно произнёс я.

— Смотрите! — вскрикнула Мила.

Мы с Андреем резко подняли головы. Один из полицейских стоял с поднесённым к уху мобильным телефоном в стороне от остальных. От него удалялся второй, на ходу инструктируя всех остальных. Затем он нерешительно устремился в нашу сторону.

— Достаньте плазму и будьте наготове, — на всякий случай предупредил я. — Искренне

надеюсь, что она нам не понадобится. Только не сейчас!

Позади идущего к нам полицейского, засуетились его коллеги: пять человек отогнали автомобили на обочину, а остальные переносили туда же заграждения, ранее установленные на дороге.

— Здравия желаю. Старший лейтенант Добренко. Прошу извинения за причинённые неудобства. Произошла досадная ошибка! — было заметно, как он старается подобрать каждое произнесённое им слово. — Мы ловим опасных лиц, совершивших тяжкое преступление, — он пристально посмотрел назад, где сидела Мила. — Ваше транспортное средство внешне схоже с тем, которое используют преступники. Однако, — он сделал небольшую паузу и уставился на меня, — при детальном рассмотрении выяснили, что мы ошиблись.

— А как же вы оттуда, — я слегка кивнул на уже расчищенный участок дороги, — успели детально ознакомиться с признаками нашего автомобиля? — насмешливо поинтересовался я у юнца. Тот стусевался.

— Вы можете проезжать! — наконец, выдавил он из себя и отошёл в сторону, махнув рукой коллегам, которые настороженно замерли в стороне.

Я без лишних приготовлений сразу начал движение и, поравнявшись с коллегами беседовавшего с нами парня, благодарно кивнул им. Некоторые из них поприветствовали меня в ответ. Кто-то даже махнул рукой вслед... Патруль позади полностью скрылся из виду. Я облегчённо вздохнул:

— Ещё несколько жизней спасены. Надеюсь...

— Я — тоже, — сказала сзади Мила.

— Что? — удивлённо спросил я и посмотрел в зеркало заднего вида.

— Надеюсь!.. — не менее удивлённо ответила она.

Мы улыбнулись друг другу.

— Вилирий, как вы думаете: что случилось? — озадаченно обратился ко мне Андрей.

— Если у Мирового совета не стояла цель нашего устранения, то, следовательно, я лично ожидаю контакта с их стороны.

— Вы считаете, что абсидеумы решили изменить тактику?

— Не факт, — деловито ответил я, — вполне возможно, что это — непосредственная инициатива Совета.

— Ведут двойную игру?

Я промолчал.

— Тогда интересно, какие цели они преследуют... С абсидеумами шутки всегда плохо заканчивались, — добавил Андрей.

— Всё, что мозг может себе представить — теоретически возможно с той или иной долей условности. А вот относительно причины изменённых обстоятельств — отчётливо ясно, что сценарий в Опплане развивается не по изначально утверждённому плану, — я мельком взглянул на Андрея. — Необходимо срочно запросить информацию у нашей группы.

— Подождите... — подала голос Мила. — Абсидеумы здесь причастны на все сто процентов.

Мы с Андреем посмотрели на неё в зеркало заднего вида.

— То, что им сливает информацию абсидеум-патриец лично у меня не вызывает никаких сомнений. Ни один землянин, равно как и ни один из представителей цивилизации абсидеумов даже теоретически не способен перехватить наши вибрации. Он непременно должен быть наполовину патрицем. Без вариантов!.. — согласился я.

Андрей закончил передачу необходимой информации в группу «Надежда» и закрыл голограмму на своём Помощнике.

— Замечательная штука! — с широкой улыбкой обратился он ко мне, кивнув на прибор,

аккуратно надетый на его правую руку.

Мы, наконец, свернули налево и теперь двигались трассой, которая вела в Одессу.

— И потребляет всего лишь два эвотона в час, не больше... — весело добавила Мила.

— Кстати, относительно эвотонов... Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, который я, видимо, не до конца понимаю.

— Задавай! — активно вызвалась отвечать моя дочь.

— Как может так получиться, что у цивилизации, у всех её представителей — один и тот же уровень развития? Например, почему у всех землян — двадцать четвёртый уровень развития? Отчего у меня, например, не может быть двадцать шестой или двадцать седьмой уровень при условии совершенствования и положительных эвотонов?

— Ответ очень прост.

Андрей, который какой до этого смотрел на дорогу через лобовое стекло, заинтересованно повернулся к заднему сиденью и приготовился внимательно выслушать Милу.

— Известно, что концентрация сознания зависит от упомянутого тобой уровня развития сознания, который в свою очередь соответствует номеру слоя информационного поля. Так, Андрей?

— А как вы различаете слои по их уровням и соответствующим им номерам?

— Уровень информационного поля и соответствующий ему номер — это достаточно условные понятия. Безусловно, мы не взяли их с потолка, — Мила улыбнулась. — Данная нумерация установлена совместным трудом учёных наиболее развитых цивилизаций путём сравнения и анализа доступных знаний с учётом моментов их открытия у каждой из цивилизаций.

— Я понял, — Андрей на секунду повернул голову в направлении дороги.

— Так вот, — продолжала она, — поскольку вся Вселенная заполнена сознанием, то и самоорганизовывается оно по-разному — в зависимости от степени своей концентрации. На определённом этапе своего развития и для его ускорения сознание непременно требует биологическую форму. И принято считать, что первым особям соответствующего вида биологической разумной жизни открыт первый слой информационного поля, то есть они находятся на первом уровне развития, — она закашлялась. — Папа, а где у нас вода?

— Посмотри в кармане моего кресла, солнышко, — я всегда знал, что тяготение к преподаванию у моих детей непременно найдёт своё применение на практике.

— Иными словами, уровень развития сознания всей цивилизации строго равняется

уровню развития сознания каждого её представителя до всеобщего перехода на следующий рубеж. Если у землян двадцать четвёртый уровень, то не может случиться так, чтобы у кого-то из них при рождении было иное значение — как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения.

— Но если у всех одинаковый уровень развития, то все должны быть похожими друг на друга по своему внутреннему росту, что точно не соответствует действительности. В жизни непременно кто-то более развит, а кто-то менее. Это порой заметно даже невооружённым глазом, — возразил Андрей.

— Формула незамысловата. В течение жизни уровень развития сознания каждого отдельного представителя соответствующей цивилизации не может быть выше значения, которое имело место при его рождении в силу того, что та положительная разница, которая непременно образуется при условии его совершенствования, никак не позволит открыть содержание следующего слоя лично для него. И наоборот: ниже быть также не может из-за того, что слой уже открыт при его жизни и заблокировать себя как информацию из поля он уже не сможет. Но и достигнуть значения ниже на одну единицу также не представляется возможным.

— Почему? — заинтересовался Андрей.

— Потому что та концентрация, которая условно равняется одному слою, обеспечивает жизнедеятельность и функционирование биологической материи.

— То есть речь идёт о физическом здоровье? О смерти?

— Можно сказать и так.

— А та положительная разница, о которой ты упоминала выше, как-то учитывается, скажем, в последующих воплощениях?

— Воплощениях?.. — переспросила Мила.

— Ну да. Реинкарнациях...

— Последнее слово для меня незнакомо. А относительно воплощений: имеется в виду повторное рождение биологической материи?

— Можно сказать и так, — слегка улыбнулся Андрей, повторяя недавнюю фразу собеседницы.

— Реинкарнация — синоним воплощения. Оба понятия, за редким исключением, основываются на страхе людей перед смертью и эгоистическом желании делать добрые дела лишь для того, чтобы заслужить для себя лучшую последующую жизнь, — позволил я себе вмешаться.

Мила задумалась.

— Ты как Валидий...

— Валидий был бы более красноречивым, —

парировал я, — а я лишь подчеркнул человеческое самолюбие. Но на самом деле, я намного лучшего мнения о людях, чем мой давний коллега. Всё у вас идёт своим чередом, — обратился я к Андрею как единственному представителю земной цивилизации в нашем автомобиле, — а требовать мгновенного роста было бы глупым, наивным и неблагодарным занятием. Не нужно думать только о прошлом или будущем. Вы очень часто бросаетесь с головой во всякого рода крайности. И это ещё одна ваша особенность, которая не способствует мудрости. Чтобы создавать будущее, необходимо жить настоящим и не задумываться о прошлом.

— А как же планы, цели, которые мы ставим? Бесцельность ведь тоже не способствует развитию... И опыт, накопленный в прошлом...

— Опыт, взятый из прошлого, живёт вместе с тобой в настоящем так же, как и цели, которые ставятся перед собой. Время — ещё один параметр наряду с биологической материей, без которого развитие сознания стало бы невозможным. Время даётся не для того, чтобы работать на него, достигая поставленных целей, а для того, чтобы использовать его. Служить и использовать — разные категории. Если взять информационное поле, к примеру...

— Вилирий, извините, что перебиваю! Информационное поле — это по-нашему Бог,

верно?

— От переименования ничего не изменится. Если вы под Богом понимаете универсальный закон, принцип, определяющий всё в доступной для нашего понимания Вселенной и задающий все необходимые параметры всему, что в ней находится — то это, безусловно, синонимы. В своё время у нас также разделялись наука и религии, пока не пришло понимание, что знание — одно и разделяется на составляющие лишь для анализа отдельных моментов, близких для соответствующей отрасли, а не для того, чтобы объяснять один и тот же момент по-разному. Но давай вернёмся ко времени... — я взял небольшую паузу, чтобы вернуться к предыдущей мысли. — Так вот, если рассматривать Бога через призму времени, то несложно догадаться, что для него такой категории не существует ни теоретически, ни практически. Если сравнить Бога с компьютерной программой как набором определённого кода, которая задаёт параметры и принципы работы для пользователя, то для неё также отсутствует фактор времени. Ведь сам код языка компьютерного программирования, на котором написана программа, остаётся неизменным, а результат взаимодействия пользователя с программой находится в постоянной динамике.

— Развитие — результат взаимодействия, а

программа — Бог, если рассматривать данную ситуацию по аналогии... — заметил Андрей.

— Совершенно верно, — наконец, решила присоединиться к беседе моя дочь. — И, на мой взгляд, некорректно было бы утверждать, что информационное поле саморазвивается. Это — инструмент для развития, но не сам его процесс.

— А вот я бы не был столь категоричным, — возразил я. — То, что патрийцы знают о поле — ничтожно малая капля в огромном море.

— Ты считаешь, что поле находится в непрерывной динамике!? — обратилась она ко мне.

— Если включить масштабное мышление и взглянуть на мир не с позиции его составляющей, а извне — то вполне может оказаться, что — да. Кажется, ты в Центре космологии разрабатывала теорию пространственной дыры. Мы мало что знаем об иных Вселенных. Однако на практике не будет являться фантастической ситуация, когда информационное поле само себя совершенствует через сознание, которое заполняет всё пространство и ищет оптимальный набор и сочетание ключевых параметров.

— То есть Вселенные, в которых мы находимся, регулируются как бы устаревшими версиями поля?

— Разговор приобретает явно компьютерный оттенок... — улыбнулся Андрей, который до

вступления в «Надежду» работал программистом и разработчиком программного обеспечения.

Мы посмеялись, после чего каждый на несколько секунд задумался. Вдоль трассы всё чаще можно было встретить торговые центры, автозаправочные станции, многоквартирные жилые дома. Одним словом, мы подъезжали к крупному городу. Приволье диких степей с цветущим разнотравьем менялось полями, где то золотились высокие подсолнухи, то колосилась щедрая пшеница.

В Одессе располагался один из центров нашей группы «Надежда», начало деятельности которой некогда было инициировано мной. Спонсировали и поддерживали группу различные по статусу и роли субъекты, не согласные с политикой Мирового Совета и деятельностью абсидеумов на планете: государства, международные организации, политики и общественные деятели. Государства и международные организации поддержку группе оказывали негласно и втайне от Совета. Имена и фамилии частных лиц также не подлежали огласке в целях их безопасности. Но всех объединяла одна общая цель — не допустить абсидеумов к прямому управлению планетой и земной цивилизацией. А для этого необходимо было обеспечить переход человечества на двадцать пятый уровень, что означало бы одно — запрет на любое

вмешательство извне.

— Да, может быть, — ответил я дочери после нескольких секунд раздумий на её недавний вопрос. — Возможно, информационное поле будущей Вселенной в чёрной дыре нашей галактики учтёт все ошибки...

— Допущенные им в нашей Вселенной... — закончил мою мысль один из моих собеседников. — А возвращаясь к нашему диалогу о целях, получается, что хоть желаемый флажок и ставится в будущем, но достигнуть его можно будет только развитием в настоящем. В конце концов, однажды он и станет частью настоящего.

— Безусловно, используя это правило на практике, сложно не впасть в очередную крайность: отказаться от предвидения, масштабного мышления, которое предполагает анализ возможных вариантов и стратегий в будущем... — продолжил я. — Чувство меры — одно из самых важных качеств мудрости.

— И всё же, — Андрей снова обернулся к Миле, — учитывается ли позитивная разница? Ты мне так и не ответила, — пояснил он.

— Конечно. Всегда и непременно. Правда, она тебе никак не откроет следующий слой, даже в случае всеобщего перехода, так как после последнего новый слой становится доступен только новому поколению, родившемуся сразу после

соответствующих изменений. Но зато эта разница существенно укрепит твоё сознание, что, теоретически, позволит тебе при следующем воплощении в очередном каком-нибудь биологическом теле перейти сразу на несколько слоёв выше.

Андрей благодарно кивнул Миле и, основательно задумавшись, уставился на дорогу.

Мы уже ехали напрямик через один из спальных районов города к его центру. Из-за жары пришлось приоткрыть окна автомобиля, чтобы свежий ветерок взбодрил нас. В вечернем небе на горизонте уже стали показываться первые звёзды. Небольшой затор в движении позволял мне довольно часто поднимать глаза на небосвод.

— Андрей, я тебя высажу возле Потёмкинской лестницы, хорошо? — обратился я к нему.

Андрей согласно кивнув.

— А вы планируете ехать дальше? — спросил он у меня.

— Нет. Мы с Милой запаркуемся неподалёку, а потом немного прогуляемся по вечерней Одессе по пути в центр.

Гулять по вечерней, а иногда ночной Одессе было одним из наших любимых занятий. Хоть я и нахожусь здесь недолго, но уже успел влюбиться в душу города и его талантливых, жизнерадостных,

всегда веселых жителей. В городе имелось огромное количество исторических достопримечательностей. Но больше всего нам нравилось подниматься по величественной и романтической Потёмкинской лестнице, лестнице в небо, где нас встречал смотрящий на море изысканный памятник герцогу де Ришелье. Наш излюбленный маршрут всегда имел продолжение через Приморский бульвар мимо городской мэрии к одному из самых красивых когда-либо виденных мною зданий — зданию Одесского театра оперы и балета, которое поражает, прежде всего, своей внешней и внутренней архитектурой. А его технические параметры позволяют слышать шёпот со сцены в любой части зала. Но красивейший внешний вид Одессы — это полдела. Его, без сомнения, дополняет вторая особенность — лёгкая, а оттого необычайно уютная атмосфера, немалый вклад в которую привносят сами одесситы.

* * *

— Господин Дифенти, Диана на связи! — бойко сообщил юноша, сидящий за компьютером в просторном многолюдном зале, заполненном разнообразным компьютерным оборудованием и с большими экранами на одной из стен.

— Соедините и выведите звук на

динамики, — довольно низким голосом отозвался человек спортивного телосложения, одетый в чёрные брюки и аккуратно заправленную в них строгую белую рубашку, стоящий перед экранами.

Юноша быстро пробежался пальцами по клавиатуре, после чего пронзительно пискнули черные динамики из-под потолка.

— Можете говорить, господин Дифенти! — тихо произнёс он.

Мужчина незамедлительно одел гарнитуру с микрофоном:

— Докладывай, Диана! — обратился он командным голосом.

— Господин Дифенти! — раздался из динамиков её чёткий, поставленный голос. — Мы с Велфарием живы и покинули территорию резиденции. Мне очень жаль, — она сделала небольшую паузу, — но Валидий погиб.

Все вокруг разом умолкли. Дифенти, не выказывая никаких эмоций, продолжил:

— Как он погиб?

— Он спас Велу жизнь... — голос девушки дрогнул. — Он закрыл собой плазму, когда один из абсидеумов выстрелил в Вела!.. — она заплакала.

— Вечная ему память! — с горечью молвил Дифенти. — Диана, — поднял он голос, — возьми себя в руки!

— Да, конечно, — прошептала она.

— Кто его убил?

— Сначала — Фоллинг, затем — один из абсидеумов.

— З-звери! — тихонько, но с ненавистью произнёс кто-то из присутствующих и все негодуяще зашумели.

Дифенти сделал шаг вперёд.

— Тихо! Валидий погиб не только за Велфария-патрийца, но и за Велфария-землянина, который живёт в каждом из нас. Он не стал бы жертвовать собой ради вашего эгоизма и ненависти! Проявляя свою злость, вы обрекаете наше дело на неудачу, а будущее человечества — на вечное рабство.

Шум начал стихать.

— Какие потери у наших врагов?

— Все убиты.

Наступила мёртвая тишина.

— И Фоллинг? И даже абсидеумы? — удивлённо спросил Дифенти.

— Да. Последних было двое. Сильные... Один из них эвотонировал нас достаточно долгое время. Забор эвотонов был очень сильным, как при контакте глазного свечения у патрийцев для поддержания Молчания... А затем произошло невероятное! — она умолкла, пытаясь подыскать нужные слова. — Фоллинг открыл огонь по абсидеуму. Одного застрелил, другого — не успел.

Оба землянина свалились замертво. После чего абсидеум активировал Восстановитель, который начал восстанавливать и Валидия. Он успел застрелить лежащего на полу восстанавливаемого, а на другого не хватило пуль. Абсидеум не стал стрелять плазмой в Валидия — побоялся потерять связь с полем. А Вел схватил ствол. И тогда Валидий кинулся на плазму... — Диана снова заплакала.

Дифенти стоял, задумавшись. Все продолжали молчать и внимательно слушали каждое сказанное ею слово.

— Вел убил мерзавца! Выпустил весь магазин ему в голову. Я не стала смотреть...

— Валидия первый раз убили в самом начале?

— Нет. Сначала он отстреливался от людей, которых кинули на нас, и уговаривал покинуть резиденцию без него. А затем началось эвотонирование... Когда нас сковало, Фоллинг плазмой выстрелил ему в живот.

— Повезло, что у абсидеума тоже там было ранение...

— Да, — Диана сумела взять себя в руки и говорила спокойно.

— Значит, началась межпланетная война... Ведь их договорённости предполагали полную взаимную неприкосновенность. Теперь, — Дифенти выпрямился, — у них развязаны руки. А в

ситуации, когда Мировой Совет остался без своего главы и стал недееспособен, они своего не упустят.

— Неужели решаться на полномасштабное вторжение? — слышалось откуда-то из зала.

— Всё может быть. Необходимо срочно подключить наших аналитиков, проработать все возможные варианты и, конечно, сообщить Вилирию все подробности, которые мы сейчас слышали. Куда вы сейчас направляетесь? — обратился он к Диане.

— Мы едем на север Норвегии, к кораблю, на котором прибыли Вел с Валидием.

— Зачем? — непонимающе спросил Дифенти. — Ведь там же полно абсидеумов!.. Не исключено, что корабля уже и нет на месте.

— С ним всё должно быть в порядке. Я позаботилась о безопасности объекта ещё перед тем, как патрийцы прилетели.

— Дело в том, что группа наших лучших бойцов, направленная нами недавно на место расположения корабля, так и не вышла на связь, — Дифенти потёр висок. — Будьте осторожны. Велфарий рядом?

— Да, господин Дифенти. Я здесь, — слышалось из динамиков.

— Велфарий, вам Диана всё рассказала о Миле и вашем отце?

— Да, я в курсе всего.

— Мы ещё не связывались с ними. Раз уж вы оба меня слушаете, мне интересно ваше мнение: что произошло в резиденции?

— Фоллинг застрелил одного из абсидеумов лишь после того, как выслушал своего подчинённого в коридоре. О чём шла речь — мы не знаем. Но, честно говоря, его реакция показалась в какой-то степени отчаянной...

— Вероятно, так его могло вывести из себя лишь одно обстоятельство — убийство землянина.

— Да, мы тоже придерживаемся такого мнения, — заметила Диана.

— То есть инициатором войны и агрессором стали именно абсидеумы. А если это правда — то у них на руках непременно должен быть какой-то козырь.

— Господин Дифенти! Незадолго до своей смерти Фоллинг взял папку от того землянина, который ему что-то нашёптывал в коридоре, — сообщил Вел.

— Что находится внутри?

— Там находился только Путь Милы, которого никогда не существовало. И непонятно, как он очутился на Земле.

Дифенти на несколько секунд задумался.

— А почему ты говоришь о папке в прошедшем времени? Она больше не с вами?

— К сожалению... — Вел запнулся, — нет.

— Когда Велфарий выпустил всю обойму в мерзавца, из коридора вдруг неожиданно появился мужчина, который кинулся к папке, схватил её и моментально скрылся из виду, — объяснила Диана.

— Землянин или абсидеум?

— С виду — непонятно.

— Как же ты тогда узнал: что в ней? — обратился он к Велу.

— Успел заметить, когда ко мне подошёл Фоллинг. Но я видел и сам Путь... Он идентичен моему...

— Что ты имеешь в виду? Как идентичен? Весь что ли?.. — непонимающе спросил Дифенти.

— Нет. Я говорил об участке с последней Точкой — она такая же пустая, как и у меня. Более того, как и в моём случае, пустая Точка не является последней в Пути...

— Я передам эту информацию твоему отцу с Милой, — сказал он после недолгого молчания. — А пока вынужден сообщить следующее: подкрепление к вам мы не сможем прислать ближайšie четыре часа — именно столько нужно для прибытия наших людей в Норвегию.

Не дождавшись ответа, окликнул:

— Диана?

Работник, который вывел звук на динамики, лихорадочно набирал что-то на клавиатуре.

— Велфарий? Вы меня слышите? —

оживлённо повторил Дифенти.

— Бесплезно, господин Дифенти. Связь с ними прервана.

— В таком случае немедленно соедините меня с Вилирием.

— Секунду, господин Дифенти.

Неожиданно на одном из больших экранов появилось окно с сообщением красного цвета и изображением восклицательного знака.

— Сигнал с камеры на главном входе в здание! — выкрикнул один из сотрудников.

— Выведите картинку на экран!

На экране появилось изображение улицы перед домом, где размещалось одесское отделение группы «Надежда». Улица была заполнена автомобилями с включёнными проблесковыми маячками. Между ними суетились люди в форме, а возле центрального входа выстроились две колонны полицейских, которые эвакуировали людей из остальных частей здания. Группа вооружённых бойцов специального назначения готовилась к штурму.

— Персоналу немедленно очистить помещение! — жёстко произнёс Дифенти. — Эвакуация через запасной выход в точке «Б». Всем сотрудникам службы охраны и всем, кто умеет обращаться с оружием, — построиться возле меня.

Большинство людей немедленно ринулись к

выходу.

— Господин Дифенти, извините! — послышалось за спиной у итальянца. Он обернулся: перед ним стоял один из компьютерщиков. — Винтовку я держать умею...

Дифенти кивнул. За дверью, через которые персонал только что оставил помещение, послышался топот и периодически прикрикивающий командный голос. За мгновение к помещению ворвался десяток мужчин, экипированных не хуже спецназовцев. Они выстроились в небольшом пространстве, а командир отряда доложил:

— Господин Дифенти, отряд готов к защите периметра!

— Снабдите этого молодого человека плазменным пистолетом и бронежилетом. — Дифенти повернулся к добровольцу: — Будешь слушаться во всём командира и выполнять только его команды. Ясно?

— Так точно, господин Дифенти! — бодро прокричал парень. — Капитан Гоуэнд, сэръ! — залихватски отдал честь командиру отряда.

— Вольно! — Гоуэнд протянул ему свой персональный плазменный пистолет. — Запасного бронежилета у нас с собой нет, а выходы из помещения уже перекрыты! Так что будешь прикрывать нас с тыла.

Молодой человек посмотрел на дверь, через которую только что вбежал отряд. Всё пространство дверного проёма заполняла оранжевая Субстанция, по которой периодически пробегали волны насыщенного ярко-жёлтого цвета. Затем его внимание привлёк экран: полиция перед входом уже разошлась, а штурмовая группа начала проникать в здание. Каждый из бойцов держал в руке плазму.

— Есть, сэр!

— Всем занять позиции! — приказал Гоуэнд. Основная часть бойцов «Надежды» перевернула столы и сделала из них защитное укрытие. Остальные спрятались за четыре декоративные колонны. Дифенти с Гоуэндом вместе с новичком перевернули ещё один стол за колоннами и приготовились.

— Стрелять на поражение! — прокричал Гоуэнд.

— Разве ты можешь быть уверен, что среди них нет землян? — тихо спросил у него Дифенти.

Гоуэнд не успел ему ответить: двери с грохотом и треском разлетелись на мелкие кусочки. Сработала взрывчатка... На их месте осталась лишь оранжевая Субстанция.

— Восстановители! Немедленно! — крикнул во всё горло Гоуэнд. Бойцы «Надежды», укрывшиеся за столами, дружно бросили в разные

стороны небольшие предметы округлой формы, каждый из которых упал на пол своим основанием, будто притянутый магнитом. Из отверстий каждого Восстановителя выросла голограмма трёхмерной модели определённого бойца с его именем и с постоянно обновляющимися данными в таблицах. Гоуэнд достал из-за спины второй Восстановитель и отдал его новичку. Тот быстро его взял, произнёс последовательно цифры и свои данные и отбросил его в сторону.

Перепуганный парень осторожно выглянул из-за стола. По центру Субстанции в дверном проёме появилось белое пятно, которое начало расползаться во все стороны.

— Они сейчас отрубят защитное поле! — прокричал он.

Дифенти быстро выглянул, а за ним — Гоуэнд и все остальные.

— Да они же отрубают поле! Это — абсидеумы, сомнений нет!

Гоуэнд бросил напряжённый взгляд на Дифенти.

— Будем стоять до конца! — уверенно произнёс Дифенти.

Гоуэнд хмуро, но с пониманием кивнул ему. У новичка сбилось дыхание — было слышно, как он начинает задыхаться. Гоуэнд взглянул на него.

— Возьми себя в руки, солдат! — приказал он

басовитым голосом.

Тем временем поле, которое уже полностью побелело, сначала отключилось на долю секунды, затем — снова заработало. А через пару секунд, дёрнулось и совсем исчезло. В динамиках механический женский голос проговорил: «Внимание! Защита внутренних помещений нарушена!» Послышались стуки, словно кто-то бросал на пол жестяные консервные банки. Один из бойцов, укрывшихся за столами, выглянул и пришёл в ужас.

— Боже! Они запустили Пауков! — едва он произнёс последнюю букву, как пуля впиалась ему в лоб. Голограмма с его именем и моделью пропала. Над ней стоял робот, внешне напоминавший паука с множеством металлических ног. Остальные заброшенные в зал Пауки резво устремились к другим Восстановителям.

— О, Боже! О, Господи! — шептал новичок.

В зал залетели дымовые шашки, послышалось: «Первый пошёл!» Как только в дверном проёме показался человек в специальной чёрной экипировке, кто-то из ребят «Надежды» привстал и расстрелял его на месте. Стрелявшего бойца сразу же убил выстрел из темноты напротив.

— Мы в ловушке! Нам некуда деться! — запаниковал кто-то спрятавшийся за укрытием.

Новенький снова украдкой выглянул и

закричал во всё горло.

— Кровь! Там красная человеческая кровь! Это — не абсидеумы! Это — люди! Это — люди! — возбуждённо прокричал он.

В это время в зал один за другим врывались бойцы специального назначения, и всё тишину взорвали звуки стрельбы с обеих сторон. Но никто из стрелявших не применял плазму, предпочтя ей огнестрельное автоматическое оружие.

— Немедленно выбросить Излучатели! — заревел Гоуэнд, перекрикивая грохот и крики.

— Нет! — гневно запретил Дифенти. — Ты с ума сошёл!..

— Брось свои гуманистические штучки! Я не готов и не хочу умирать сейчас.

Дифенти схватил его за ворот рубашки, выступавшей из бронежилета. В ответ Гоуэнд левой рукой вцепился ему в шею, обхватив её ладонью сзади.

— Ну что?.. Может, убьёшь меня? А может, ты заодно с ублюдками? — оскалился он.

— Одна твоя жизнь не стоит множества жизней этих ублюдков, и ты это прекрасно знаешь, — невозмутимо ответил ему Дифенти. — Может, ты боишься смерти?

Тем временем новичок испуганными глазами наблюдал, как Паук завис над его Восстановителем — последним в этом зале. Из «брюшка» робота

ударил мощный пучок лучей, который расплавил устройство. Но не успел Восстановитель расплавиться до конца, как мощный выстрел откинул Паука на несколько метров. Дифенти с Гоуэндом оглянулись: присевший на одно колено, новенький обеими руками держал пистолет и весь дрожал. Неожиданно Гоуэнд с размаху нанёс удар Дифенти в лицо, от которого тот откинулся назад и отключился. Быстрыми движениями командир вынул из специальных карманов на штанах несколько Излучателей и начал их поочерёдно активировать. Внезапно на него набросился новичок и ударил в голову сбоку. Излучатели рассыпались на пол. Гоуэнд, вцепившись в него правой рукой, нанёс удары левой в живот, а потом в челюсть. Наконец, новичок собрался, схватил его за ворот и потянул на себя, откинувшись назад.

Согнув обе ноги, он резким движением ударил его в грудь таким образом, что противника откинуло спиной к столам. В следующую секунду пуля вошла Гоуэнду в спину. Поднявшись, Дифенти бросился к обезумевшему, но тот из последних сил оттолкнул его и упал, упершись ладонями в пол. Немного приподняв голову и посмотрев на Дифенти, он ослабил и прохрипел:

— Забавно... Совсем нет страха!

Бездыханное тело Гоуэнда свалилось на пол... Дифенти взглянув на парня: тот обречённо смотрел

итальянцу за спину, его расширенные глаза наполнились слезами, а губы поневоле дрожали. Дифенти поднялся и медленно оглянулся назад.

Дыхание было неровным, а тихая и бессвязная речь складывалась в непонятные предложения. Дифенти поднялся и медленно оглянулся. Безусловно, он предусматривал подобную развязку, уже не надеясь на спасение. К нему мелким шагом приближалась сомкнутая группа бойцов, держа его на прицеле. В глаза неприятно били лучи света вмонтированных в оружие фонарей. Новичок затравленно смотрел на Излучатели, которые лежали возле убитого Гоуэнда...

Дифенти, уже ранее имевший опыт передраг, стоял молча. Он прекрасно понимал, что альтернативного выхода не существует. Хоть перед ними и земляне, но это — всего лишь исполнители чужой воли. Вряд ли они задумывались о причинах приказа и последствиях совершаемых действий. У них была одна единственная оправданная цель на данный момент — убивать. А оправдана она была интересами абсидеумов. Но вся абсурдность ситуации заключались именно в том, что стоявшие перед Дифенти ребята могли вовсе и не знать, кто такие абсидеумы...

После нескольких секунд размышлений Дифенти непреклонно и твердо взглянул перед собой. В конце концов, он имел на это абсолютное

право. Право, данное ему Пространством, как и право на жизнь, которое у него вот-вот отберут... Его сочувственный взгляд нашел новенького... «Рано ещё ему... Господи, как жаль... А убьёт его не выстрел землянина, а Пространство, которое предусмотрело такой шаг».

Дифенти вспомнил патрийские Пути и предусмотренные в них Точки. «Неужели сила выбора Пространства доминирует настолько, что может аннулировать мой собственный выбор? Я, скажем, решительно не хочу умирать. И новенький, очевидно, тоже. Вон как его трясёт».

— Успокойся! Слышишь меня? Успокойся! — прошептал он, пытаясь передать хотя бы частичку своей неуязвимости парню, который с безысходностью смотрел на него.

Между тем спецназовцы плотно обступили их со всех сторон и держали под прицелом. «Чего же они медлят?» — удивлялся про себя Дифенти.

Наконец, сквозь тяжёлое и неровное дыхание, новенький сумел выдать из себя лишь одно слово:

— Убьют...

— Ну и пусть! — гордо ответил Дифенти. — Убьют наши тела, но не заберут наши души! — он с упрёком окинул взглядом обступивших их людей. — Мне стыдно за человечество, когда я смотрю на вас!

— Мне тоже бывает стыдно... — холодно сказал незаметно появившийся у дверного проёма мужчина. — Знаешь, меня в последнее время начало преследовать это чувство и, по правде говоря, я ничего не могу с этим поделать... — он подошёл немного ближе и остановился.

— Я знаю, что облегчит твои страдания! — с вызовом сказал Дифенти.

— И что же это за лекарство?

— Называется: «Поцелуй меня в зад, инопланетная тварь!»

Мужчина в костюме кивнул бойцам...

— Сектор чист! — доложил один из них спустя несколько секунд.

— А я ведь серьёзно говорил о своих чувствах... — недовольно сказал пришелец, брезгливо отступая от лужи красной крови, которая растекалась из-под мертвых тел.

* * *

Мы провожали взглядами Андрея, поднимавшегося по широким ступеням Потёмкинской лестницы, символизирующей собой морской вход в город. Сто девяносто две ступеньки вели прямо к морю. А с самого верха лестницы, где тянулся Приморский бульвар, открывался замечательный вид на Одесский залив, порт и

Воронцовский маяк, который первым встречает суда, заплывающие в акваторию порта. Белоснежное строение маяка с цилиндровой башней и красным фонарем построено на краю узкого мола, который тянется далеко в море. Его построили вместо старого чугунного изящного маяка с сужавшейся башней, который были вынуждены взорвать во время обороны Одессы в 1941 году во времена Второй мировой войны. А если дул морской бриз, то можно было долго стоять и наслаждаться ослепительной красотой моря, вдыхая насыщенный йодом морской воздух на полную грудь....

— Присядем возле нашего любимого каштана, когда поднимемся?

— С удовольствием, — ласково согласилась дочь. — Где оставим автомобиль?

— Можно проехать дальше от лестницы...

Внезапно меня охватила еще неясная тревога. Я поинтересовался в Мили, которая копалась в файлах голограммы своего Помощника:

— Ты ничего не заметила?

Мила внимательно посмотрела на меня через зеркало заднего вида. Затем она перевела настороженный взгляд на улицу.

— Нет... — неуверенно и тихо сказала она.

Я внутренне собрался, сконцентрировался на дороге, и до меня дошло, что прошло уже

несколько минут, как мимо нас не проехал ни один автомобиль. Более того, обочины дороги тоже были совершенно пусты. Приморская улица сейчас опустела, словно не находилась в центре большого города. Лишь далеко впереди дорогу неспешно перебегала собака. Легкий ветерок гонял по асфальту сухие листья. Я открыл дверцу и вышел из автомобиля, внимательно изучая окружающую местность. С левой стороны находился порт и море, а с правой — лестница. Я поднял на неё взгляд и, пораженный увиденным, замер в плохом предчувствии. Похоже, Мила также увидела это зрелище, отворив задние дверцы, но осталась внутри салона.

Сверху, с самых верхних ступеней лестницы, от памятника Дюку де Ришелье, деловито спускались десятки людей в чёрных костюмах. Безусловно — абсидеумы. Именно они полюбили чёрные брюки и такого же цвета пиджаки, надетые на ослепительно белые рубашки, которые украшали аккуратно завязанные галстуки того же чёрного цвета. В течение всего времени, прожитого мною на Земле, я практически ни разу не видел абсидеума без этой униформы.

Инопланетяне спускались двумя колоннами один за другим вдоль левого и правого краёв лестницы. А вверху, перекрывая собой памятник, виднелся силуэт, смотревший в нашем

направлении.

— Кажется, это за нами... — испугано сказала дочь, выходя из автомобиля.

— Оставайся здесь, а я прогуляюсь наверх, — я минуту любовался своей Милой, а потом подошел и со всей нежностью родительской любви обнял её. А она крепко прижалась ко мне дрожащим телом.

— Ты вернёшься? — взволнованно спросила она, а и по её щекам покатались слёзы.

— За меня не волнуйся, — я посмотрел ей в глаза. — Запомни, солнышко! Ты и Велфарий — единственные, кто у меня остался в этом мире после смерти мамы. И я дал ей слово, что позабочусь о вас.

Мила опустила заплаканное лицо на мою грудь. Я снова крепко обнял её и погладил золотую копну волос. Затем, прикрывая собой дочку, повернувшись к лестнице, и решительно поднял голову. Неумолимый силуэт вверху как будто наливался чугуном.

— Мне пора. Видишь, как ребята стараются ради нас, — я взглянул на Милу и ободрительно улыбнулся. — Не стоит их огорчать... Полезай обратно на заднее сиденье и не выходи из автомобиля.

— Хорошо, — улыбнулась она сквозь слёзы.

Я уверенно направился к ступеням. Абсидеумы уже полностью спустились и хмуро

смотрели, как я поднимаюсь наверх. Все лица выражали, как и всегда для представителей их цивилизации, максимальную сосредоточенность и спокойствие. Я взглянул на каждую из двух колонн, проведя глазами от одного края к другому. Всего их стояло несколько сотен. Выглядело всё действительно масштабно и пафосно — по-абсидеумски. Я снова посмотрел на стоящего в центре. На этот раз, он немного сменил позу, немного выставив другую ногу. С неба послышался крик чаек. Я на мгновение остановился и поднял голову. Над лестницей пролетали несколько птиц в сторону моря, переговариваясь между собой. Я продолжил движение. Через несколько десятков ступеней, почти дойдя до верха, я в очередной раз попытался найти взглядом стоящего абсидеума. Но резко остановился и замер! Передо мной, провожая глазами улетающих птиц, стоял Алмий! Он не обращал на меня никакого внимания, меланхолично сосредоточив взгляд на белоснежной стае над морем.

— Я бы всё отдал, чтобы на мгновение стать птицей и ощутить всю глубину пространства и возносящую в небеса силу ветра...

Я молниеносно ринулся к нему и изо всех сил заехал в челюсть. Он не устоял на ногах, полетел назад и приземлился на локти.

— Это спустит тебя с небес на грешную

землю, ублюдок! — не выдержал я.

Вдохнув воздух полной грудью, он сплюнул в сторону голубой жидкостью и язвительно рассмеялся.

— А как же отрицательные эвотоны? — спросил он насмешливо, поднимаясь.

— А я получил истинное удовольствие при виде твоей боли и крови... — сощурившись, произнёс я, старательно выговаривая каждую букву.

Он снова довольно рассмеялся:

— Вижу настоящего абсидеума перед собой!

Я промолчал.

— И почему же ты с ревностью не заявляешь, что наполовину патриец? Неужели, наконец, махнул рукой на этих жалких людей, которых ты с таким усердием защищал? — не дождавшись от меня ответа и понимая, что пока меня не удаётся спровоцировать, он продолжал: — Разве в них может быть что-то ценное, кроме генерируемых эвотонов?

— Которые вы воруете?

— Мы заключили соглашение с их властными структурами, которые не доказали свою состоятельность и способность чётко придерживаться достигнутых договорённостей.

Я нахмурился.

— Ты уничтожил всех членов Совета?

— Только его главу. Люди испытывают острую необходимость в контроле, поэтому моментально теряются, если их предводителя устраняют.

— И ты надеешься занять его место?

— Не обязательно. Но отныне руководить планетой будет абсидеум.

— С чего ты взял, что оставшиеся члены Мирового Совета пойдут у вас на поводу и признают его легитимность?

— А что им ещё останется делать? В отсутствии иных кандидатов, о чём мы непременно позаботимся, людей охватит такая паника, что результатом станет острая потребность в лидере. И мы им предоставим достойного претендента. Ты не согласен? — Алмий отыгрывался за всю мою неприязнь к нему. — Ты, наверное, считаешь, что мы должны убраться отсюда? Но ты протри глаза и взгляни на человечество без своих розовых патристических очков. И знаешь, что ты увидишь?

— Свободу выбора!

— Брось! Люди никогда не будут свободными только потому, что ничего не знают о свободе. В них живёт много страха, который способен предоставить человеку лишь иллюзию, тень свободы.

— Всё меняется и ничто не стоит на месте, — парировал я.

— Опять ты выдаёшь желаемое за действительность. И я, и ты прекрасно знаем, что страх человечества, как и сама их цивилизация — искусственное творение в лабораториях клаудеумов. Избавить их от страха — значит заново создать человека. Но это уже будет другое творение. И потом, зачем клаудеумы наделили человека не только страхом, но и столь мощной психикой, способной генерировать эвотоны в колоссальных количествах? Уловил ход мысли?

— Избавить от страха земляне могут и сами себя, а свои оправдания оставь себе в качестве туалетной бумаги, засранец! — я сделал шаг вперёд. — Мы ничего не знаем о клаудеумах и целях, преследуемых ими. Мудрейшая цивилизация не стала бы опускаться до уровня субъекта, который убивает, ворует и гордится тем, что совершает, выдавая свои действия за спасение и заботу об окружающих, — я снова с размаху ударил его в лицо. — Да, — я продолжал говорить лежавшему абсидеуму, пытавшемуся привстать и облокотиться, — у людей присутствует страх. Но страх является недостатком только с одной стороны. А с другой стороны, он заставляет двигаться вперёд и развиваться. Но человечество само должно решать, каким образом использовать свой страх и никто не вправе им мешать...

— Значит, ты не согласен с законами

пространства и двадцать пятого уровня, надо понимать? — Алмий поднялся, ощупывая одной рукой нижнюю губу и отгоняя взмахом второй руки абсидеумов, что бросились ему на помощь. — Второй удар, надо полагать, за Валидия? — язвительно спросил он и получил третий.

— Сукин ты сын! — с негодованием выкрикнул я. — Убийца!

Алмий снова оказавшись на спине, некоторое время высматривал что-то в небе, потом осторожно повернул голову в моём направлении.

— Сколько ещё ударов ты планируешь нанести мне сегодня? — возмущённо обратился он, в который раз поднимаясь на ноги. — Может, сразу убьёшь меня здесь?

Я молчал, собираясь с мыслями и усмиряя нахлынувшие чувства.

— Я вовсе не убийца. — Алмий опять отмахнулся от помощи абсидеумов и принялся разглагольствовать: — Убийца — тот, кто убивает ради удовольствия и наслаждения. Ты же не назовёшь мясника на скотобойне убийцей. Хотя по значению совершаемых им действий, если абстрагироваться от философии, он ничем не отличается от преступника. Разница заключается лишь в выборе жертвы. Но мясник убивает не потому, что ему нравится лишать жизни животное. У всех есть судьба, Вилирий. И от неё не убежишь,

как бы ты не старался. Но её можно изменить, не спорю... Изменить не программу, а её качество. Словом, если кому-то суждено умереть, то он умрёт, в конце концов. Но каким образом — пусть сам выбирает. Судьба нам предоставляет выбор, а исполнители меняются в зависимости от принятых нами решений.

— Если ты не убийца, то кто же тогда? — не выдержал я. — Исполнитель воли Пространства?

— Вот ты заявляешь, что человечество должно само решать, каким образом использовать свой страх. Но почему же тогда пространство даёт нам возможность до двадцать пятого уровня вмешиваться в дела низших цивилизаций? Может, именно вмешательство, а не страх, есть то испытание, тот потенциал развития? Может, именно мы, абсидеумы, станем ключом к совершенствованию землян, если на то будет их воля?.. А может, клаудеумы именно это и подразумевали, когда создавали человека в своих научных центрах? Ты не задумывался, что вся высокоорганизованная биологическая разумная жизнь в начале своего пути требует наличия страха? Может, в конце концов, это не клаудеумы придумали, а Пространство так предусмотрело в каждом случае? — Алмий настроился разглагольствовать, что ж — меня это устраивает, говорить и я умею.

— Если пространство и предусмотрел наличие страха в качестве потенциала для развития, то этот факт вовсе не означает, что так и должно быть. Абсидеумы не придают значения силе выбора и игнорируют её. А ведь ткань пространства строится на выборе сознания, облечённого в биологическую форму с развитой нервной системой. Вот взять лежащий под моими ногами камень — та его материя, которая именуется сознанием, не имеет возможности выбирать. Но совсем иная ситуация предусмотрена для землян, для патрийцев, для абсидеумов и остальных... Именно за счёт них и функционирует Вселенная, за счёт сделанного выбора каждого представителя таких цивилизаций. И если кому-то суждено умереть от твоих рук, то не факт, что это — неизбежность. Умереть можно и от упавшего на голову метеорита... Твой выбор насилует выбор твоей жертвы. И поэтому ты — эталон убийцы. Да, может быть ты не получаешь удовольствие и наслаждение, но все твои жертвы — не скот у мясника, — я оглянулся по сторонам: смеркалось, и зажглась ночная иллюминация Приморского бульвара, которая поражала изобретательностью сияющих кружев разноцветных гирлянд, украшавших каждое дерево.

— «Пути Господни неисповедимы». Кажется, так говорят люди? Как много знают наши цивилизации о пространстве и информационном

поле, и как много новых вопросов появляется каждый раз, — Алмий рассмеялся. — Разве можно себе представить, чтобы люди каждый раз решали все свои конфликты так, как это делаем мы сейчас?

— Подумай о том, какими были наши цивилизации в своё время!

— Историю в те времена было очень легко сфальсифицировать в соответствии с чьими-то интересами.

— Детали! Детали можно сфальсифицировать. Но общий ход развития никак не скроешь...

— Разве мы похожи? Мы — цивилизация, не похожая ни на землян, ни на патрийцев. У нас почти отсутствует нервная система, поэтому мы вынуждены ради совершенствования заниматься добычей эвотонов.

— Ты же наполовину патриец, как и я!..

Алмий сделал вид, что не слышал моих слов и продолжал:

— Пользуясь теми преимуществами, которые предоставило нам Пространство, мы получили согласие от землян на забор их психической энергии. Взамен делимся технологиями. Так что нас упрекать не в чем. В конце концов, мы могли бы никого и не спрашивать!

— Хочешь сказать, что ты лично получил согласие от каждого землянина? А технологии, которые вы предоставляете, — я развёл руки, — где

они?

— Согласие нам предоставил Мировой Совет, который полномочно представляет всё человечество. Технологии мы добросовестно и регулярно предоставляли в рамках ранее действовавшего соглашения. Всё остальное — абсидеумов не волнует и даже больше — никак не касается. Это внутренние дела самих землян. Вот пусть сами и разбираются!

— Вы не заслуживаете именоваться космической цивилизацией! — произнёс я с негодованием. — Ваше общество основано не на высокоморальных принципах построения и функционирования. Вместо того чтобы помогать низшим цивилизациям развиваться, как следствие — содействовать развитию всего пространства вокруг, вы лишь заражаете их своим вирусом паразитизма и разлагаете с ещё большей силой.

— Нет! Всё упирается в два вопроса: моральности и заряда эвотонов. Перед тобой, — Алмий демонстративно показал рукой на себя, — стоит представитель антиморальной цивилизации с точки зрения патрийцев и большей части землян. Но вопрос моральности нам вовсе не мешает прогрессировать, развиваться, а именно — совершенствоваться за счёт положительных эвотонов. Вывод: так горячо любимая вами мораль — лишь часть соответствующего мировоззрения, но

никак не обязательная часть развития.

Неожиданно я заметил периферическим зрением, как справа от меня на автомобильной дороге появился какой-то объект больших размеров. Я повернул голову и увидел, как над проезжей частью, которая ещё несколько секунд назад была совершенно пустынной, появились три космических корабля с открытыми входами, которые упёрлись своими основаниями в асфальт.

— У вас нет подобных технологий, — пренебрежительно улыбнулся Алмий. — Новейшая разработка наших учёных. Полная прозрачность объекта, которая позволяет скрыть даже контуры. Как видишь, технократический курс развития имеет свои преимущества.

Я некоторое время молчал, но, в конце концов, решил сказать ему:

— В тебе душа патрийца, Алмий. Так же, как и во мне. И ты её никуда не спрячешь... Душа, чуждая технократу, в отличие от остальных абсидеумов. Но, что важнее всего, в тебе нет страха, нет склонности к контролю. А следовательно, ты в состоянии мыслить независимо и видеть то, что не могут другие. И вопрос моральности рано или поздно заставит тебя переосмыслить все твои представления о мире!..

— Волнуешься за меня? — всё с той же иронической улыбкой спросил он.

Я отрицательно помотал головой. Высокомерие постепенно уходило с лица Алмия.

— Никто за тебя не волнуется, поверь мне... Единственный субъект, которому ты безразличен, — Пространство. Но и оно не станет лить слёзы по тебе.

— Я ему безразличен, но оно не станет лить слёзы? — с наигранным сомнением переспросил он.

— Безразличен, потому что твоё развитие одновременно является и его развитием. Но плакать не станет, потому что таких, как ты...

— Каких? — живо перебил Алмий.

— Недалёких, — быстро ответил я ему, — оно отправляет на циклическую отработку до тех пор, пока, спотыкаясь и наступая на одни и те же грабли, не поймут одно незамысловатое правило, — мой собеседник продолжал вопросительно смотреть на меня. — Твоему сознанию, извини за выражение, наплевать на твои технократические штучки, представляющие для тебя определённую ценность в жизни. Когда ты умрёшь, что неизбежно, то заберёшь с собой только одно — накопленный тобой опыт. Вот что действительно бесценно!

— Люди с тобой точно не согласятся...

— Большинство, скорей всего, — да. Но всему своё время. Критическая масса землян, мыслящих гораздо глубже остальных, которая необходима для

всеобщего перехода всей цивилизации на следующий уровень развития сознания, была замечена мной уже достаточно давно. И как только её наберётся пятьдесят один процент от общего количества — песенка абсидеумов на Земле будет спета.

Алмий промолчал и сделал условный знак своим подчинённым, всё так же смиренно стоявшим на лестнице. Подняв левую руку, он сделал ею несколько круговых движений, означавших, по-видимому, готовность к организованному отлёту.

— А как же все земные блага?

— А что земные блага? Материальное благосостояние должно быть неизменным и производным атрибутом от глубины душевного мира. Но не наоборот...

— А у людей чаще — наоборот... — парировал Алмий. — Так же, как и у абсидеумов. И даже более того — на наших планетах правит несправедливость. Неужели не заметил? — он театрально и удивлённо поднял вверх брови, затем начал делать чёткие жесты руками в пустом пространстве без голограмм. — Но если ты у землян всё можешь списать на их неразвитость, — в этом месте он демонстративно прекратил всякие движения и посмотрел прямо на меня, — то как объяснишь несправедливость абсидеумов,

цивилизация которых даже патрийцев обогнала по уровню своего развития!? Почему же ты борешься за людей, а на абсидеумов полностью махнул рукой, забыв об их существовании? — он укоризненно покачал головой и продолжил манипуляции с невидимыми объектами.

Алмий закончил пользование компьютером, встроенным в его линзы и внимательно посмотрел в сторону Приморской улицы. Я сделал то же самое. Абсидеумы начали спускаться в направлении стоявших космических кораблей, каждый из которых теперь подсвечивался своим отдельным цветом, и которых уже было значительно больше, чем ранее. Некоторые из подчинённых Алмия, подчиняясь его действиям, нажимали на виртуальные кнопки в пространстве и только тогда начинали движение. Затем я увидел Милу, которую осторожно сопровождали двое абсидеумов. Моё дыхание участилось, в висках мощно забил пульс. Дойдя до первого из трёх кораблей, она остановилась и посмотрела на меня. Я не знал что делать: меня охватило отчаянье.

— Только не вздумай совершать глупости, — строго обратился ко мне Алмий, который пристально наблюдал за мной. — Да, твоя дочь в некотором смысле являлась приманкой, чтобы вытащить Велфария из вашего логова, где я совершенно бессилён, — он сделал несколько

шагов к ступеням, затем остановился и внимательно посмотрел на меня. — Это я ей подсказал лететь на Землю. И тебе подскажу: в твоём случае ещё не поздно передумать и сделать правильный выбор...

Я молча смотрел на него, а затем перевёл беспомощный взгляд на свою дочь. Один из сопровождавших абсидеумов подтолкнул Милу вперёд, после чего все трое вошли в корабль.

— Ты убил Фоллинга и Валидия. Следовательно, вы зачистили резиденцию в Оппланне. Где мой сын?! — спросил я.

— Продолжай в таком же духе и скоро, я уверен, ты достигнешь наших высот, — с язвительным оскалом прошипел он. — А твой сын, поверь мне, скоро будет в наших руках. Он же весь в папу — такой же смекалистый, но чересчур правильный, что его и погубит, в конечном счёте.

— Да пошёл ты!.. — я был резок в своих высказываниях и движениях. — Я вернусь за ней. Вернусь за Велом, — мой указательный палец был направлен на Алмия, — и я вернусь за тобой!

— Договорились! — засмеялся Алмий. Он развернулся и уверенным шагом начал спускаться вниз. К нему подбежал один из его приспешников и что-то осторожно спросил, хищно глядя в мою сторону. Алмий, не дослушав его вопрос до конца, лишь отрицательно покачал головой.

Глава 4

— Нет, — мой голос звучал уверенно. — Я говорил об участке с последней Точкой — она такая же пустая, как и у меня, — я старался вспомнить подробности. — Более того, как и в моём случае, пустая Точка не является последней в Пути...

— Я передам эту информацию твоему отцу с Милой, — ответил Дифенти.

Мы с Дианой промолчали и ждали продолжения нашей беседы. Наконец, я решил внести разнообразие в затянувшуюся паузу.

— Отлично, господин Дифенти. Мы тоже планируем связаться с ними немедленно, — я заподозрил неладное и обратился к Диане. — Слушай, там что-то творится, связь потеряна...

Диана открыла свойства соединения в своём Помощнике и взялась просматривать настройки, судя по движению руки в пространстве. Мой взгляд был прикован к освещённой фарами дороге, а руки крепко держали руль автомобиля. Время было уже поздним, на небе ярко светила Луна. Резиденция осталась позади, и наш автомобиль быстро мчался на север страны.

— Да, связь утеряна по совершенно непонятным мне причинам. И восстановить её не

получается.

— Мы же недалеко от Лиллехаммера, верно?

— Да, — бодро ответила она.

— Мне Валидий рассказывал, что там имеется отделение группы «Надежда».

— Когда-то оно действительно там располагалось.

— А сейчас?

— В Осло. Но из-за срочности этого переезда нашей группы, мы всё оборудование оставили в Лиллехаммере.

— Может, тогда есть смысл туда заехать? И связь восстановим, и арсенал заодно пополним. Вдруг пригодится...

— Отличная идея! — живо согласилась Диана. — Молодец! Мне бы точно эта мысль не пришла в голову.

Указатель скорости на спидометре находился на отметке около ста десяти километров в час. «Интересно! — подумал я. — Если бы я не заметил, что летим с такой скоростью — никогда бы не поверил. Отсюда, из салона автомобиля, определённо кажется, что едем в разы медленнее...»

— Сто десять километров в час! — обратился я к Диане. Девушка улыбнулась мне в ответ и продолжила изучать настройки своего наручного компьютера.

В этот момент я внезапно осознал, что её присутствие мне не безразлично. Действительно, она казалась такой близкой и искренней, невзирая на самые первые впечатления. И в этот момент передо мной появилась Юва: я вспомнил, как она стоит среди цветущих лугов Ланга с распущенными пышными золотистыми волосами, которыми игрался шаловливый ветерок; её улыбку и идеально ровную поверхность пухлых губ, нежно касавшихся моей кожи; тепло её ласковых ладоней; тонкий опьяняющий аромат, исходивший от неё... И горячий поцелуй с закрытыми глазами... «О, Вел... Душа патрийца...» — шептала она мне. «Обними меня и поцелуй снова», — нежный голос был сладок, как мёд. Она тихонько дотронулась губами до моего лба и поцеловала. Затем аккуратно положила руки мне на голову и плавно прислонила к себе, а я принялся целовать прекрасную шею... «Вел, милый... Душа патрийца...» Её пальцы дотронулись до моего подбородка и всё так же плавно приподняли его. Вторую руку она положила на мою щеку, и я почувствовал солнечное тепло её чувств. Она радостно улыбнулась и снова повторила: «Душа патрийца!» Затем тихо, но протяжно сказала: «Вел». Её взгляд стал тревожным, зрачки расширились и она прокричала: «Вел! Проснись!» После чего рука, ещё несколько секунд назад ласкавшая меня, замахнувшись,

ударилась изо всех сил о мою щеку.

Я открыл глаза и сразу же сощурил их под лучами яркого света. Диана закричала от страха и вжалась в кресло. Я моментально вывернул руль вправо и перестроился на свою полосу. Автомобиль, который двигался нам навстречу, резко затормозил, громко сигнализируя позади.

— Извини, пожалуйста! — обратился я к девушке.

Диана немного отошла от пережитого и заставила себя принять прежнее положение на кресле. Затем она неожиданно спохватилась и встревожено спросила:

— С тобой всё в порядке? Ты не поранился? Нигде не болит?

Я недоумевающе посмотрел на неё.

— Со мной всё нормально... — я продолжал непонимающе наблюдать за ней, периодически поглядывая на трассу.

— Может, лучше я поведу? Ты, наверное, сильно устал... — вежливо предложила она.

— Да, есть немного.

Мы остановились, и я вышел из автомобиля. Сделав несколько вдохов свежего воздуха, я вернулся и сел на переднее пассажирское кресло. Диана уже сидела за рулём и ждала меня.

— Тебе знакома ситуация, когда в твоей жизни наступают определённые изменения,

которые заставляют тебя дрожать от неопределённости в будущем? — спросил я у неё, удобно устраиваясь в кресле.

— Страх? — она задала встречный вопрос, подняла стекло до самого верха и мы поехали.

— Не думаю, ведь страх возникает из-за непонимания.

— Тогда — да, знакомо. Я по своему опыту точно знаю, что такое чувство с невероятной лёгкостью способно перерасти в страх. И как результат, их можно легко перепутать друг с другом. В конце концов, всё упирается в силу воли и умение управлять собой, — ответила она.

Мы помолчали некоторое время. Мне наконец-то удалось расслабиться после пережитых сегодня событий.

— Значит, ты научилась управлять собой?

— Да, — последовал молниеносный ответ.

Я двусмысленно пошевелил бровями. Девушка на мгновение кинула сердитый взгляд в мою сторону и снова сосредоточила своё внимание на дороге.

— Забавно. В тебе нет страха, но ты по-прежнему строго следуешь инструкциям своего руководства и ни на шаг не отступаешь от них. Следовательно, ты всё так же подвержена контролю извне. Что-то подобное я уже наблюдал у абсидеумов... — я позволил себе немного колкости

в её адрес, хотя это не было мне свойственно.

Диана снова сердито взглянула на меня.

— Абсидеумы действительно не знают, что такое страх. В принципе, любая цивилизация на ранних этапах своего развития всегда проходит через это чувство и — либо преодолевает его и рождается новое поколение без страха, либо топчется на месте и разлагается. Цивилизация, предшествующая человеческой, судя по данным, имеющимся у Мирового Совета, как раз не смогла преодолеть свой страх и, в конце концов, была стёрта с лица Земли, — сухо сказала она. — Но у абсидеумов приверженности к контролю нет. У них есть иная функция, вшитая на этапе их разработки, которая не подлежит возможности её блокирования — полное и безоговорочное повиновение, — она кинула в мой адрес довольно значительный взгляд, затем щёлкнула кнопкой слева от руля и включила дальний свет фар. — Что касается меня, то ни контролю, ни повиновению я не подвластна. Я выполняю свою работу и придерживаюсь субординации только потому, что мной движет чувство ответственности за результат. А иного способа, как у вас, например, координировать действия, у землян нет.

— Хм. Следовательно, все цивилизации во Вселенной — дело рук инженеров, надо полагать?

— Ты у меня спрашиваешь?! — скептически

отозвалась Диана.

— Мы этим никогда не занимались. В информационном поле на сорок девятом уровне таких сведений попросту нет. А все цивилизации, с которыми нам приходилось иметь дело — уже находились на стадии развития, то есть мы никогда не были свидетелями лабораторного происхождения живого существа, наделённого сознанием первого уровня концентрации.

Диана вздохнула, облокотилась левой рукой о дверцу, а правой крепко сжала руль с моей стороны.

— Послушай меня, красавчик! — в её голосе зазвенела сталь. — Я — человек однозначный и прямолинейный. Если я что-то не знаю или не понимаю — значит, не пришло время для этого. И тогда ориентируюсь сугубо по уже имеющейся в моём распоряжении информации. А заниматься разглагольствованием на романтические темы — это удел профессорско-преподавательского состава. А ты со своей страстью к словесным размышлениям мне сильно напоминаешь свою сестру. Вам обоим по возвращении на Патрию следует заняться преподавательской деятельностью. Таланты пропадают!

— Мы этим и занимаемся. Особенно, Мила, — обиженно заметил я.

— Неужели обиделся? — уже мягче спросила

она после некоторого молчания. — Сразу видно, что ты наполовину наш...

— Наш, ваш... Какая разница?!

— Не поняла. Вот теперь, пожалуйста, поясни свою мысль.

— Неужели зацепил твоё человеческое самолюбие?

Диана молчала, ожидая продолжения.

— Вы ведь любите обособливаться. Причём, на совершенно разных уровнях существования... Мне об этом не раз рассказывал Валидий. Все ваши крайности и прочее...

Девушка угрюмо продолжала молчать.

— Вот и пожинаете плоды собственного замкнутого мировоззрения.

Умолк и я.

— Патриотизм и государство — не есть зло, пойми! — нашлась она, наконец, через несколько минут.

— А я никогда и не выступал против этих понятий и явлений. Но совершенно глупо и нелепо, я бы даже сказал — жалко, считать себя патриотом какого-либо государства и одновременно не считать себя патриотом своей планеты, галактики, всего космического пространства. Вы ведь живёте в нём, проснитесь! Вот этого я никак не могу понять! Вы замыкаетесь! Сколько ещё вы будете считать, что живёте на планете, которая оторвана от всей

остальной Вселенной и находится в каком-то замкнутом пузыре, сквозь который невозможно пробиться? Где же ваше масштабное мышление и воображение? Но самое главное, что те, кто считает себя патриотом и защитником, как государства, так и мира в целом, завтра, в случае призыва горна всеобщего безумия, готовы будут поганить иные народности, а в случае чего — выйти на улицу с автоматом и убивать первого встречного, как сегодняшнего врага, так и вчерашнего друга. Жалкое безрассудство! — я сделал небольшую паузу, чтобы перевести дыхание. — Но я ни в коем случае не хочу обидеть твои чувства. Я ведь и сам наполовину землянин, и ваш мир мне совсем не чужд. Но та половина, которая принадлежит вашему миру, говорит мне о срочной необходимости цивилизованно и в рамках разумного, сбалансированного, выдержанного подхода менять вашу систему мироустройства. А та часть, которая принадлежит Патрии, подсказывает, что всё у вас движется своим чередом и когда-нибудь вы всё равно, как бы кто этого не хотел, столкнётесь с необходимостью глобальных планетарных изменений организации жизнедеятельности вашего общества.

Диана улыбнулась.

— Выговорился?

— Да! — с выдохом сказал я. — Давно я

никому мозги не вправлял. У нас ведь на Патрии скучно — все живут правильно и в соответствии с моральными нормами. И, наверное, землянина во мне это невероятно бесило... — я от души рассмеялся.

— Да у нас хватает таких, как ты! Космополиты, глобалисты... С некоторой долей условности, конечно. Но сразу видно, что ты не жил здесь ранее и не учитываешь многих нюансов непростой человеческой психики. Всё намного сложнее. Пойми, в Совете ведь не дураки сидят. И выбранная ими стратегия общего развития отвечает твоим размышлениям. Мы всячески стремимся поставить человеческий локомотив на новые рельсы, но делаем это чрезвычайно осторожно и поэтапно, на каждый из которых может уйти несколько десятилетий. Космополиты тоже не идеалы. И консерваторы... Всех их захлестнула крайность. Никому сейчас не интересна золотая середина, никто не задумывается о взвешенном и обдуманном подходе. Все забыли о невероятно важном чувстве меры и общем диалоге. Одни видят проблему в существовании государств, другие — в их отсутствии; одни заявляют о превосходстве своего народа над всеми остальными, смешивая их с грязью, другие выступают за полное слияние всех культур и языков; одни не желают признавать существование высшего разума, считая всё живое

на планете случайностью, другие — убивают первых за такие мысли... Современное общество захлестнула лихорадка, разрывая его на куски... Но мы не опускаем руки и делаем всё возможное.

— Ты сейчас говоришь как представитель Мирового Совета или как активист группы «Надежда»?

— Я сейчас говорю и как представитель Совета, и как член группы «Надежда», и, что самое главное, как представитель планеты — Человек с большой буквы. Ведь наши цели совпадают. Разница лишь в том, что члены Совета продались абсидеумам с потрохами, считая их спасением для всего человечества, а забор эвотонов или так называемое эвотонирование — нормальным процессом...

Мы молчали несколько минут. В это время на панели приборов автомобиля загорелась красная лампочка.

— Я согласен с тобой насчёт взвешенного и выдержанного подхода. Государство — бесценный инструмент для существования человечества на данный момент и единственный механизм претворения в жизнь изменений, таких необходимых для землян. Я заявляю это и как человек, и как патриец, — я указал на себя пальцем. — Но только в том случае, если существует доверие между государством и

обществом. Если интересы государства совпадают с интересами каждого человека и гражданина и наоборот.

— Нереально... Общество разношёрстно и удовлетворить интересы всех никогда не получится, — безапелляционно заявила Диана.

— Ты неправильно видишь проблему! Вопрос не в удовлетворении интересов, а в следовании им, понимаешь?

— Нет, не понимаю. Я знаю иное: следование интересам предполагает их удовлетворение. Есть задача и есть результат.

— Следование интересам, безусловно, включает в себя их удовлетворение. Но главная составляющая заключается в диалоге и взаимопонимании. Удовлетворение — вторично. Всё вместе и именуется доверием. И если мы говорим о государстве, то оно должно учитывать ещё один важный момент в доверии — развитие человека, в частности — совершенствование последнего, — увлечённо объяснял я. — Не нужно допускать, чтобы государства оставались оторванными от своих граждан. И категорически нельзя допускать того, чтобы человек игнорировал их. Конфликт интересов — абсолютно не вариант! Нужно понимать, что бóльшая часть общества продвинулась далеко вперёд в своём развитии за последнее время...

— Демократизация? Права человека? Социальные гарантии? — весело спросила девушка.

— Всё, что ты перечислила — безусловно, невероятно важно. Это — ни много, ни мало — элементы доверия. Но многое таится во внутреннем взаимопонимании и мировоззренческом отношении друг к другу. И важность диалога, равно как и взаимопонимания в качестве центральных элементов доверия, является неоспоримой.

Я почувствовал, что сильно вспотел, и меня довольно прилично бросило в жар.

— Ты себя нормально чувствуешь? — Диана внешне напряглась.

Я успокаивающе махнул рукой.

— А как же нарушение интересов одной из сторон? — Диана вернулась к теме нашего разговора.

— На данном этапе вашего развития это — вполне нормальная вещь. Хоть мне и непривычно слышать, что это может иметь место в принципе...

— Хочешь сказать, что у вас на Патрии нет такого? Нарушений? Споров?

— Нет.

— Тогда чем занимаются ваши юристы?

Я довольно прищурился, а Диана загадочно улыбнулась.

— У тебя юридическое образование? — спросил я её.

— Предположим, что да.

— У нас их давно нет, — приподняв брови, ответил я. — Юрист — посредник между обществом и государством, которому предоставлена важная функция — обеспечение, развитие и поддержание доверия между сторонами. Однако большинство ваших представителей этой профессии её игнорируют, судя по данным из информационного поля. Наверное, и у нас в своё время ситуация была идентичной. Что касается нашего мира... После Великой Унификации, когда общество заменило государство синхронизационными центрами, а затем и вовсе стало полностью автономным в эпоху полного перехода к автоматизированному производству и обслуживанию, повсеместному слиянию всех знаний и отраслей науки в одно общее направление без внутренних противоречий, остались лишь те профессии, которые в силу разных причин было невозможно отдать компьютерам и роботам. Среди них наиболее выделяются творческие профессии, педагоги и исследователи. В частности, исследователи иных миров — такие, как я.

Я задержал взгляд на красной точке на панели приборов и задумчиво продолжил рассуждать:

— Так вот, — продолжил я. — Смысл существования государства не должен заключаться в поддержании своего же существования. А

патриотизм землян неизбежно должен выстраиваться следующей цепочкой: патриотизм своего государства и народа, патриотизм человеческой цивилизации в целом и всей планеты, патриотизм своей галактики как совокупности остальных миров и цивилизаций и, наконец, патриотизм всей Вселенной и Пространства.

Диана молча включила противотуманные фары, так как с гор на дорогу спускался плотный туман, постепенно сгущаясь вокруг нас. Пот не переставал заливать меня, и пришлось активировать голограмму Помощника, на которой мгновенно возникла моя фигура с подсвеченной точкой в грудной клетке.

— Твои лёгкие не в порядке? — отозвалась Диана.

— Придётся усилить энергетическое значение собственных эвотонов до максимального уровня, чтобы повысить сопротивляемость организма.

— Другие патриоты в составе предыдущих делегаций менее болезненно реагировали на газы нашей атмосферы. Только не трогай мои эвотоны...

— Не беспокойся. Мой Помощник на аппаратном уровне привязан к частоте только моих эвотонов, как и вся наша компьютерная система на Патрии.

— А он твою частоту не спутает с моею?

— На практике такого ещё ни разу не

случалось.

— Получается, что эвотоны в будущем можно использовать как надёжную систему безопасности и шифрования, что-то вроде сегодняшних паролей или отпечатков пальцев... Интересно!..

— А ты, Диана, выходит — двойной агент? — на такое она напряглась и немного повернула лицо в мою сторону, стараясь уловить каждый мой жест периферическим зрением. — Может, ты знаешь, кто там главный у абсидеумов?

— Я не в курсе, — холодно и быстро ответила она.

— Ты же, как я понял из нашего разговора, неплохо их изучила и неоднократно сталкивалась с ними?

— Вел! Отстань! Мне известно ровно столько, сколько известно и патрийцам. Они же неглупые и близко к себе никого не подпускали. Даже Фоллинга...

Моё самочувствие улучшилось. Потеть, по крайней мере, я перестал. Но жар не проходил. Внезапно я услышал, как шум под капотом автомобиля исчез, и мы начали катиться вперёд исключительно по инерции. Я вопросительно взглянул на водителя.

— Бензин! — моментально ответила девушка.

— Останови, я пойду и открою багажник.

— Не думаю, что там есть наполненная

канистра, — засомневалась Диана, но затормозила.

Я вышел и снова сделал глубокие вдох и выдох. Туман сгустился, и дышать стало неприятно из-за липкого и холодного воздуха. Вокруг было темно и тихо, а единственным источником света оставались наши фары, пробивавшие всё плотнее сгущавшийся туман. Я подошёл к багажнику и открыл его. Загорелась лампочка и я увидел, что никакой канистры в нём действительно нет. Зато нашлось полно оружия: одна снайперская и две штурмовые винтовки, четыре дробовика, несколько пистолетов, осколочные и дымовые гранаты и даже несколько сигнальных ракет.

— Ого! — удивлённо выкрикнула подошедшая ко мне Диана. — По-моему, здесь не хватает только РПГ с миномётом!

Я тихонько рассмеялся про себя.

— Дары вашей цивилизации... — с иронией сказал я.

— Которые помогут нам выжить! — убедительно добавила она. — У меня к тебе просьба: отключи своего пацифиста хоть на сутки, если не хочешь, чтобы наш мир стал для тебя последним пристанищем в этой жизни.

— Вопрос смерти, кстати, довольно неоднозначен, как может показаться на первый взгляд... — с улыбкой сказал я Диане.

В ответ её губы изогнулись в

салонно-любезной улыбке, но через секунду она холодно процедила:

— Если ты не прекратишь, я тебе сейчас врежу!

Я сделал серьёзный вид, так как проверять на себе истинность её намерений было явно нецелесообразным.

— В автомобиле оставаться нельзя и связаться с нашей группой мы никак не можем, — я с сомнением посмотрел на её мобильный телефон, выглядывавший из кармана.

— Забудь о нём! Можешь быть уверен, что мы сейчас для остального человечества — парочка разыскиваемых убийц или маньяков...

— В таком случае, что ты выбираешь из этого? — меня начал разбирать смех.

Диана уверенно взяла себе два пистолета, которые ловко спрятала за пояс брюк. Затем, наклонившись немного глубже в багажник, достала прибор ночного видения.

— Он может нам пригодиться! Рухлядь всё это, конечно, — она презрительно обвела рукой кучу оружия. — Сразу понятно, что автомобиль принадлежал бойцам Фоллинга.

— Да, ящик с плазмой абсидеумов был бы куда лучше!

Я взял пистолет с запасным магазином для него, две осколочных и три дымовых гранаты.

Задумавшись на пару секунд, ещё закинул на плечо снайперскую винтовку и взял в руки помповый дробовик.

Диана оценивающе посмотрела на меня.

— С таким оружием, твоими инопланетными способностями и гаджетами тебе позавидовала бы любая армия мира.

— И плазмы не нужно, верно? — с улыбкой подмигнул я ей.

— Да уж, конечно! — нервно засмеялась Диана.

— Неужели?! — я не мог поверить ей.

— Я не удержалась и стащила у тех двоих плазму. Но, — она с грациозностью пантеры сделала шаг в мою сторону, положила мне на грудь руку, второй показала плазменный шок и игриво пропела: — такие игрушки в нашей ситуации лучше будет предоставить более слабому созданию, не находишь?

Она победно отошла, а мне оставалось лишь недовольно кивнуть ей в ответ.

— Да и потом, какая разница?! Мы ведь — одна команда! — девушка достала из багажника бронезилет и принялась натягивать его на себя. — Если бы у меня на руке был точно такой же Помощник, я бы, конечно, тебе предложила.

— Ты путаешь Помощника с Восстановителем!

— А есть разница? Я всегда считала, что Помощник способен выполнить те же функции, что и Восстановитель...

— Разница имеется. И существенная. Помощник — всего лишь вспомогательное устройство, рассчитанное на широкий спектр задач и связанное со своим владельцем. Но, как всегда случается, если устройство предназначено для решения более чем одной задачи — оно, по умолчанию, не способно быть по-настоящему эффективным. В отличие от специализированного. Например, мой компьютер способен усилить энергетическое значение эвотонов, но не способен инициировать процесс их генерирования.

— Генерирования из пространства, правильно?

— Не из пространства, а из тела!

— То есть Восстановитель в резиденции воздействовал не на нейтральные эвотоны пространства, а на мёртвое тело, заставляя последнее вырабатывать частицы, которые затем запускали процесс регенерации?

— В целом, верно. Восстановитель ни с кем персонально не связан. У него есть определённый пространственный радиус действия. Именно поэтому Валидий начал восстанавливаться вместе с ублюдком...

— А почему в целом? — спросила моя

спутница.

— За исключением значения, которое ты вкладываешь в слово «мёртвое». Очень условно.

— Почему? — поинтересовалась Диана.

— Потому что нервная система, которая отвечает за генерирование эвотонов, не сразу прекращает функционировать после остановки сердца, а сознание вообще способно оставаться в теле довольно длительное время. Там всё намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Внезапно я услышал какой-то шум в кустах недалеко от дороги и предупредительно тронул рукой Диану. Мы оба замерли и тихо стояли около минуты. Больше шум не повторился.

Я приставил палец к губам и повернулся в направлении недавнего источника звука.

— Вел! — прошептала девушка и показала мне бронезилет. Я отмахнулся, повернулся и сделал несколько осторожных шагов к краю дороги, пока не ступил на влажную траву. На секунду замер и взглянул на листья кустарника, покрытые свежими каплями ночной росы, которые медленно спадали на землю.

Тёплая куртка с меховой подкладкой, найденная мною на заднем сиденье автомобиля, оказалась как нельзя кстати. Холодный влажный воздух находил в одежде любые лазейки и пробирался к коже. Я понимал, что постепенно

захожу вглубь леса, и необходимо возвращаться обратно. Внезапно я почувствовал лёгкое прикосновение к моему плечу... Я моментально развернулся и нацелил дробовик на подкравшегося ко мне человека.

— Боже, как ты меня напугал!.. — нервным шёпотом произнесла Диана.

— Извини, пожалуйста. Тебя совсем не было слышно, — объяснил я.

— Пойдём со мной, ты должен это увидеть!

Мы пошли обратно в сторону дороги и через минуту ступили на асфальт. Справа сквозь туман виднелся контур нашего автомобиля. Диана кивнула мне и направилась вдоль левого края дороги. Я пошёл следом, стараясь не отставать, все сильнее сжимая пальцами оружие. Через мгновение перед нами возник аккуратно припаркованный автомобиль с незакрытой водительской дверью. Фары и габариты были выключены, а в салоне слабо светила лампа. Я осторожно подошёл к правому крылу автомобиля, поднял дробовик и внимательно осмотрел внутреннее пространство через коллиматорный прицел.

— Чисто! — негромко послышалось от Дианы, которая стояла позади меня и держала обеими руками перед собой пистолет, также вглядываясь в салон.

То ли от напряжения, то ли от отравляющего

воздействия атмосферы по лбу снова потекли капли пота. Небольшие порывы ветра, появившиеся, казалось, из ниоткуда, начали разгонять туман.

— Может, тебе следует включить Восстановитель?

— У меня его нет с собой. Все остались на корабле.

— В Лиллехаммере должны быть — твой отец в своё время обеспечил нас некоторым оборудованием и устройствами из вашего мира, чтобы уравнивать силы в противостоянии с абсидеумами...

В это мгновение мы услышали тяжёлые, но в то же время негромкие шаги позади нас. Я ментально развернулся и нацелился. Так же поступила и девушка.

Перед нами замер мужчина с поднятой правой рукой. Я включил фонарь, встроенный в цевьё дробовика, от чего мужчина сощурился. В левой руке он держал жёлтую картонную папку.

Да, это был тот самый человек из резиденции! Скорей всего, схватив бумаги, он не убежал, что было сил, а следил всё время за нами. Лицо у него было сильно испуганным, зрачки невероятно расширены, волосы на голове взлохмачены, а рубашка, прикрытая сверху расстёгнутым пиджаком, вылезла с правой стороны из-за пояса.

— Кто ты? — уверенно и настойчиво спросил

я. — И что тебе нужно от нас?

Мужчина некоторое время смотрел на меня в нерешительности, затем искоса взглянул на Диану, протянул в её направлении руку с папкой и отрывисто проговорил:

— Это папка, которая нужна Вилирию!

Я быстро и непонимающе переглянулся с моей спутницей. Мужчина уточнил:

— Вилирию! Главе группы «Надежда»!

Я внимательно наблюдал за каждым его движением. Все они были неестественно резкими и быстрыми. Указательный палец левой руки, который плотно прилегал к картону, периодически подёргивался. Кажется, неконтролируемо...

— Вашему отцу! — он обратился ко мне. — Я слышал, как вы говорили о Лиллехаммере... Там ведь отделение группы! А вы, как я понял, — мужчина снова перевёл взгляд на Диану, — состоите в ней?

— Честно говоря, я первый раз слышу, чтобы Вилирий искал какую-то папку, — Диана говорила спокойным голосом. — Но вы, конечно, можете отдать её нам и, если глава группы действительно нуждается в ней, мы её передадим.

— Нет! — мужчина впервые почувствовал себя смелее. — Я отдам её вам только в одном случае, — он снова повернул голову ко мне. — Вы заберёте меня отсюда!

Я озадаченно нахмурил брови, пытаюсь понять, что он хочет.

— Ты хочешь с нами в Лиллехаммер? — медленно спросил я.

— Нет! Я хочу на Патрию!

Я впал в ступор от неожиданного поворота разговора. Мужчина был предельно серьёзен, а взгляд светился мольбой и надеждой.

— Так кто ты? — переспросил я.

— Я работал на Фоллинга, — мужчина пытался выглядеть честным, избрав доверительный тон голоса. — На Совет! В своё время я осознал и понял всю ошибочность развития нашей цивилизации в сотрудничестве с абсидеумами. А когда они начали убивать нас, — его глаза поймали моё удивлённое выражение лица, — я решил любой ценой раздобыть заветную папку и отдать её Вилирию, взамен попросив об известном уже вам одолжении...

— А почему ты решил, что Вилирию она нужна? — спросила Диана.

— Кто-то пустил слух среди нас, что патрийцу, главе группы «Надежда», срочно нужно содержимое этой папки. И что он готов пойти на любое соглашение в обмен на неё, — мужчина смотрел то на меня, то на Диану. — Когда слух дошёл до Фоллинга, тот принял решение обратиться к главному абсидеуму за помощью в

получении заветной папки, не объясняя подробностей.

Я перестал что-либо понимать.

— А почему абсидеуму? Каким образом он проник в Центр космологии и раздобыл папку?! — не выдержал я. — Только патрийцы имеют туда доступ. Иначе здание полностью блокируется, а в определенных случаях — ликвидируется со всеми архивами! — спустя несколько секунд моё лицо застыло, а произнести я смог лишь несколько слов. — Только если...

— Он сам не патриец... — договорила за меня Диана.

Мужчина, конечно, не имел ответа на эти вопросы, и ему нечего было добавить. Я по-прежнему держал его на прицеле, так как его подозрительность не давала мне покоя.

— Ты сказал, что абсидеумы начали убивать нас. Тебе известно, как это произошло? — задала вопрос девушка.

— Наверное, они заподозрили Фоллинга в нечестной игре, после того, как передали папку. Абсидеумы — полные ублюдки, но они всегда строго придерживаются своих договорённостей.

Я взглянул на Диану и задумался. И, наконец, решил опустить дробовик.

— Что? — спросила она у меня.

— Неужели ты не догадываешься?

Она отрицательно помотала головой в стороны. Тогда я обратился к мужчине:

— Сколько времени прошло между моментом, когда у Совета появилась папка, и моментом, когда поступили первые сведения об убийстве землян?

Он на секунду задумался, но затем спохватился:

— Одновременно... Папку принёс один из наших после встречи с главой абсидеумов. Он же сообщил об убийстве своего напарника, — он понимающе взглянул на меня. — Да вы и сами могли заметить, как он вызвал Фоллинга в коридор, чтобы рассказать ему всё.

Я победоносно повернулся к Диане.

— Теперь ты поняла? — не дождавшись её ответа, я продолжил. — Всё это, — я показал пальцем на папку в руках нашего собеседника, — тщательно рассчитанный и отлично выполненный абсидеумами план действий, — я перевёл взгляд на мужчину. — Остаётся лишь один вопрос: кто в вашем Совете продался захватчикам?

Было заметно, как неуютно он себя чувствовал.

— Теперь меня это уже не волнует, — с наигранным равнодушием ответил он.

— А как тебя зовут? — вмешалась Диана.

— Кхон!

Я закинул дробовик на плечо и со всей

серьёзностью ответил:

— Что ж, Кхон. Я тебе отказываю в твоей просьбе. Мы не можем взять тебя на Патрию.

Мужчина занервничал как прежде.

— Значит, она нужна только Вилирию... — озадаченно проговорил он.

— Да не нужна она ему!.. Вся история с папкой — затея абсидеумов. Способ развязать войну, не нарушив договор, — убеждал я его в очевидном: — В ней находится Путь... — я на секунду остановился, вспоминая нужное мне слово.

— Гороскоп, — с улыбкой подсказала мне Диана.

— В ней находится гороскоп моей сестры. Более того, он во многом повторяет мой. И даже если бы отцу понадобился гороскоп, он сделал бы новый за считанные минуты, так как он — первопроходец в части создания и использования Путей в нашем патрийском обществе. Так что, поверь, бумаги в папке — никому не нужна информация.

— Вы так говорите, потому что хотите забрать её, а меня бросить здесь. Как бросил Совет...

— Что плохого сделал тебе Совет? — с сомнением, но в то же время и любопытством спросила девушка.

— Убитый сегодня член Мирового совета,

из-за смерти которого началась межпланетная война, — мой родной брат, — у Кхона проступили слёзы.

Я неловко переступил с ноги на ногу.

— Поехали с нами и присоединяйся к группе «Надежда», — предложил я.

Кхон покачал головой в стороны:

— Нет! Это ничего не изменит и брата мне не вернёт. Вся моя прежняя жизнь разрушилась сегодня за считанные часы. Всё, что я строил и о чём мечтал. Всё, что давало мне силы и заставляло жить и развиваться... И единокровная частичка моей семьи навсегда потеряна. И надежды больше никакой...

— Надежда есть всегда! — твёрдо проговорил я. — Ты же — человек. Ты — представитель человеческой цивилизации, и ты должен защищать своих землян и их право выбора, как свое кровное!

— Ну, возьму я сейчас твой дробовик! Ну, пойдём и завалим пару ублюдков! А что дальше?! Их же миллиарды!.. И, конечно же, прилетят подкрепления! — у него начинались нервные спазмы, сопровождавшиеся учащённым дыханием, а руки затряслись. Я с сомнением смотрел на Кхона и слегка покачивал головой.

— Сила всей цивилизации находится внутри тебя, как ты не понимаешь? — произнёс я. — Защищать — не обязательно означает убивать всех

подряд, — я с негодованием опустил взгляд на мокрый асфальт.

Неожиданно послышались несколько быстрых шагов, леденящий скрежет металла и короткий визг женщины. Я моментально поднял глаза на Кхона. Мужчина крепкого телосложения, с мускулами, бугрившими рукава пиджака, сильно прижал Диану к себе, приставив к её горлу острие кинжала.

— Да это ты совсем ничего не понимаешь! Посмотри на меня, что я представляю собой здесь и что я могу представлять собой там! — Кхон начал говорить, громко и резко выдыхая. — Я чувствую себя оторванным от общества, оно перестало удовлетворять мои потребности!.. Нет стимула для роста! На мои вопросы нет ответа, а весь накопленный потенциал внутри меня не соответствует моему месту в жизни. И обратиться мне не к кому! Все слышат сейчас только себя!.. И плевать они хотели на таких, как я! Эта цивилизация, — он сильнее прижал клинок к горлу, — катится в пропасть, до которой рукой подать! — последнее слово он выплюнул со слюной и не менее сильной эмоциональной окраской.

— Психованный идиот! У тебя с головой проблемы! Отпусти меня! — закричала Диана.

Кхон схватил её за волосы и потянул на себя так, что шея девушки совсем оголилась, а острый клинок впился в кожу ещё сильнее.

— Заткнись, сучка! Двойные агенты не всегда бывают так чисты, как кажется. Свойство хамелеона входит в привычку на всю оставшуюся жизнь! Тебе это известно не хуже меня! — он злобно крикнул ей прямо в ухо.

Я держал его на прицеле и в любой момент был готов спасти девушку. Кхон, конечно, не совсем выжил из ума и где-то я его понимал. Но он избрал неправильный путь! Путь, который ведёт его в ту же пропасть, о которой он говорил.

— Отпусти девушку! — выкрикнул я.

— Только через наши трупы! Твой дробовик, конечно, и меня зацепит. Но готов ли ты убить обоих?!

— Так ты ничего не добьёшься! — почти по слогам проговорил я. — Убив девушку, ты ничего для себя не изменишь. Кхон! Проблема ожидания — проблема самих ожидающих. Не нравится своё положение в жизни — измени его!

— Так забери меня на Патрию! Чтобы изменить моё положение!.. — угрожающе требовал он. — Видишь, как много усилий я приложил для этого!.. Что тебе мешает?

— Ты! — не менее грубо ответил я.

Мы замолчали. В липкой тишине тумана было слышно учащённое дыхание и легкий шелест листьев. Моё состояние ухудшалось: в голове шумело, пот лился рекой, а не прекращавшийся жар

с тошнотой ослабляли меня ещё больше.

— Ты — причина! — снова повторил я.

— Я не соответствую каким-то вашим особым требованиям? — возмущённо прокричал Кхон. — Что за дискриминация?

— Это — не дискриминация, а законы Пространства. Ни одна высокоразвитая цивилизация не примет тебя, пока ты не достиг двадцать пятого уровня!

— Что за бред? Какой уровень!? — стало отчётливо заметно, что мужчина стремительно теряет контроль над своими действиями.

— Каждая цивилизация в своём совершенствовании проходит через определённые уровни развития, — я старался аккуратно подбирать каждое слово, произнося их настолько медленно, насколько было возможным тянуть время. — До двадцать пятого уровня им можно всё и они не несут никакой существенной ответственности за свои действия. Но после достижения этого рубежа — возможности безнаказанно вмешиваться в чужую жизнь больше не существует.

— Что ты несёшь такое? Ты сейчас это придумал? За дурака меня принимаешь?!

Я приготовился к худшему. В глазах Дианы читалась полная решительность действовать. Всё произошло мгновенно. Девушка уверенным

движением схватила Кхона за руку с клинком. Второй рукой нанесла мощный удар в бок и, опершись на левую ногу, правой ударила в пах. Кхон сразу ослаб и прогнулся назад от боли. Кинжал из его руки вывалился на влажный асфальт. В этот миг Диана вырвалась и открыла беспрепятственный путь для моего выстрела.

— Стреляй! Чего ждёшь? — крикнула она мне. — Да стреляй же ты в него!

Я, решительно собрав всю свою стойкость и выдержку, внимательно наблюдал за Кхоном. Превозмогая боль, он кое-как поднялся на ноги и ненавидяще посмотрел на стоявшую возле меня девушку.

— Двуликая дрянь! — с оскалом говорил мужчина. — Вовремя переметнулась, сучка! — затем он со стоном выпрямился, посмотрев на меня. — Не забывай, что она и пальцем не пошевелила в резиденции!..

С последними словами он демонстративно выпрямил руку с пистолетом в направлении Дианы.

— Мой пистолет! — испуганно прокричала она.

Я хладнокровно нажал на курок. Один раз...

* * *

Свет, проникавший сквозь жёлто-оранжевое

небо, затянутое облаками, накладывал свой цветовой отпечаток на все объекты вокруг меня. Я стоял возле двухэтажного дома, недалеко от высокого забора, ограждавшего участок. Рядом со мной находились группа близких мне людей.

Периодически в небе что-то вспыхивало, а некоторые его участки становились тёмными. Когда я поднял голову, то заметил, что всё пространство надо мной разделилось на две части. Первая из них содержала плотные серо-жёлтые облака, которые были причиной более слабого освещения. А вторая была настолько яркой, что, казалось, вот-вот загорится.

Я опустил взгляд и заметил дыру в заборе. Ещё минуту назад её здесь не было. Я подошёл ближе и выглянул наружу. Там до горизонта темнела коричневая голая земля с оврагом посередине. И ни одного строения. Только низкорослые тонкие кусты вносили незначительное разнообразие в общую картину. Я сделал ещё пару шагов к увеличившемуся проёму, через которое уже спокойно смогли бы пройти два человека. За оградой царила паника. Десятки напуганных людей бежали в разные стороны, некоторые громко кричали и размахивали руками.

— Не ходи туда! — слышался знакомый мне сладкий голос за спиной.

Я решительно отошёл на три шага назад, не

оборачиваясь. Теперь моё внимание привлекли маленькие светящиеся шары, которые парили в воздухе за забором, словно семянки одуванчика. Меня охватила не паника, а совершенно незнакомое мне чувство. Чувство, связанное с ожиданием чего-то нового...

Внезапно один из шаров спустился с неба и подлетел к ограде. Он застыл там на несколько секунд, словно определяя свою цель. Я замер и внимательно наблюдал за ним. Шар мог спокойно поместиться на раскрытой ладони. Он больше напоминал маленькую звезду. Наверное, из-за того, что его поверхность постоянно изменялась и была чем-то похожа на каплю воды, подвешенную в воздухе, в момент её волнения под воздействием ветра.

Я не мог больше находиться в неподвижном состоянии и переступил с ноги на ногу. Конечно, моё движение не осталось незамеченным. Шар медленно двигался в мою сторону. Я до сих пор не испытывал страха или тревоги. Наоборот, любовался объектом, который у меня вызывал восхищение и наслаждение. А его полёт в воздухе был изысканным и элегантным.

Когда расстояние между нами стало совсем небольшим, шар снова остановился напротив моего солнечного сплетения. И в этот момент я начал понимать, какой финал нас ожидает.

И вот наступило мгновение, когда я почувствовал боль и жар внутри себя. Конвульсии, охватившие моё тело после проникновения в него шара, становились сильнее с каждой секундой. Глаза закрывались...

— Терпи! — снова слышался нежный голос позади меня. — Я знаю, что ты сможешь победить себя! Не сдавайся!

Произнесённые слова заново открыли во мне поток мыслей безудержной силы, перекрытый мною ранее. Теперь я понимал, что терять мне уже нечего. А сопротивляться изменениям — глупо и бесполезно. И оставалось лишь встать на их сторону и помочь им в борьбе против меня. Старого меня... И как только я принял решение, боль и жар исчезли, а конвульсии прекратились.

Я ощутил невероятный прилив сил и распрямил плечи так сильно, как только мог. Могущество, переполнявшее меня изнутри, позволило снова открыть глаза и сделать глубокий уверенный вдох. Мне стало совершенно очевидно: я умер и родился заново. Родился новый я, к которому мне ещё предстоит привыкнуть. И которого мне ещё предстоит изучить... Но, Боже! Как я тебе благодарен!..

— Вел! — слышалось сзади. Я немедленно обернулся...

Свет на несколько мгновений заполнил всё

пространство передо мной.

Теперь я стоял в достаточно освещённом гостиничном номере лицом к лоджии. На потолке светили лампы, а сквозь большие окна, выходящие на лоджию, в помещение врывались потоки дневного света. Сквозь незакрытые шторами окна заметно, что небо пасмурное. Посмотрев вправо, замечаю, как в коридор из гостиничных номеров высыпали люди и убегают в глубину здания. Посмотрев назад, вижу свой номер через открытые входные двери. Вхожу внутрь. На потолке все так же светят лампы, а шторы аккуратно собраны по бокам. Подхожу ближе к большому окну и открытой на лоджию двери. Огромная волна, приближаясь от горизонта к берегу, шла на таран здания нашей гостиницы, расположенной возле самой воды. Меня охватил ужас... Сине-черный вал, который вот-вот должен был разрушить здание, как мне показалось, легко достанет до третьего этажа. Смотрю вниз: волна накрывает людей, которые панически бросили все на песке и изо всех сил бегут к зданию. Закрыв глаза и отвернувшись, я сжал виски руками и приготовился к толчку...

Однако ничего не случилось, поэтому я снова посмотрел в сторону моря. Стоя на восьмом этаже, я со страхом и ещё большим ужасом увидел волну, выросшую в высоту вдвое. Теперь она вполне могла

дотянуться и до моего этажа при ударе о здание. Внутри меня учащённо забилося сердце. Я развернулся и выбежал в коридор. Слева кто-то стоял у двери своего номера, плотно прижавшись к ней спиной и упершись руками в дверную коробку, словно пытался кому-то или чему-то помешать открыть её...

Мне нужно увидеть море. Немедленно!.. Я возвращаюсь к своему номеру. Дверей уже нет. Зияет лишь пустая дверная коробка с голыми петлями. Из нее в коридор льется бледный дневной свет, образуя на полу большое яркое пятно. Стоя на пороге номера, пораженно рассматриваю разбитое стекло всех окон, разбросанное на полу под ними. А за лоджией уже нет ни горизонта, ни неба. Вместо этого появилась грязно-синяя стена.

Я переступаю порог. Хотя в коридоре был слышен гул, чувствовались толчки и валялись куски белой штукатурки, в номере царили тишина и покой. Все аккуратно стоит на своих местах. И стекла уже нет под окнами. Оглянувшись, я заметил, что двери в мой номер плотно закрыты на замок. Я вышел на лоджию и застыл перед гигантским водяным валом, который поднялся в поднебесье и с безумной скоростью стремительно падает на меня. Я закричал...

Вспышка света заполнила пустое пространство, в котором я находился. Постепенно

передо мной начинал вырисовываться тоннель округлой формы с более тёмными жёлтыми стенами. Меня плавно уносило в его сторону. Впервые во мне поселились чувства блаженства и спокойствия. Стук сердца больше не был слышен. Вполне вероятно, что оно теперь и вовсе не билось во мне. Однако волны тепла ласкали поверхность моей кожи, приятно согревая, и я несся в блаженстве, где хотелось вечно плыть сквозь тоннель и наслаждаться теплом, покоем и сладким одиночеством.

Но неожиданно кто-то схватил мою руку и потянул изо всех сил обратно. Я начал сопротивляться изо всех сил, стараясь вырваться из крепкой хватки. Не оборачиваясь лицом к нападающему и не отрывая взгляда от тоннеля. От манящего тоннеля, в котором сосредоточилось всё блаженство мира. Теперь меня никто не тянул за руку, но я перестал покорно лететь и застыл на одном месте. Передо мной появилась Юва, которая прижала меня к себе и нежно прошептала: «Тебе еще рано туда!..» Затем я почувствовал новые толчки с возросшей силой в обратную сторону. Самый сильный из них развернул меня на сто восемьдесят градусов. На жёлтом фоне нарисовалось плачущее лицо Дианы, которое становилось всё более чётким. Наконец, я услышал её голос:

— Слава Богу! Вел! Слава Богу!

* * *

Я опомнился, лёжа на асфальте лицом вверх, и только перевернулся на живот, меня немедленно стошнило. Дышать было тяжело через мучительный кашель. Глаза жгло так, что приходилось часто щуриться.

Диана стояла на коленях рядом со мной, не переставая плакать. Она положила руку на мою спину и сквозь слёзы шептала какие-то слова, словно молитву, которую я не имел возможности расслышать. Когда я пришел в себя и в голове прояснилось, тогда, наконец, расслышал:

— Вел, милый! О Боже! Ты — живой. Вел, ты — живой... Теперь всё будет нормально, теперь всё будет замечательно... Вел! Посмотри на меня, Вел!

Я привстал на колени и крепко с благодарностью её обнял.

— Спасибо тебе! — тихо прохрипел я. — Отныне я обязан тебе жизнью...

Диана рассмеялась сквозь слёзы и крепче прижала меня к себе. Я попытался встать, но сразу же со стоном упал на руки. Диана приложила руку к моему пылавшему лбу:

— Опиши мне своё состояние! Что ты чувствуешь?

— Слабость. Жар. В горле пересохло. Тошнит. Боль в грудной клетке и в животе. Резь в глазах...

Диана молчала и внимательно наблюдала за мной.

— А Помощник? Он включён? Может, повысить значение эвотонов? — с надеждой спросила она.

Я сглотнул несколько раз, чтобы утихомирить подступавшую тошноту, и медленно проговорил:

— Бесполезно. Пуск! — выдавил я из себя и, когда возникла голограмма, нажал на неё дважды, чтобы показать Диане заполненную до конца статусную полоску. — Фигура! — каждое слово давалось мне невероятно трудно. Моя трёхмерная модель полностью была окрашена в красный цвет.

— Боже мой! Что же нам делать?! — девушке от отчаяния перехватило дыхание.

Меня вытошнило с новой силой и зазвенело в голове. Из носа потекла кровь. Я чувствовал, что сил оставалось всего лишь на несколько минут жизни. Когда тошнота немного отступила, Диана протянула мне бутылку с водой, учащённо дыша. Очевидно, она куда-то бегала. Я благодарно кивнул ей и сделал несколько маленьких глотков воды, которую почти сразу вырвал. Параллельно я слышал какой-то странный шум. Словно, тащили что-то тяжёлое по твёрдой поверхности. Я поднял голову. Диана подтянула ко мне мёртвое тело

Кхона и присела рядом. Я непонимающе взглянул на неё.

— Я знаю, что у тебя возникнет много вопросов, — осторожно начала она. — Оставь их на потом, а сейчас сделай то, что я тебе скажу.

Я кивнул. Мне на секунду показалось, что мой голос полностью пропал. Диана напряжённо смотрела мне в глаза и горячо убеждала меня:

— Выполни эвотонирование Кхона! — я внимательно смотрел на неё и не верил тому, что слышу. — Тебе для этого потребуется только желание, — Диана доверительно положила руку мне на плечо. — Закрой глаза и сконцентрируйся на исходящих от него эвотонах. Затем мысленно поглощай их. Представь, что это контакт глазного свечения. Если ты когда-либо принимал участие в них в качестве второго помощника, то должен понимать, о чём я сейчас говорю, — я обессилено помотал головой. — Так ведь ты сам говорил мне, — почти закричала Диана, снова начиная плакать, — что труп ещё некоторое время способен генерировать их! Сделай это, Вел! Пожалуйста! — она снова зарыдала. — Живи!

Я ещё раз с сомнением посмотрел покрасневшую голограмму. Конечно, у меня не было иного выхода. Нужно использовать все доступные варианты. Я попытался сесть. Диана поддерживала меня обеими руками, что-то

причитая над моей головой. Но я ничего не слышал: из носа струями полилась кровь, смешиваясь с каплями пота; в голове и грудной клетке возникла острая режущая боль, а мышцы выворачивало. Собрав последние силы и капли своей воли, я поднял вытянутую руку ладонью от себя в направлении Кхона. Мне было противно и невероятно стыдно перед самим собой. Мои глаза закрылись, а лицо сосредоточилось.

Глава 5

— Сделай это, Вел! Пожалуйста! — умоляла я его. — Живи! — из моих глаз потекли слёзы. «Когда же этот мальчишка повзрослеет!» — гневно прокричала я про себя, понимая, что сейчас — не самое лучшее время для проявления собственных эмоций. От переживаемых чувств и слёз глаза начинали закрываться. Вообще, я была совсем не похожа на себя обычную... Во мне неожиданно проснулась та женственность, раньше угнетаемая суровостью повседневной работы.

«Но неужели?!» Я присмотрелась и не поверила собственным глазам! Велфарий всё-таки решился!

— Солнышко моё! — слетело у меня с губ. — У тебя получится, я уверена. Скоро всё закончится! — я говорила всё, что приходило мне в

голову. Только бы не молчать! Иначе страх съедал меня заживо. — Главное — концентрация и спокойствие, — я помогла ему принять сидячее положение.

Меня одолевали такие противоречивые чувства и эмоции, что не было возможности распознавать и анализировать их. Однако эвотонирование было единственным нашим спасением. «В нём же присутствует кровь абсидеума!..» Рано или поздно она должна проявиться. «А если в нём её нет?..» Эти мысли пугали до умопомрачения. Мне перехватывало дыхание. «Боже, только бы у него вышло... Боже, услышь меня... Умоляю...» Только сейчас я поняла, что начала молиться... Наблюдая за вытянутой рукой Велфария, краем глаза четко уловила, что рука лежащего корейца несколько раз дернулась. Когда я перевела взгляд на Кхона, никаких движений не было. Перевела взгляд на патрийца и испугано вскрикнула. Глаза Велфария налились интенсивным огненно-красным сиянием и полыхали в темноте. Цвет его крови, которая бежала из носа, постепенно становился голубым, а струя уменьшалась. Наконец, кровотечение прекратилось.

Я пребывала в полной растерянности. С одной стороны, у нас всё получилось и жизни Вела, по крайней мере, на определённое время больше

ничего не угрожало. Но с другой стороны, он только что познал в себе иное существо. Существо без души и совести... И мне стало страшно за его будущее.

Велфарий уверенно поднялся на обе ноги. Его лицо не выражало никаких эмоций, сохраняя максимальную сосредоточенность. Он приподнял руки и осмотрел себя. Затем поднял руку с Помощником до уровня грудной клетки и внимательно принялся рассматривать свою модель, цвет которой по-прежнему сохранял в себе красные оттенки, но уже чрезвычайно слабые и бледные. Он опустил руку и повторно взглянул на себя, после чего второй рукой потрогал кожу под носом, намочив пальцы голубой кровью. В момент, когда он увидел её цвет, на его лице появились совершенно отчётливые черты отвращения.

И только тогда я кинулась к нему и крепко обняла изо всех сил. Это по-прежнему был Велфарий... Землянин, патриец, абсидеум.

Он подошёл к лежащему корейцу и молча постоял возле него. Затем наклонился к телу, осторожно закрыл веки и аккуратно перетащил его в густые кустарники. Вернувшись и остановившись возле меня, он серьёзно задумался.

— Теперь ты знаешь?.. — неуверенно спросила я, понятия не имея о его возможной реакции на подобный разговор.

— Да, — уверенно ответил он и внимательно посмотрел на меня. Затем заботливо дотронулся до моей руки. Сначала я непонимающе наблюдала, как он оторвал её от моего носа, а затем от всей души рассмеялась. Вел чувственно улыбнулся в ответ.

— Это у меня с детства... Когда я волнуюсь... — я попыталась объяснить, несмотря на волны смеха и радости, захлестнувшие меня.

Его рука нежно прикоснулась к моей щеке. Я с надеждой посмотрела ему в глаза. Они больше не светились красным цветом, вернув свою небесную голубизну.

Велфарий приблизился ко мне, и наши губы слились воедино в потоке возвышенных чувств. Никогда в жизни я не испытывала такого счастья. Когда он закончил целовать меня, я открыла глаза. Его глаза до сих пор оставались закрытыми. Поэтому я вновь припала к желанным устам.

— Спасибо, Диана! — искренне произнёс он через минуту.

— За спасение или поцелуй? — спросила я, улыбаясь.

— Спасти меня стоило хотя бы ради секунды поцелуя с тобой!..

Я шире улыбнулась и покраснела. Вел с нежностью обнял меня.

— Что мы будем делать дальше? — спросила я.

— Мне надо разыскать Милу и отца. Я должен достичь цели, ради которой прилетел на Землю.

— Тогда нам необходимо продолжать двигаться в сторону Лиллехаммера.

— Воспользуемся автомобилем Кхона. Пошли! — спокойно скомандовал Вел.

«Скомандовал...» — удивлённо проговорила я про себя. И всё-таки он изменился...

Все чувства, которые бушевали во мне последние пару часов, испарились. Вместо них поселилась сильная усталость и какая-то пустота. Однако кое-что меня до сих пор тревожило, вызывая чувство вины... «Может, сейчас ему всё рассказать?..»

Вел поднял с асфальта оружие. Затем, осмотревшись по сторонам, двинулся к припаркованному автомобилю. Я пошла следом.

— Я поведу, а ты отдохни.

Я кивнула ему в знак согласия и залезла в салон. В мои глаза моментально врезался свет от цифр часов, которые показывали утреннее время. Через несколько минут появился Велфарий, который начал что-то усердно искать.

— А где ты раздобыл костюм?

— В багажнике лежал запасной комплект. Спортивный костюм с футболкой — не вариант для такой прогулки, как у нас, — ответил Вел.

— Осталось раздобыть тёмные солнцезащитные очки...

— Хе-хе... — впервые после недавних событий он смущенно засмеялся. — Да где же они?

— Что ты ищешь? Очки, что ли?

— Ключи.

— На кнопку нажми и всё. Справа от тебя. Да, она, — я с невероятным желанием откинула голову назад и погрузилась в расслабленное состояние.

Тем временем мы уже неслись по трассе с довольно приличной скоростью. «Даже если он найдёт отца и сестру... Ему всё равно придётся оставить их здесь. С его организмом шутки плохи и долго он на нашей планете не протянет даже с эвотонированием».

Стекло моей двери оказалось немного припущенным. Я нащупала кнопку и плотно закрыла его: утренняя прохлада пробирала до самых костей. Небо на востоке уже окрасилось нежной голубизной. На нем, если внимательно присмотреться, игриво мерцала звезда. «Как романтично...» Я не могла отвести от неё взгляда «Хочется улететь куда-нибудь в космос. И любоваться его красотами своими глазами. Ведь человек, благодаря своему исключительному и богатому внутреннему миру, способен как никто другой по достоинству оценить все прелести космического пространства, все его краски и всю

масштабность происходящих процессов. Но не может!.. А холодные и равнодушные абсидеумы могут! Вот она — ирония и суровая действительность жизни. Но, наверное, не пришло время для этого. Нельзя бросаться в очередную крайность и бить себя головой о стену. Выдержанный подход...»

В голове пронеслись воспоминания, словно вспышка сверхновой: «Потому почти никто не готов придерживаться золотой середины, никто не планирует взвешенные и обдуманные подходы. Всем не хватает чувства меры и общего диалога». Мысли неслись, як бурный горный ручей: «Кажется, так я ответила Велу. Для всего нужен взвешенный и обдуманный подход. Вполне вероятно, следующий уровень откроет перед нами новые возможности и новое понимание жизни. Но когда он наступит? Не боремся ли мы за призрачную цель, которую сами для себя создали при помощи своего же воображения под воздействием пришельцев? Где гарантии того, что информация, предоставленная патриейцами и абсидеумами — истинная, а не специально придуманная для человечества с целью его использования в противостоянии между инопланетянами? Где гарантии того, что жизнь — это сочетание судьбы и выбора? Неприятно осознавать, что определённая часть нашей жизни не

принадлежит нам в полной мере. Даже если мы изменим какое-то событие, или как патрийцы его именуют — Точку, и превратим последнюю в сплошной позитив для себя, отменить её нам в любом случае не удастся». Я вздохнула. «Но нужно уметь принимать данность такой, какой она есть. В конце концов, развиваться всё равно необходимо. Движение — жизнь».

А на западе в небе еще серебрилась Луна... «Как часто мы не видим богатства, которое нас окружает. Не поднимаем голову, чтобы насладиться великолепием и величием макромира, и не опускаем её, чтобы осознать уникальность и красоту микромира».

— Вел, скажи, а ваши «жучки», с помощью которых вы отслеживаете потенциальные космические цивилизации, всегда являются небесными телами?

Я отчётливо заметила, как Велфарий, пристально наблюдавший за дорогой, бросил беглый взгляд в сторону спутника нашей планеты.

— Считаешь, что мы не в состоянии создать целую планету? — с чувством самоудовлетворения спросил патриец.

— Не вижу целесообразности...

— Конечно же — нет. Ваша Луна не имеет искусственного происхождения. Затраты, связанные с созданием даже такого небольшого по

космическим масштабам небесного тела не отвечают целям обычного мониторинга.

— Но я слышала от представителей ваших предыдущих делегаций, что именно Луна была тем самым спутником-шпионом, от которого вы узнали о нас.

— Специальное устройство надёжно спрятано внутри планеты.

— От возможных посетителей? — спросила я.

— В меньшей степени, а в большей — от вероятности какого-нибудь случайного столкновения и уничтожения... Было бы совсем неразумно оставлять прибор на поверхности.

— А ваши гороскопы состояются только для патрийцев? Вы не научились предсказывать будущее без персональной привязки?

— Невозможно предсказать то, чего нет в действительности.

— Но ведь существуют Точки?

— Да, существуют. Они представляют собой лишь небольшой процент постоянно создаваемой программы. Их нужно воспринимать в качестве маяков, которые помогают плыть в океане развития и не заблудиться в собственных мыслях, — впервые за долгое время на горизонте показался автомобиль. Велфарий внимательно присмотрелся и продолжал рассуждать. — Пространство существует благодаря сочетанию судьбы, которая проявляется в огромном

количестве возможных линий, соединяющих заранее созданные Точки, и выбора, на основании которого активируется лишь одна линия из миллиарда миллиардов вариантов.

Автомобиль впереди не двигался, и Вел снизил скорость вдвое.

— А в чём проявляется выбор?

— Все ежесекундно принимаемые тобой решения плюс их результаты в виде эвотонов соответствующего заряда, из которых даже нейтральные способны медленно воздействовать на иные виды материй.

— Иными словами, Бог даёт нам возможность выбирать себе жизнь, но в рамках определённого пути...

— Думаю, что да, — с выдохом сказал Вел. — Но о Боге мы почти ничего не знаем. Знаешь, мне папа в детстве рассказывал, что Бог — это информационное поле, совокупность правил, принципов, законов организации и функционирования пространства. Но я чувствую и уверен, что Бог — шире, чем всё перечисленное выше. Бог включает в себя абсолютно все материи. Всё, что ты можешь себе представить, равно и то, что не можешь представить, — всё есть Бог.

Мы поравнялись с автомобилем, который стоял на обочине. Его дверцы были приоткрыты, а рядом с родителями играли двое детей, бегая друг

за другом по траве, обильно расцвеченной маленькими оранжевыми цветочками. Ветер уже разогнал ночной туман. Казалось, что цветы играют вместе с людьми. Над горой показалось солнце и вспыхнуло в распущенных волосах бегущей девочки.

Вел нажал на педаль тормоза и остановил автомобиль. Молча вышел из салона и подошёл к краю дороги, любуясь красотой рассвета и веселыми играми родителей с детьми. Папа детей остановился напротив моего спутника и настороженно посмотрел на него. Велфарий поднял руку, сделав приветственный жест. Тогда мужчина подошел ближе.

— Здравствуйте.

— Доброе утро, — учтиво поздоровался патриец.

Мужчина с любопытством рассматривал нас.

— Мы остановились на пару секунд, чтобы полюбоваться восходом, — объяснил Вел.

Мужчина глянул в сторону солнца и дружелюбно нам улыбнулся.

— Да, фантастика... Сколько красоты находится вокруг нас, правда? Вы представляете, одни мои знакомые вообще не выходят из своей квартиры, кроме как на работу! — засмеялся он. — Мы же стараемся каждые выходные выезжать сюда на природу, — он говорил с небольшой

одышкой. — Показываю своим детям, что счастье — это не только всевозможные гаджеты и устройства.

— Да, я понимаю, — ответил Велфарий. — Когда я был маленьким, мои родители часто выезжали за город и обязательно брали меня с собой. Это были незабываемые моменты, и я их часто вспоминаю, особенно в последнее время. Мы садились возле дерева на берегу реки Л... — он немного запнулся, стараясь быстро сообразить, — Логен, — Вел сделал вид, будто ему что-то помешало в горле.

К мужчине подбежала маленькая девочка.

— Папочка! Пошли к нам!

— Принцесса, а ну поздоровайся немедленно! — заботливо напомнил ей мужчина.

— Пливет! — шепеляво выкрикнула девочка.

Мы все рассмеялись.

— Извините нас!.. — мужчина взял девочку на руки и пошёл к остальным.

— А у тебя есть дети? — спросила я у Велфария, всматривавшегося в небо.

— Нет. Но очень хочу, — он обернулся и посмотрел на меня. — А у тебя?

— Есть. Дочка.

— Она живёт здесь в Норвегии?

— Нет. В Бостоне.

— Ого! Далековато отсюда... А за дочкой

отец присматривает?

— Он погиб на войне восемь лет назад, сразу после рождения ребёнка. Бедняжка не знает, что такое отец...

— Эй! Иди сюда! — Вел незамедлительно обнял меня. — Не смей плакать! Мне жаль... Извини, пожалуйста!

Я осторожно потрогала глаза и нос.

— Нормально... Всё нормально. Своё я уже выплакала давно. Давно... — снова повторила я. — Но, знаешь, я никого и ничего не виню. Он был патриотом своего государства, как и я до сих пор.

— Он поступил правильно.

— Да откуда ты знаешь: правильно или неправильно?! — я не выдержала напряжения. — Прилетел сюда и читаешь всем лекции о важности диалога. Хиппи пацифистский! Святой нашёлся! С твоими взглядами только в монахи идти! — я незаметно для себя перешла на крик. — Протри глаза: здесь тебе не Патрия! Здесь могут ворваться в дом террористы, чужая армия, преступники... И будут у тебя на глазах убивать твоих близких, резать твоих детей и насиловать жён! А ты что? Будешь вот так равнодушно стоять и рассуждать о нормальности смерти?.. Здесь нужно делать выбор! Выбор, который может тебе не понравиться, но ты в то же время понимаешь, что иного пути нет! Нужно брать оружие, Велфарий, и убивать! Убивать всех

врагов до единого... Иначе завтра уничтожат твоё государство вместе с тобой, Велфарий! И поэтому мой муж, этот сукин сын, который не вернулся домой, — герой! И не может быть иначе! — и здесь я громко разрыдалась.

Мой спутник нервно и часто моргал глазами, отведя взгляд в сторону, но внимательно слушал каждое моё слово. Затем он молча отошёл и присел на подсвеченную утренним солнцем и вымытую ночным туманом траву. Он сорвал травинку и начал ею вертеть, положив руки на колени и наблюдая за тем, как счастливая семья играла вдалеке.

Когда первые приступы ярости утихли, мне стало откровенно жалко патрийца. «Зря я так с ним...» Он прилетел из общества с иной системой координат и попросту оказался чрезмерно отфильтрованным для нас. Его разуму не понятны наши действия и причины, их породившие; его душе не понятны наши противоречивые ценности; его глазам больно видеть зашкаливающее насилие, разрушающее нас...

Я подошла к Велфарию и присела рядом. А он вдруг тихо заговорил:

— Мне многое в вас непонятно, и я даже пару раз имел неосторожность выступить в качестве критика землян, но я никогда не выступал против вашего уклада жизни, основ государственности, власти, патриотизма... Да, я — чужой здесь, потому

что меня воспитал другой мир. Но, Диана, пойми меня правильно: патриотизм, присущий моему народу и мне в частности, не предполагает агрессии, насилия и бессмысленных войн. Конечно, я вам не судья и не помощник: не знаю, что там затеял мой отец, но как только я выполню свою миссию — немедленно покину планету.

— Если бы ты потерял близкого...

— Я потерял близкого человека, Диана! — перебил он меня, старательно сдерживая свои эмоции. — Когда мне было восемнадцать лет, моя мама улетела на другую планету и больше не возвращалась. Отец, раздираемый муками, терпеливо всё хранил в себе, несмотря на мои просьбы повидаться с ней. Однажды, незадолго до того, как папа исчез, я устроил очередную истерику. И тогда он, наконец, заговорил... Он ответил, что мамы — нет! Её зверски убили... На невероятно красивой планете, которая когда-то откроет во мне другую сущность и заставит посмотреть на мир совсем иначе, — Велфарий с силой отшвырнул травинку в сторону. — А если тебе интересно, каким образом она погибла... — он повернул голову в мою сторону, еле сохраняя выдержку. — Её с хохотом застрелил вооружённый офицер, когда она вместе с остальными женщинами и детьми упала на колени, умоляя его не трогать их!..

Меня сопровождали два абсидеума. Один из них, остановившись передо мной, вежливо отворил двери в широкий овальный зал, посередине которого располагались столы, создавая собой три кольца. В центре находилась трибуна тёмно-коричневого цвета, как и вся деревянная отделка этого зала. Столы стояли на какой-то специальной платформе, едва заметной в огромном помещении. Второй абсидеум зашел следом за мной.

В зале было многолюдно. За столами сидели благовидного вида люди, что-то оживлённо обсуждавшие между собой. Со многими из них я был знаком лично. В лоджиях заседали менее важные персоны, которые, скорее всего, принимали пассивное участие в мероприятии, в основном довольствуясь ролью наблюдателей. Как только мы вошли в помещение, все разом умолкли и обратили взгляды на меня. Абсидеумы остановились за границей самого широкого кольца, а я уверенной походкой устремился к трибуне в центре. Стараясь ни на кого не смотреть, я стремительно пересёк все три кольца, после чего опёрся обеими руками о края трибуны, тем самым подав символический знак о своей готовности начинать. Неяркое

освещение и полная тишина создавали эффект полного погружения в готовящееся обсуждение чрезвычайно важных вопросов.

Наконец, столы пришли в движение. Скорость их вращения способствовала на наилучшей концентрации внимания, предоставляя возможность каждому присутствующему заглянуть в глаза оратору. Кроме того, вращение колец в разных направлениях символизировало движение объектов космического пространства, лишней раз подчёркивая важный статус проводимых здесь мероприятий.

Превосходная акустика помещения избавляла от необходимости в микрофонах и динамиках.

Я начал:

«Уважаемые главы государств! Позвольте поприветствовать вас и выразить благодарность за готовность в столь сжатые сроки принять участие в этом заседании. С вашего разрешения я буду немногословен, но в то же время достаточно лаконичен.

Вчера вечером произошло судьбоносное для жителей планеты событие, значение которого сложно переоценить: вземная интервенция и установление полного контроля над человечеством. И как следствие — сегодняшнее наше заседание, целью которого является избрание нового главы Мирового Совета. Символично, что единственным

претендентом на должность является выступающий перед вами оратор и одновременно — абсидеум. И хотя процедура избрания не предполагает созыва глав государств — членов Совета, ограничиваясь лишь их представителями, мною в одностороннем порядке было принято решение заручиться наивысшей поддержкой в связи с чрезвычайной важностью затрагиваемого вопроса и происходящих на Земле событий.

Не вдаваясь в детальный анализ причин интервенции, тем не менее, считаю важным выделить два момента. Во-первых, человечество не является инициатором случившегося, несмотря на агрессивную проводимую информационную кампанию захватчиков, стремящихся выставить вас в качестве стороны, нарушившей свои обязательства по известным всем договорённостям. Кстати, о договорённостях... Уверен, что произошедшее послужит отличным уроком для тех государств и их лидеров, которые согласились на антиморальные и незаконные с точки зрения земного законодательства действия по отношению к своим гражданам и мировому сообществу в целом. Во-вторых, упомянутые события стали возможными исключительно благодаря заранее разработанному и успешно реализованному сценарию, согласно которому произошло внедрение в небезызвестную вам группу «Надежда» члена

Мирового Совета, сотрудничающего с абсидеумами. В сложившихся обстоятельствах считаю нецелесообразным называть его имя и фамилию. Одной из целей тройного агента являлось создание и распространение среди членов Совета недостоверной информации, предполагающей ложную потребность главы группы «Надежда» в одном документе, доступ к которому в силу определённых причин имели абсидеумы, взамен на технологии патрийцев. Цель такого распространения очевидна: провоцирование официальных лиц Совета и, в частности, его ныне покойного главы на нарушение межпланетного договора путём получения выгод в виде технологий у третьих лиц, что категорически запрещено в рамках вышеупомянутого документа.

Без сомнения, человечество в полной мере заслуживает на невмешательство. Однако, как нам известно, законы Пространства выше человеческих, и здесь любая цивилизация — бессильна. В то же время, Бог нам предоставил выбор. Как много смысла заключает в себе это слово... Не сомневаюсь: пришло его время для вашей цивилизации. Судьбоносный момент возник не вчера! Судьбоносный момент настал именно сейчас!

Абсидеум. Человек. Между ними нет ничего общего! Две совершенно различных цивилизации,

движущихся в противоположных направлениях. Но кое-что нас объединяет: мы периодически даём жизнь личностям, которые смотрят на мир иначе, тем самым даря надежду остальным на светлое будущее. Доказательством тому служит хотя бы тот факт, что перед вами стоит абсидеум, который собирается защитить ваше право на невмешательство от своей же цивилизации, вцепившись в неё рукой и препятствуя её окончательному падению на дно пропасти разрушения.

Мой жизненный путь с самого рождения пролегает против течения. Но я искренне надеюсь и верю, что сегодня первый раз в жизни вода не бьёт мне в лицо. Отдельно обращаю ваше внимание, что моя моральная система координат полностью совпадает с общечеловеческой, отчего должность главы Совета не изменит принципам и идеалам в случае моего избрания.

Уважаемые господа! Я прошу назначить меня на должность председателя Мирового Совета, наделив соответствующими полномочиями на срок, окончание которого совпадает с окончанием интервенции абсидеумов!

Благодарю вас за внимание!»

Во время моего выступления каждый из присутствующих внимательно анализировал каждое произнесённое мной слово. Наверное, ещё

никогда этот зал не ощущал такого напряжения. Последнее слово ознаменовало минуту полной тишины, которую, в конце концов, нарушил сидевший в ложе человек, вежливо обратившись ко мне:

— Мы благодарим вас за речь и просим ответить на некоторые вопросы, — он сделал совсем незначительную паузу и продолжил: — Сформулируйте нам, пожалуйста, подробней момент окончания вашего возможного пребывания в должности председателя Мирового совета.

— Благодарю вас за вопрос. Я добровольно сложу с себя полномочия председателя сразу после того, как последний абсидеум покинет планету.

Абсидеумы, которые до сих пор тревожно топтались на месте, резко переглянулись между собой. Заметив одобрителный кивок своего напарника, один из них сделал несколько шагов вперёд, остановившись непосредственно перед первым кольцом столов.

— Немедленно прошу подтвердить, что вы — абсидеум! — громко произнёс он. — В противном случае мы вынуждены будем вас устранить, — произнося эти слова, он поднял руку в моём направлении.

Я оглянулся вокруг. Лица собравшихся выражали удивление, любопытство и растерянность. Я демонстративно направил ладонь

правой руки на угрожавшего мне абсидеума.

— Что ж, раз тебе нужно подтверждение, тогда получи его!

Взросшее напряжение в моей руке вместе со специфическим жжением в глазах подсказывали, что начался процесс эвотонирования. Мои глаза ярко вспыхнули красным цветом. Уже через несколько секунд абсидеум свалился на пол. Я посмотрел на второго. Тот покорно стоял, опустив голову.

Громкие аплодисменты вместе с широкими довольными улыбками на лицах людей, восторженно повскакивавших с мест, заставили меня вновь испытать уже изрядно подзабытое чувство надежды и уверенности в своих силах...

Через несколько минут, когда все необходимые формальности были соблюдены, я отдал свой первый приказ на новой для меня должности своему заместителю:

— Андрей, подготовь нам, пожалуйста, самый быстрый самолёт, какой имеется в нашем распоряжении.

— Конечно, Вилирий. Куда мы полетим?

— В Норвегию. И как можно скорее...

* * *

Громкий звонок мобильного телефона

заставил меня вздрогнуть. Я с некоторым опасением достала его из внутреннего кармана и внимательно посмотрела на дисплей.

— Здравствуй, солнышко.

— Привет, мамочка!

— Как ты, детка?

— Нормально. Меня сегодня похвалили на уроке! — радостно прочирикала она.

— Умница! — улыбнулась я. — Как твоё здоровье?

— Хорошо! Мы с мисс Кэррингтон сегодня много гуляли в парке вместе с Джоном.

— Джон приударяет за моей принцессой? — в динамике послышался приятный детский смех.

— Он снова дёргал меня за косичку!

— Скажи ему, что мама скоро приедет и отшлёпает его как следует, если он не будет вести себя, как настоящий джентльмен, — её смех наполнял меня теплотой и безграничной любовью.

— Когда ты вернёшься?

— Мама тебе уже говорила, что сама не знает. А как только узнает — сразу сообщит, помнишь?

— Да, мамочка!

— Мисс Кэррингтон хорошо о тебе заботится?

— Да... — тоненько пропела малышка.

— А я вижу, что — нет. Почему ты ещё не спишь? — требовательно спросила я.

— Мамочка, мисс Кэррингтон не виновата.

Она давно меня уложила спать. Но я сильно хотела тебе позвонить!

— Так! Быстренько ложись спать, пока няня не заметила, — из моих глаз потекли слёзы, и я изо всех сил старалась, чтобы мой голос не задрожал. — Помнишь, что я тебе говорила?

— Да. Что я буду плохо расти, если не буду вовремя ложиться спать. Я люблю тебя, мама!

— И я тебя, солнышко моё! — я прикрыла рукой заплаканные глаза и положила телефон обратно во внутренний карман.

Я понимала, что необходимо идти до конца, чем бы это не закончилось. Иного пути не оставалось. «Может, бросить всё и вернуться домой? Может, зря я всё затеяла? — из глаз неудержимо текли всё новые и новые слезинки... — Но если я всё брошу, то они непременно найдут меня и мою дочь. Они не прощают измены и не успокоятся, пока не высосут из нас последние эвотоны».

Я быстро взглянула на Вела. Его каменное лицо было направлено на трассу. Мы до сих пор не разговаривали.

«Вел — моя последняя надежда на спасение! В нём находится огромный потенциал, который и не снился абсидеумам. Если бы только им был присущ страх... Но у него всё получится!.. Моя девочка достойна лучшей жизни, как и все наши

дети! Даже если я не вернусь, мою душу всегда будет согревать...» — я закрыла лицо рукой.

— Тебе плохо? — отреагировал Велфарий.

— Нет, всё в порядке.

«...Мысль о том, что моя малышка находится в полной безопасности».

— Ты уверена? — снова обратился ко мне Вел.

Я непонимающе посмотрела ему в глаза.

— Что «всё в порядке»? Вид у тебя совсем неважный! Может, остановить автомобиль?

— Нет! Только не останавливай его! Нам нужно ехать в Лиллехаммер, Вел. Необходимо заканчивать этот триллер! Хватит уже с меня остановок и пауз!

«Если бы только им был присущ страх... — повторяла я про себя. — Чтобы они сами прочувствовали, каково это... Когда ты постоянно находишься под прицелом и сомневаешься в завтрашнем дне для себя и своих детей!»

Вдруг меня осенило: «А почему абсидеумы требовали привезти его непременно живым под угрозой нашей с дочкой смерти? В Пути Вела отсутствует одна из Точек, время которой подошло. Однако существуют следующие Точки. Поразительно! Логика подсказывает, что он должен умереть и воскреснуть. Выходит, они боятся его смерти! И Милы... Они боятся их смерти!.. Ничего

себе! Но как абсидеумы могут бояться в принципе? Неужели они вводят всех в заблуждение относительно собственной неуязвимости? Или это вовсе не страх? О, нет! Вел ведь уже умирал! И я его спасла, вытащив из загробной жизни обратно... Значит, Точка уже миновала? Или нет? Ничего не пойму!»

— Послушай, Велфарий. А почему патрийцы не прилетят и не помогут? Даже если никто не узнал о произошедших событиях, сам факт потери тобой связи с информационным полем незамеченным вряд ли остался.

Вел беспомощно пожал плечами.

— Я не знаю, что тебе ответить... — с неуверенностью сказал он. — В подобных ситуациях на место вылетает спасательный отряд с Ферруанцами.

— Фер...

— Ферруанцы. Это класс наших роботов, включающий в себя различные их разновидности и модификации. Используются только в экстренных случаях и в основном для воздействия на неразвитые цивилизации.

— Что-то мне подсказывает, что правило двадцать пятого уровня на них не распространяется.

— Ты зря иронизируешь... — недовольно заметил Велфарий. — Я ведь не случайно сказал, для воздействия на кого они используются.

— Так что со спасательным отрядом? — я быстро сменила тему разговора.

— Наверное, ты уже знаешь, что изменение информации в поле не может остаться незамеченным. Но только для того, кто целенаправленно обращается к подобным данным. В моём случае, Алмий курирует контакт с S24 — вашей планетой. Следовательно, я уверен, что он должным образом отреагировал и принял соответствующие меры.

— А кто такой Алмий?

— Как и я, работает в Центре космологии. Мой самый близкий друг на Патрии.

Я не могла не спросить...

— Извини, может быть, этот вопрос покажется тебе слишком личным, — деликатно и чрезвычайно осторожно начала я. — А любимый челов... любимая патрийка есть у тебя?

Его лицо стало напряжённым.

— Да. К сожалению, она — вторая, кто успеет заметить изменения. И она, наверное, уже с ума сходит... — печально добавил он.

— Как её зовут?

— Юва.

— Часто думаешь о ней? — с пониманием спросила я.

Вел кивнул.

— Знаешь, что больше всего неприятно? Я

знаю о её мучениях, но никак не могу воспрепятствовать этому... Если бы у меня были хотя бы пять секунд для Вызова — я бы уложился!..

— Ладно, извини! — я второй раз подряд решила изменить тему разговора, так как мне стало откровенно жалко моего собеседника. — А как выглядит твой Алмий? — спросила я первое, что мне пришло на ум.

Велфарий сделал незадачливый вид.

— Молодой, подтянутый с белыми волосами и зелёными глазами. Невероятно спокойный. Наверное, из-за этого его легко можно спутать с абсидеумом... — Велфарий тепло улыбнулся.

Я онемела от ужаса. Быстро отвернулась к окну, чтобы не шокировать Вела. Хоть это и было делом времени.

«Алмий — глава миссии абсидеумов на Земле! И близкий друг Велфария на Патрии?! Да что б его черти ухватили! Коллега!..»

Впереди показался полицейский патруль. У дороги стояли два джипа и четверо полицейских возле них. Один из них, заметив наш автомобиль, сделал знак, чтобы мы остановились. Велфарий молча нажал на тормоз.

— Вы — Велфарий, а вы — Диана? — настороженно заглянул он через опущенное окно.

Патриец нервно держал ногу над педалью газа.

— Мне велено сопроводить вас в Лиллехаммер, — неожиданно сказал он, и мы с Велом выдохнули с облегчением. — Не отставайте от нас, пожалуйста!

Полицейские без промедления залезли в свои джипы и включили проблесковые маячки.

— Замечательно! — прокомментировал патриец. — Нам как раз туда и нужно.

— Я заметила, что ты был готов сорваться с места. А почему не собирався их эвотонировать?

— Нам нужно обсудить с тобой несколько нюансов наших дальнейших действий и, в том числе, эвотонирования, Диана, — нахмурился Велфарий.

* * *

Недалеко от здания резиденции совершил вертикальную посадку летающий объект, невидимый режим которого отключился в последние секунды полёта. Из него целеустремлённой походкой вышел Алмий. За ним еле успевали два абсидеума. К ним на ходу присоединился третий, выбежав им навстречу из резиденции. Солнце уже достаточно высоко поднялось над горизонтом, но прохладный утренний воздух бодрил каждого, кто окончательно ещё не проснулся.

— Обрадуете меня? — строго спросил Алмий подбежавшего абсидеума.

— Диана больше не выходила с нами на связь и до сих пор недоступна. Но мы заметили кое-что иное.

— Я слушаю!

Собеседник Алмия озадаченно дёрнул волосы на голове.

— Велфарий появился в нашем информационном поле.

Алмий замедлился, но продолжал идти в сторону здания.

— Я предполагал, что это произойдёт с ним. Его организм — патрийский и плохо приспособлен к земной атмосфере, в отличие от его сестрёнки с отцом. Есть угроза его жизни по полученным из поля данным?

— Минимальная.

— Значит, эвотонирование прошло успешно, — заключил Алмий. — Три сущности соединились воедино. Сейчас он — ходячая вакцина от абсидеумов, — Алмий снова ускорился. — Куда они направляются?

— В сторону Лиллехаммера...

— Замечательно! — все трое с непониманием смотрели на Алмия, который с чувством удовлетворения начал отдавать распоряжения. — Усильте охрану объекта в Лиллехаммере!

Обеспечить, чтобы в радиусе километра не было ни одного живого человека. Только абсидеумы. Но не отправлять туда лучших. Естественно, Велфария не убивать!

— А Диана?

— Она подставила и предала нас!

— Почему?

— Не смогла выполнить простое задание: доставить объект невредимым и проконтролировать, чтобы тот не подозревал о собственных возможностях...

— Алмий, а если предположить, что у неё не было иного выбора?

— А ты в адвокаты записался? — Алмий остановился и внимательно посмотрел в лицо собеседнику. — В таком случае, нужно было связаться с нами, чего она не сделала. И подготовьте нам всем транспорт. Ближе к полудню мы улетаем к патрийскому кораблю.

— Конечно.

Группа абсидеумов миновала работающий фонтан и подошла к ступеням здания резиденции.

— И вот ещё что! — Алмий задумался с некоторым удовольствием на лице. — Прикажите, чтобы в Лиллехаммере большинство абсидеумов не носили тёмные очки. Поиграем немного с ними... А Диану убейте до того, как Велфарий встретит свою знакомую.

Мы находились на крыше здания и рассматривали четырёхэтажное строение напротив. Именно там, в прошлом, находилось отделение группы «Надежда».

— Два слева и один у входа. Четыре на крыше с разных сторон. Раз в пять минут сменяют друг друга на позициях по часовой стрелке, — Велфарий приложил глаз к оптическому прицелу снайперской винтовки, а затем посмотрел на меня. — Я предлагаю штурм. Иного выхода нет. И поддержки у нас не будет никакой.

Я настороженно кивнула ему. Вел осмотрелся по сторонам.

— Красивый город! Тебе доводилось бывать здесь?

— Да. Несколько раз. Слева находится железнодорожный вокзал. Справа — трамплин. Его отсюда неплохо видно.

— Здесь проходили какие-то спортивные мероприятия?

— Да, в тысяча девятьсот девяносто четвёртом году. Зимняя Олимпиада. А позади тебя — церковь, — заметила я.

— Да, я уже успел налюбоваться ею. Невероятно красиво... Жалко, что мы попали сюда

именно при таких обстоятельствах.

— Сто процентов, — согласилась я. — Значит — штурм?

— Да. Обрати внимание, Диана, — Вел снова сощурился у прицела. — Ни у одного объекта, за исключением тех двоих слева, нет тёмных очков.

— Ты хочешь сказать, что это — люди?

— Похоже на то. Но никак нельзя это проверить, к сожалению. Я ведь абсидеум на данный момент...

— Иными словами, я нейтрализую абсидеумов, а ты — исключительно землян? — спросила я.

Надо отметить, что отношения между нами, наконец, наладились.

— Да. С учётом того, что я превратился в абсидеума, правило двадцать пятого уровня стало для меня как никогда актуальным.

— Но в резиденции ты же застрелил одного из них...

— В резиденции я был человеком. Мне так кажется...

Мне в голову пришла удивительная мысль.

— А я уверена, что ты всегда можешь пользоваться преимуществами всех трёх цивилизаций. Ты — не землянин, не патриец и не абсидеум. И одновременно каждый из них. И для тебя не существует правила двадцать пятого

уровня.

— На самом деле, мне вполне достаточно одной души, — тоскливо сказал он и поднял голову к небу. — Где-то там... мой дом... — он продолжал смотреть на голубое небо. — Но если то, что ты сказала — правда, то тогда мне страшно подумать, что во Вселенной могут быть такие, как я. Лица, не несущие ни за что ответственности...

— Велфарий, ты — по-настоящему универсальный солдат! Ты можешь убивать всех, в том числе и абсидеумов! Не бойся... Они же сволочи! — убедительно проговорила я.

— Но это всего лишь теория... Придуманная тобой только что.

— Так проверь её! — возмущённо обратилась я к нему.

— А как я проверю? Как мне, например, снова стать полноценным патрицем? Может у тебя есть рецепт превращения? Тогда поделись, пожалуйста. Легко сказать, Диана! И сложнее сделать.

— Сколько они нам и лично мне зла принесли!.. — эмоционально парировала я ему. — А моя дочь? За что погибнет мой ребёнок?

— Не волнуйся, Диана. Всё с тобой и твоей дочкой будет нормально. Я уверен!

— Сказал патриец, который при первом удобном случае улетит отсюда! Конечно, там ты — герой! Только сделай одолжение: когда следующий

раз будешь спасать птичье гнездо, не вспоминай о нас, пожалуйста!

Велфарий моментально поднял голову и выпустил из рук винтовку. Его взгляд застыл на месте, а на лице не просматривалось ни одного движения. Шок... Настоящий шок...

Именно в этот момент по нам открыли огонь.

— Ложись и не поднимай голову! — крикнул он мне, прицелился и выстрелил. Я не могла оторвать от него взгляд. — Один на крыше готов.

В ответ по нас снова начали стрелять. Несколько пуль, как мне показалось, просвистели у моей головы. Мне стало страшно, но я постаралась взять себя в руки. Велфарий выстрелил из винтовки и выговорил какое-то непонятное мне слово. Затем, отставив её и, встретив мои глаза, проговорил:

— Промазал! Так не пойдёт. Мы здесь — лёгкая мишень. Необходимо срочно спускаться отсюда. Пожарная лестница уже не подойдёт!

— Вон там, смотри! — крикнула я. — Рядом с лифтовой шахтой вход вовнутрь.

— Беги! Я за тобой, сделаю нам дорожку в пару секунд!

Я поднялась и побежала, как только Вел открыл огонь из пистолета. Затем он догнал меня, и мы оказались возле закрытой двери. Я выстрелила несколько раз в заржавленный замок.

— Молодец! — похвалил Вел. — Интересно, а

отчего замок снаружи?

— Там справа есть ещё один вход...

Мы спустились по небольшой металлической лестнице и остановились. Справа — двери лифта. Слева — закрытая дверь. Перед нами — лестница, ведущая в самый низ, где уже мелькали поднимавшиеся тени. Вел оттянул меня за плечо назад и показал на нажатую кнопку вызова лифта.

— Стань у дверей. А я задержу их!

Я подбежала на указанное место и развернулась. Вел вытянул руку. И снова что-то сказал на своём языке.

— Боже, как красиво! — я застыла неподвижно в лифтовой кабине. Вдруг Вел дал мне лёгкую пощёчину.

— Извини! Мне нужно срочно раздобыть тёмные очки, чтобы ты не уходила в транс от моих глаз.

Мы спускались на первый этаж. Велфарий приготовил дымовые гранаты. Я достала второй пистолет, взятый мною из багажника первого автомобиля.

— Неплохо смотришься! — пошутил он.

— Ты — тоже! — подмигнула я ему. — Ну что, вперёд за победой?

Двери лифта раскрылись — и Вел швырнул приготовленные гранаты. Через пять секунд мы вышли из кабины. Каждый из нас держал

пистолеты наготове. Затем Велфарий сделал мне условный знак, чтобы я остановилась и замерла на месте. Мы прислушались. Тишина... Слева просматривались перила лестницы. Я подошла ближе: передо мной лежали четыре человека в тёмных костюмах.

— Я их не убил... — прошептал мне Вел, незаметно появившийся возле меня. — Эвотонировал приблизительно на семьдесят-восемьдесят процентов. Видишь, дышат... — Вел резко замолчал, и я снова прислушалась. Где-то впереди, там, где должен быть выход на улицу, послышался короткий звук. Как будто раздавили о пол кусочек ореховой скорлупы. Вел молниеносно поднял руку, а я немедленно опустила взгляд вниз. Раздался звук свалившегося тела. Справа, сразу за лифтовой шахтой, виднелся проход в другие части здания. Именно оттуда доносился топот. Я подбежала к распахнутым дверям и открыла огонь по только что появившимся целям. Последние без промедления спрятались за установленными по всему залу колоннами. Я сделала то же самое, только в качестве прикрытия использовала стену, отделяющую зал с атакующими от лестничной площадки. Я прислонилась к раскрытой двери и сгруппировалась. Раздались выстрелы.

— Зайди с фланга, — послышалось из

соседнего помещения.

Я выстрелила с левой руки пару раз в ответ и, используя образовавшийся временной гандикап, прицелилась с правой в направлявшегося в мою сторону человека. Я не промахнулась! Как только посыпался град выстрелов из-за колонн, я снова спряталась за стенкой и увидела стоявшего перед выходом из здания Вела с выставленными обеими руками. Ему было тяжело, судя по напряжённому выражению его лица. Он опустил правую руку и достал ею гранату, сорвал зубами и выплюнул чеку, продолжая эвотонирование левой рукой. Наконец, приготовившись к броску, он совершил последнее усилие в заборе эвотонов и запустил гранату в пространство перед собой, уходя в сторону и принимая лежачее положение. Через секунды три раздался мощный взрыв где-то снаружи здания.

Вел быстро встал и подбежал ко мне. Увидев моё выражение лица, он так же, как и пятью минутами ранее, дал мне лёгкую пощёчину, чтобы я пришла в чувство.

— Их там много? — спросил он, учащённо дыша.

— Четыре бойца, одного я застрелила.

— Молодец! — сказал Вел, став у края стены и открыв слепой огонь в помещение, проверяя наличие преследователей. Затем он на секунду высунул голову и так же молниеносно спрятался

обратно. Ответ не заставил себя долго ждать.

— Мы не сможем выйти отсюда, пока не разберёмся с ними! — его внимание привлекло что-то на стене за моей спиной. Я развернулась: там висел щиток с рубильниками.

— То, что нам нужно! Диана, дай мне твой прибор ночного видения!

Я протянула ему прибор, который он моментально выхватил из моих рук.

— И один из твоих пистолетов.

— А твой где?

— В данной ситуации два — лучше, чем один.

— Что делать мне? — оживлённо спросила я.

— Я сейчас надену прибор и дам тебе условный сигнал. После того как я проберусь внутрь и на ходу открою огонь, у тебя будет три-четыре секунды, чтобы захлопнуть за мной двери на засов. Справишься?

— О, Боже мой! Что ты задумал?

— Справишься? — упрямо повторил он.

— Конечно! Не забудь только, что тебе нельзя будет эвотонировать!

— Приготовься! Твоя задача — следить за входом справа, — Вел одел прибор и дал отмашку. Послышалась серия выстрелов. Я сделала три шага и быстро захлопнула двери. Затем, подняв пистолет, осторожно подошла к лестнице, не спуская глаз с входа напротив. Там никого не было.

Из запертого помещения раздавались новые выстрелы одновременно из нескольких пистолетов с небольшими паузами.

На первых ступеньках возле меня лежали человеческие тела. Было отчётливо видно, что они дышали. Словно, заснули... Мне стало немного не по себе. Я осторожно подошла к первому из них и проверила биение сердца. Затем осторожным движением начала за край приподнимать полу пиджака. В тишине, где-то на верхних этажах, капля с громким звуком упала в лужу. В этот момент раздался мощный удар в запертые двери. Затем второй. Я с испугом отдернула руку от пиджака и обернулась. Непосредственно из-за дверей на расстоянии, наверное, всего лишь нескольких сантиметров прогремела автоматная очередь. Я стояла на месте и слушала. Звук, издаваемый автоматом, дал мне понять, что человек стрелял по всему периметру без разбора и цели. Наконец очередь закончилась. Я посмотрела в сторону входа: по-прежнему было пусто. Снова возникло желание вернуться к пиджаку. Я повторно начала его приподнимать, как вдруг увидела оружие за поясом лежащего человека. Это был плазменный шок! Я бы никогда не смогла перепутать их оружие! «Господи! Это же не люди... Нас разыгрывают!»

Позади меня раздался громкий хлопок и двери

вылетели наружу.

— Извини! Забыл тебя предупредить, чтобы ты не стояла возле них! — с широкой улыбкой проговорил Велфарий. Он подошёл ко мне, и мы крепко обнялись.

— Не сильно испугалась? Всё нормально? — спросил он меня.

— Да. Вел! Смотри, что я нашла! — я показала ему плазму.

— Да, я уже в курсе, — он достал такой же пистолет и продемонстрировал мне. — Трофей... Да, кстати! Во внутреннем кармане одного из мерзавцев я, наконец, нашёл вот это, — в его руке лежали тёмные очки. — Кто-то заставил всех заблаговременно снять их, чтобы мы думали, что имеем дело с людьми. Только какой в этом смысл? Думали, что мы добровольно решимся на переговоры?

— Или это очередная изощрённая форма игры... Тогда искать смысл нет необходимости. Развлечение абсидеумов... Нужно прямо сказать — неудавшееся.

— А может и наоборот. Ведь я использовал частичное эвотонирование во многом из-за моей уверенности в наличии здесь людей.

Велфарий аккуратно надел на себя очки.

— Зато теперь я уверен в правоте твоей теории относительно себя. Способностей я точно не

потерял.

— И может они охотятся как раз за твоими способностями. Ты только представь перспективы!.. С такой армией можно покорять целые галактики. И правило двадцать пятого уровня — не помеха.

— Возможно. Но давай не терять достигнутой концентрации. Наша цель — перед нами, — он повернулся в направлении входа, из которого была видна дверь противоположного здания, где когда-то располагалось отделение. — На крыше осталось двое. Вполне возможно, они разделились и один из них внутри, а второй — поджидает нас через прицел.

Мы не спеша направились на свет.

— Я пойду, — решительно проговорил Вел.

— Нет! — я крепко схватила его за руку.

— Не переживай, они точно не убьют меня.

— Откуда ты знаешь?

— Они сознательно промахиваются. Я совершенно чётко это заметил.

— Особенно тот, который стрелял во всё подряд за дверями!

Вел рассмеялся:

— Знаешь, мне кажется, что я нашёл их слабое место. Но я бы не называл это страхом.

— А как? — с любопытством спросила я.

— Не знаю... Но когда абсидеум остаётся

один, он становится сильно уязвимым и порой теряет контроль над собой, которым они так славятся.

— Даже если они промахиваются в тебя, то со мной церемониться не станут.

— Я знаю, как мы поступим! Идея немного безумная, зато реальная, — воскликнул патриец. — Становись за мной и возьми в обе руки по стволу. Твоя задача максимально проста: не дай окружить нас с флангов и присматривай за тылом! А остальное предоставь мне. Главное — постарайся не высовываться из-за меня, чтобы снайпер на крыше не смог попасть в тебя. Всё поняла?

— Да... — озадаченно проговорила я.

— Готова? — Вел повернул голову назад, насколько это было возможно. — Тогда пошли! — крикнул он.

Мы вышли! Везде — пусто и никого не видно. Наши шаги были совсем небольшими, чтобы не допустить возникновения пустого пространства между спинами. Наконец, я почувствовала движение руки моего спутника. Послышался короткий крик сверху, после чего на землю упало тело. В эту секунду раздался выстрел, и мне на левую щеку брызнула голубая кровь.

— Не дёргайся! — крикнул Велфарий. — Не меняй позицию! Где-то засел третий!

Услышав Вела, я взяла себя в руки: на секунду

закрыв глаза, сконцентрировалась и выровняла дыхание.

— Диана! Не спи! — выкрикнул он. Я поняла пистолет и сделала несколько выстрелов в направлении, откуда прилетела пуля снайпера. Пуля в ответ во второй раз прострелила рану на плече. Впервые за все время Велфарий застонал долго и болезненно. Раздался третий выстрел...

Вел бросил на землю плазменный пистолет, который уже несколько секунд держал в левой руке.

— Вел! Чего же ты не эвотонируешь? Давай! — я понимала, что без забора эвотонов ему долго не протянуть. Я развела руки в стороны и приготовилась к отбивать атаки с флангов.

— Ещё один! Давай! Да стреляй же ты! — проревел он, обращаясь к невидимому снайперу. Мне показалось, он начинает сходить с ума от переизбытка чувств и боли.

В конце концов, раздался четвёртый выстрел! Моя левый бок залило голубой жидкостью. Я начала дрожать.

— Да! — протяжно закричал Велфарий, и в этот же миг я услышала грохот. Я не выдержала и немного высунулась из-за его широкой спины. Крыша кирпичного здания буквально взрывалась в разных местах. Складывалось впечатление, что вдоль её края детонировали один за другим заранее

установленные заряды, вырывавшие кирпичи из здания и разбрасывавшие их в воздухе.

— Быстрее! — закричали неожиданно появившиеся из-за углов покинутого нами строения абсидеумы. — Убить её!

— Мечтайте, сукины дети! — я начала стрелять из обоих пистолетов. Плазменный пистолет уложил сразу нескольких слева, и мне пришлось сконцентрировать всю огневую мощь в одном направлении. Но с левой стороны слышались команды уничтожить меня, и я опять направила плазму в ту сторону, не прекращая стрелять направо. К моему удивлению, поток абсидеумов увеличивался с каждой секундой. Один за другим, как тараканы, они выбегали из-за зданий с обеих сторон. Рано или поздно такой наплыв закончился бы для нас плачевно.

— Эвотонируйте их, пока не закончился синдром! Быстрее!

Вел за моей спиной испытывал серьёзные мучения, его трясло без остановки.

— Вел! Мы не справимся! — в отчаянии закричала я, понимая, что мои слова вряд ли будут услышаны.

В моём пистолете закончились патроны, и я выпустила его из руки на землю. Осталась одна плазма, из которой я стреляла в данный момент совершенно хаотично во все стороны. У нескольких

пришельцев засветились глаза. Я молниеносно отвела взгляд в землю перед собой и, плача от бессилия, закрыла глаза. Конец...

Звуковой хаос окружил нас. Низкий гул, треск, взрывы у наших ног воодушевили меня. Я не боялась! Я больше не боялась смерти и будущего! Я сумела воспрянуть и победить себя! И когда я открыла глаза, чтобы их больше не закрывать и чтобы без страха заглянуть в лицо смерти с достоинством настоящего человека, передо мной открылась впечатляющая картина.

Я стояла, обняв Велфария руками. Немного отпустив его, я посмотрела ему в лицо. Оно не выражало абсолютно никаких эмоций. Устремлённый вперёд взгляд источал прозрачность и чистоту ангела. Никаких мыслей, страданий, желаний и устремлений... Ничего! Первозданная чистота... Состояние только что увидевшего свет младенца.

Недолго соображая, я осторожно закинула его здоровую левую руку себе на плечи, и мы потихоньку поковыляли в сторону большого проёма в стене, на месте которого ещё недавно находилась прочного вида металлическая дверь. Под нашими ногами хрустнули и раскрошились слетевшие ранее с Вела очки. Дойдя до кучи кирпичей, я услышала какой-то шорох, но продолжила движение. Тем временем, Вел пытался

что-то произнести. Мы вошли в проём, свернув за сохранившуюся часть стены. Почувствовав, что патриец может стоять самостоятельно, я развернулась и внимательно всмотрелась в разрушенную площадь, которой будто промчал мощный ураган. Из-за кучи битого кирпича поднялся на ноги изрядно потрепанный абсидеум. Сделав полшага назад к патрийцу, я выхватила у него гранату, вырвала чеку и изо всех сил швырнула её в сторону абсидеума.

— Лови!

Удивительно, но он поймал!

Когда раздался взрыв, я снова подхватила Вела, и мы устремились вглубь здания.

Помещение заполняла разнообразная мебель: несколько стульев, много компьютерных столов с мониторами и креслами возле них, огромный шкаф с папками слева. Под потолком дружно мигали светильники, небольшие окна спрятаны за плотными жалюзи. На журнальном столике справа, возле широкого дивана, лежала перевёрнутая чашка недопитого кофе. Рядом, в темной кофейной луже, лежал планшет с подключенными небольшими колонками, откуда тихо звучала мелодия скрипки. А впереди, в конце помещения, виднелся выход на улицу с прозрачными дверями.

Я аккуратно опустила Велфарию на диван. Он тихо говорил что-то нечленораздельное. Слева, в

шкафчике с полуразбитыми стёклами, стояли какие-то небольшие бутылки. «Может, там найдётся спирт или перекись водорода?» Я подбежала к шкафчику и вынула остатки стекла, после чего протянула руку и взяла первую попавшуюся бутылку. Оказалось, что это была всего лишь краска для принтера. Вместе с ней лежали другие компьютерные расходные материалы. Расстроившись, я направилась к своему спутнику.

Подойдя ближе, я в недоумении остановилась. Вел сидел совершенно здоровый. Он так и не открыл глаза, но кровотечения, раны и ссадины исчезли бесследно. Присев возле него, я пальцами медленно раздвинула ему веки. Глаза были обычными. В этот момент, он, наконец, очнулся. Дотронувшись до моей руки, он сразу же нашёл взглядом левое плечо.

— Но я же не эвотонировал! — озадаченно проговорил он. — Как тебе это удалось?

— Ты сам восстановился, — спокойно ответила я ему. — Восстановители! — вскрикнула я. — Здесь же Восстановители!

Я сорвалась с места и подошла к закрытой двери рядом с нами, которая вела в другое помещение. Возле неё мигала сенсорная панель.

— Нам нужен код... Иначе не попадём.

Вел встал и подошёл ко мне. Надавив на

ручку, он уверенно открыл дверь.

— Откуда ты знал? — с улыбкой спросила я.

— Не знал... — патриец пожал плечами.

Мы вошли в очень длинное и тёмное помещение без окон с расставленными у стен кроватями. На них умиротворённо лежали люди.

— Спят что ли? — шёпотом спросил у меня Вел.

Я отрицательно помотала головой.

— Это, наверное, что-то типа больницы, да?

Я едва не споткнулась о Восстановитель, который лежал на полу. Вел удивленно остановил на нем взгляд. Моя рука дотронулась до кнопки выключателя, и помещение наполнилось светом.

— Калпа! — вырвалось у него. Несомненно, это что-то означало на их языке. Я догадывалась, но даже не хотела спрашивать его об этом. Перед нами лежали живые мертвецы. Посередине помещения находилось устройство, именуемое Магнитом.

— Именно оно поглощает эвотоны, которые под действием Восстановителей генерируют пребывающие в состоянии анабиоза люди.

Велфарий был потрясён до глубины души. Наверное, никогда прежде он не видел ничего подобного.

— Сколько же их здесь... — растерянно прошептал патриец. — А почему они полностью не восстанавливаются?

— По той же причине, по которой вы не восстанавливаете умерших патрийцев, — я взяла в руку один из валявшихся Восстановителей. — Не всё в нашей жизни способно вернуть её нам, Вел. Бывают случаи, когда даже эти штуки бесполезны. Иногда против судьбы идти бессмысленно...

— Их кто-то отбирает? А по каким критериям?

— Это — секретная программа в рамках уже разорванного соглашения с абсидеумами. Даже я не имела полного доступа. Фоллинг — единственный из землян, кто был причастен к этому проекту. Хотя, по-моему, пришельцы его не сильно спрашивали...

— Ужасно!.. Мы можем отключить Магнит?

— Конечно! На нём имеется специальная красная кнопка аварийного отключения, — моя рука показала её на корпусе устройства.

Патриец подошёл к устройству и дотронулся до кнопки, но не успел нажать на неё. В этот момент я почувствовала прикосновение дула пистолета к моему виску.

— Даже не думай! — громко сказал кто-то возле меня.

Это заставило Велфария резко обернуться.

— Если начнёшь меня эвотонировать, я всё равно успею в неё выстрелить.

За спиной у Вела открылась дверь. В ней

стоял абсидеум в очках и плазмой целился в патрийца.

— Ты — тот четвёртый снайпер, который был на крыше, верно?

Абсидеум медленно утвердительно кивнул.

— Почему вы меня не убили? — с любопытством спросил его Вел. — Зачем нужно было несколько раз стрелять мне в плечо?

— Потому что я убью тебя! — агрессивно проговорила появившаяся из-за спины абсидеума стройная девушка с шикарными золотистыми волосами, элегантно собранными в пучок. Она подошла к Велфарию и вlepила ему сильную пощёчину.

— Юва?!

В который раз я наблюдала изумлённое выражение лица патрийца. Признаться, на этот раз я была удивлена не меньше его. «Неужели та самая? А я всегда наивно считала, что мне одной не везёт в личной жизни...»

— Юва?! — повторил он снова.

— Ты заслужил это! — нахмурилась она, демонстрируя свое недовольство. — И не нужно на меня так смотреть, Вел! Я волновалась! По-твоему, именно так я должна узнавать о тебе? — патриец продолжал молчать, видимо, не веря во всё происходящее. — Ну, скажешь мне хоть что-то? — топнула ногой красавица. — Я прилетела сюда за

тобой через половину галактики, а ты даже не рад мне?!

Вел наконец опомнился и взорвался возмущением:

— Не рад тебе?! Конечно! А ты ожидала, что после слов «я убью тебя» и пощёчины мы нежно обнимемся и поцелуемся?! Как ты вообще можешь говорить такое? Как ты?.. Как?.. — Вел не мог подобрать нужных слов.

Юва театрально сделала вопросительное выражение лица.

— Думаешь, мне легко смириться с тем, что я не мог связаться с тобой? Или ты считаешь, что я забыл о тебе?! — не мог успокоиться Велфарий.

— А когда целовал её, помнил? — впервые она пронзительно посмотрела на меня.

— Она спасла мне жизнь, подставляя себя и своих близких под прицел. А могла без промедления сдать им! — патриец кивнул в сторону абсидеума. — Очевидно иное: я разговариваю сейчас не с той девушкой, которую знал раньше.

— И таким способом ты собираешься меня отблагодарить за то, что я спасаю тебя от вечного заточения? — из глаз Ювы потекли слёзы.

— Какого заточения? — нерешительно спросил Вел, наверное, впервые почувствовавший себя виноватым. Он подошёл к девушке и ласково

вытер слёзы с её щёк.

— Абсидеумы пообещали мне, что если я приведу им тебя, то они не станут применять анабиоз, а позволят убить вас с Милой по очереди, — она убрала его руку и отошла на пару шагов назад.

— Послушай, Юва. То, что они охотятся за мной и Милой — я знаю. То, что это всё каким-то образом связано с нашими Точками — тоже знаю. Но насчёт анабиоза и «убить по очереди»...

— Я прибыла на S24...

— На Землю! — настойчиво поправил её Вел.

— Как угодно, — с подчёркнутым равнодушием ответила она. — Я прибыла, чтобы спасти тебя от абсидеумов. Из-за того, что ты и Мила способны изменить уровень развития патрищей и, что их особенно беспокоит, землян, они хотят поместить вас в анабиоз на несколько сотен лет как минимум. Всё потому, что они считают пустоту в ваших Путиях моментом смерти. Подсчитано, что время начала и окончания в обоих случаях — одинаковое. Следовательно, их цель — не допустить вашей смерти. Тогда и перехода не случится! Мы заключили сделку, согласно которой если я приведу тебя, то вас убьют в разное время... И отпустят.

— Чушь собачья! — выкрикнула я. — Ты ещё наивней, чем кажешься! Не будут они их убивать

ни по очереди, ни вместе. Абсидеумы никогда не рискуют!..

— Заткнись, грязная лицемерка! Тебя не спрашивали!

— Кто тебе сказал обо всём этом? — серьёзно спросил Вел.

— Я не знаю его имени и лица. Мы общались дистанционно, — сухо ответила Юва.

— А кто отправил тебя сюда? Кто рассказал об абсидеумах и о том, что они собираются поместить нас в анабиоз?

— Алмий!

— Кто?! — воскликнул патриец, снова пребывая на грани шока.

— Он же и есть главный абсидеум на Земле! — наконец, не выдержала я. Рано или поздно мне пришлось бы это сообщить. Мы с Велом смотрели друг на друга. — Человек с волосами сливочного оттенка и зелёными глазами! Извини, что не сказала тебе во время того разговора, — виновато произнесла я. — Боялась, что очередной шок повлияет на твоё и без того тяжёлое состояние. Плюс тот полицейский патруль...

Велфарий громко вздохнул и опустил голову. Всё привычное для него рушилось... Снова...

— Я совершил ошибку, — Велфарий говорил очень задумчиво. — Я слишком сильно привязался

к привычной действительности. Сладкой и вязкой... Переменчивой... Жестокой... Подпустил её чересчур близко...

— Жалеешь? — спросила Юва.

— Нисколько! — тихо, но уверенно ответил ей Вел. — Скажи, а ты знаешь, что Мила — моя сестра? — он смерил взглядом удивленную девушку. — А знаешь, что я наполовину землянин с примесями абсидеума?

— Землянин?! Калпа! Уж лучше быть абсидеумом, чем примитивным источником питания.

Вел налился красками.

— Не оскорбляй мою цивилизацию! — сердито произнёс он. — Она — прекрасна, как и патрийская, к которой после таких слов ты больше не можешь принадлежать!

— Заканчивай! — приказал ему абсидеум. — Мы не укладываемся в отведённое нам время. Надоело слушать вашу болтовню! Либо мы его схватим, либо ты его самостоятельно приведёшь! — обратился он к девушке.

Невероятно быстрым движением Юва вытащила из-за спины пистолет и направила на Велфария. Абсидеум молниеносно отреагировал, достав вторую плазму, и прицелился в патрийку.

— Мы готовились ко всяким неожиданностям! Бросай, иначе я выстрелю!

— Я тоже готовилась. И вот тебе задача: как ты собираешься меня убить в зале с Восстановителями? — с вызовом ему ответила Юва, после чего обратилась к Велу: — Я сейчас выстрелю в тебя, спасая того Велфария, которого я знала. Патрийца! Но не абсидеума. И точно не человека! Чтоб ты знал: я готова за него даже жизнь свою отдать. Но не за остальных двоих в тебе... Когда-нибудь, надеюсь, ты поймёшь меня... — её глаза снова наполнились слезами.

— Не делай этого, Юва! — взмолился Вел.

— Опустит оружие, и мы его вместе доставим к Алмию. Зачем откладывать процесс своими необдуманно действиями, если можно сразу всё завершить?! — абсидеум говорил убедительно и, кажется, Юва снова начинала ему верить. — И забыть об этом раз и навсегда! Подумай логически: зачем нам их вместе погружать в анабиоз? Анабиоз — запасной вариант на случай, если бы один из них ускользнул!

— Если даже вы их по очереди убьёте, то где гарантии, что не сделаете это повторно, когда Событие будет остановлено? — взволнованно, но уже с надеждой в голосе спросила Юва.

— Потому что Алмий — наполовину патриец и никогда в жизни не сможет так поступить! Чувство солидарности для каждого из нас — не пустой звук...

— Заметно — само олицетворение морали!.. — с иронией подметила я.

— А вот её необходимо ликвидировать. У нас приказ! — складывалось впечатление, что абсидеум уже начинал договариваться с Ювой о деталях.

— Мне всё равно... — холодно заметила она.

Абсидеум безжалостно вдавил пистолет мне в висок, готовый нажать на курок. В последний момент я взглянула на Вела. Его лицо выражало сверхчеловеческое страдание. Обреченность и беспомощность чернели в его глазах. «Сейчас!»

Моя рука демонстративно поднялась, привлекая общее внимание. В ней я крепко держала подобранный раньше Восстановитель. Я перевернула его и, нащупав пальцами соответствующие фиксаторы, вытянула маленькую коробочку с единственной кнопкой.

— Выстрелишь в меня, тварь, но я успею отключить все Восстановители в этом зале!

Юва и абсидеум с испугом посмотрели на Магнит.

— Никому не двигаться! Малейшее движение — нажимаю кнопку! — со всей серьёзностью предупредила я, после чего обратилась к патрийцу. — На этот раз мне очки точно не понадобятся!

Все стояли в полном замешательстве. Кроме Велфария. Кажется, он всё понял! «А я поняла

девушку! Поняла её искренность и, что самое главное, правоту! Вел действительно больше не тот, кто был ей так дорог!»

Патриец властно развел руки, нацелив открытые ладони на абсидеумов, и я впервые с наслаждением смотрела в его магические глаза, которые вот-вот вспыхнут алым огнем. Я нажала на кнопку и осуществила действие, последнее, которое четко запомнила. А затем все прекратилось и наступила тьма...

Глава 6

Наступал вечер. Солнце неуклонно приближалось к линии горизонта. Его лучи золотом отсвечивали от крыш старинных деревянных домов Лиллехаммера. С высоты открывался чудесный вид на близлежащие водоёмы — озеро Мьёса и реку Логен. Вокруг царила уютная тишина.

Недалеко от железнодорожной станции стояли солдаты и жевали свои бутерброды, так же как и случайные прохожие, с подозрительностью поглядывая в сторону двух зданий, доступ к которым со всех сторон был перекрыт автомобилями, живой цепью военнослужащих и специальными лентами, натягиваемыми сотрудниками полиции.

Из толпы зевак к солдатам, возле которых на

раскладном столике стоял термос и лежала булка свежего хлеба с запакованным куском гудбрандсдалена ², уверенной походкой вышла красивая женщина в деловом костюме. Её сопровождали несколько молодых мужчин в черном.

— Добрый день, господа. Как мне найти вашего генерала?

— А кто вы такие? У вас есть разрешение и доступ? — поинтересовался один из охранников.

— Если я вам скажу, кто мы такие, — вы не поверите ни одному моему слову. Будет проще, если кто-то из вас свяжется с генералом.

— Сегодня нас уже вряд ли чем-то удивишь, — отозвался второй. — Но мы не станем его беспокоить по пустякам...

— В этом нет никакой необходимости! — резво заявил подтянутый немолодой уже человек в армейской форме. — Я — тот самый генерал, которого вы ищете, приветствую вас. Меня зовут Стейнар и обращайтесь ко мне строго по имени, — он подошёл к женщине, а солдаты послушно расступились, образовав проход. — Мне

² Гудбрандсдален — сорт бруноста — коричневого норвежского сыра, изначально производимого в долине Гудбрандсдал в Норвегии.

заблаговременно сообщили о вашем появлении. Прощу! — с приветливой улыбкой генерал сделал любезный жест рукой.

— Благодарим вас! И нам очень приятно познакомиться. Меня зовут...

— Остановитесь, пожалуйста! Извините, но я попрошу не произносить ваших имён и иной информации. Не нужно лишний раз пугать моих людей. То, что некоторые из них увидели, а остальные — услышали, можно встретить только в фантастических фильмах. Надеюсь, вы меня поймёте, — они свернули в переполненный людьми и различной техникой проход между двумя зданиями. — Я знаю кто вы. Равно как и цель вашего визита сюда. И постараюсь не отнять у вас много времени на разного рода формальности.

Возле полуразрушенной стены слева на земле лежали тела, накрытые плотной белой тканью.

— То, что здесь произошло, не поддаётся никаким логическим объяснениям. Наши эксперты не могут сказать ничего конкретного. Словно здесь бушевал мощный ураган, в эпицентре которого произошла перестрелка, что противоречит принципам всей криминалистики. Вдобавок мы обнаружили их... — генерал указал пальцем на накрытые тела. — У них голубая кровь, в прямом смысле, — засмеялся он, — а у некоторых мертвецов глаза красные. Они из ваших?

— Нет.

— Значит, всё намного сложнее?.. — из дыры в кирпичной стене на носилках начали выносить новые трупы. — Вам интересно кто они?

— Не думаю, — уверенно ответила женщина.

— Честно говоря, стоять рядом с вами тоже не очень уютно.

— Я вас понимаю, Стейнар, — сочувственно ответила она. — Мы долго не пробудем здесь.

— Вы можете отнять у меня столько времени, сколько вам понадобится. Пошли внутрь! Расступись! — скомандовал он стоящим у проломленного входа солдатам.

— Есть, генерал!

Гости вошли в помещение и устремились за генералом к открытой настежь двери справа. Он резко остановился у самого входа.

— Здесь мы нашли интересующий вас объект. И вот эти устройства, — мужчина показал на разбросанные Восстановители. — Такие же приборы валялись на улице в некоторых местах. Мы перенесли их сюда.

— Спасибо, Стейнар. Мы, с вашего позволения, заберём их, — женщина указала на приборы своим сопровождающим.

— Когда наши ребята вошли в помещение, объект находился вон там — возле того прибора в центре.

— Магнит. Он высасывает все жизненные силы из практически любого живого существа в радиусе двадцати-двадцати пяти метров. Вашим солдатам следует охранять его особо тщательно! Если кто-то нажмёт вон ту красную кнопку, а собираемые нами Восстановители будут по-прежнему неактивны — мгновенная смерть на месте за доли секунды.

Генерал нервно оглянулся и заторопился:

— Я, пожалуй, покину вас. Мои люди снаружи нуждаются в моём руководстве. Если у вас появятся вопросы или просьбы — прошу, обращайтесь!

— Да, у меня есть просьба, Стейнар, — остановила его женщина. — Отведите меня, пожалуйста, к объекту.

— Прошу за мной!

Генерал и женщина вышли из здания и направились в сторону армейского грузового автомобиля неподалёку.

— Он находится внутри под присмотром двух моих подчинённых. Приказать им удалиться?

— Нет, не стоит. Спасибо вам за всё, Стейнар!

— Всегда обращайтесь! — генерал развернулся и пошёл в противоположном направлении, где взволнованные солдаты, сотрудники полиции и других задействованных структур с любопытством поглядывали на лежащие

у стены тела инопланетян.

Женщина ловко взобралась в грузовой отсек автомобиля и сделала два шага вперёд. По бокам с автоматами в руках сидели два солдата и не отводили глаз от объекта — девушки. На её руках виднелись субстанциионные наручники. Они представляли собой два кольца из оранжевой Субстанции, соединенные металлической трубкой длиной в один сантиметр. Именно она играла роль генератора Субстанции — особого защитного вещества, преодоление которого являлось весьма трудной задачей.

— Злата! — удивлённо выкрикнула девушка.

— Здравствуй, Юва! — приветливо, но осторожно проговорила Злата. — Никогда бы не подумала, что нам придётся встретиться с тобой при таких вот обстоятельствах.

— И за двадцать пять тысяч световых лет от дома! — посмеиваясь, ответила девушка. — Что ты здесь делаешь?..

— На Патрии введён режим оперативного управления!

Девушка застыла, не веря услышанным словам.

— Да! Нам пришлось претворить в жизнь этот механизм спустя десятки тысяч лет.

— Из-за Велфария? — неуверенно спросила Юва.

— Отчасти. То, что происходит сейчас на Земле, имеет поистине галактическое значение. Всё гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

— Откат назад!

— Прости? — Злата напряглась.

— Для патрийцев государство с властью — откат назад, — грустно объяснила Юва. — Все ценности Великой Унификации, накопленные нами за тысячи лет, могут стать безвозвратно потерянными. И всё из-за одного патрийца! Даже не патрийца... Я теперь не знаю, кто он на самом деле!..

— Не нужно сгущать краски. Не забывай, что качество силы государства и власти зависит от качества самих носителей такой власти. Патрийцы, будь уверена, справятся с этой задачей!

Юва меланхолично пожала плечами.

— Но ты мне так и не ответила на мой вопрос...

— Мы прибыли за тобой!

— Только за мной?! — девушка опять весьма удивилась.

— Не совсем. Но это всё, что тебе положено знать на данный момент.

— А почему ты определяешь, что мне положено знать, а что — не положено?

Юва закрыла глаза и сосредоточилась.

— Не получится! — заметила Злата.

Её собеседница нервно и резко открыла глаза, отведя взгляд в сторону.

— Не у тебя одной отсутствует связь с полем... Нам всем предстоит тестирование на прочность.

— Надо полагать, это — ещё одна причина для оперативного управления? Интересно выходит: у человечества государства существуют постоянно, а у нас — лишь в кризисные времена. Знаешь, — девушка задумчиво изогнула тонкие красивые брови, — мне кажется, что в полной мере осознать ценность государства и власти возможно только во втором случае.

Злата заметила, как солдаты внимательно следили за ходом их беседы. Она присела возле одного из них.

— Значит, у Вела потерялась связь по тем же причинам, что и у нас? — с некоторой надеждой спросила Юва.

— Нет. У него связь пропала из-за гравитационного воздействия планеты, которое пробудило в нём землянина.

— Переход? — её глаза замерли в ожидании ответа.

— Да, в нашем случае — это близость момента перехода на следующий уровень развития. Дыра, кстати, уже в полную силу выбрасывает лучи

энергии. Налицо переизбыток вещества в ней. Наши учёные отмечают, что до рождения Вселенной осталось совсем мало времени.

— Все по-прежнему считают, что рождение и переход на пятидесятый уровень непременно связаны с Велом?

— И Милой. А так как Велфарий — землянин то, возможно, он потянет за собой и человечество на более высокую ступень. Если оно готово, конечно...

— Знаешь, Злата, я тебе кое-что сейчас расскажу. Перед тем, как Вел улетел на S24 Алмий заходил ко мне в отдел будущего, — после этих слов Злата насторожилась. — Он попросил меня найти Путь Милы, хотя, как ты понимаешь, все считали, что его нет в принципе. К моему огромнейшему удивлению, мы отыскали её карту жизни. Перед тем, как Алмий забрал Путь, я успела заметить одну немаловажную деталь, о которой никому не рассказывала. Даже ему...

— Что ты там заметила? — очень серьёзно спросила Злата.

— Совпадение порядкового номера! О них знают только сотрудники нашего отдела, ведь проставление и кодирование информации в таких номерах — исключительно наша задача. Так вот, — Юва вздохнула, — первая буква в номере Пути Велфария совпала с первой буквой карты Милы.

Чтобы ты понимала, первая буква обозначает пол новорождённого патрийца.

— Ты хочешь сказать...

— Кто-то забыл при подделывании изменить букву! Вот то, о чём я хочу предупредить тебя заранее.

— Это могло произойти вследствие обыкновенной ошибки...

— Только не в нашем случае. Перед тем, как мы передаём Путь на хранение, его проверяют несколько патрийцев на безошибочность.

— Всё равно не верю!.. Слишком много аргументов против твоей информации.

Девушка в ответ снова безразлично пожала плечами.

— Когда меня заберут?

— Сейчас, — деловито проговорила Злата. — Господа, я забираю девушку.

— Конечно. Нас обо всём предупредили! — ответил один из бойцов.

Патрийка соскочила с высоты автомобиля на землю. Её невольно подхватил под локоть симпатичный молодой человек. Его очарованный взгляд был прикован к соблазнительной фигуре Златы.

— Простите, пожалуйста. На меня это не похоже, — приветливо извинился он.

— Всё в порядке. Наоборот, мне очень

приятно! — женщина ослепительно улыбнулась. — Вы — Андрей?

— Он самый! — смутился парень. — А вы — Злата?

— Она самая! — теперь они вместе улыбнулись.

За спиной Андрея показались люди, направляющиеся в их сторону.

— Позвольте представить! — указывал он на прибывших мужчин. — Наши друзья и проверенные бойцы. Джеймс из Великобритании. Это — Пётр из России, Алон из Израиля и, конечно же, — наш африканский боец Мэйтата. А я — из Украины. Из Одессы, — завершил Андрей.

— А вы — Злата? — вежливо поинтересовался Алон.

— Совершенно верно. Глава только что прибывшей патрийской делегации.

— Кроме того — Верховный Страж. И глава недавно возрождённого патрийского государства, — любезно напомнил всем Андрей.

Неожиданно внимание мужчин сфокусировалось за плечами Златы. Она с любопытством оглянулась. Приготовившись прыгнуть вслед за недавней собеседницей, но внезапно замерев от удивления, там стояла растерянная Юва.

В корабле абсидеумов появился Велфарий. За ним шла Диана, прикрывая тыл.

Снаружи их корабль казался довольно небольшим. Однако внутри пространство заметно увеличивалось.

— Как думаешь, Вел... — начала девушка.

— Головой, Ди, головой...

— Решил шутить в такой ответственный момент? — она изобразила на лице что-то наподобие улыбки. — Мне одной кажется, что размер их посуды не соответствует размерам, увиденным нами снаружи?

Велфарий поднял голову и посмотрел на винтовую лестницу, ведущую на внутренний балкон шириной не более двух метров, который крепился к боковой поверхности. Помещение было круглым, потому и балкон, вместе с перилами средней высоты, также шёл по кругу. Ему пришлось сильно покрутить шеей, прежде чем он убедился, что там пусто.

— Нет, не тебе одной. Удивительное зрелище... Наверное, здесь применяется какой-то искривитель пространства.

— Неужели у патрицев нет подобной технологии?

— Мы же не находимся на восьмидесятом

уровне!..

— Абсидеумы на восьмидесятом уровне?! — Диану шокировала эта информация. — Ого! Далеко зашли! А сколько по времени занимает тридцать один переход? В земных годах, конечно...

— У каждой цивилизации по-разному.

— Ну, приблизительно хотя бы?

— Может, несколько тысяч лет.

— Десятков?!

— Сотен, Ди!

Пространство между высоким потолком и полом, равно как и между стенами вмещало в себя специальную аппаратуру, выступающую кое-где сбоку и грузовые контейнеры. Металлический пол представлял собой, по-видимому, некую подвижную платформу.

— Почему ты меня стал называть Ди?

— Ты же меня называешь Велом!

Диана хмыкнула.

— Ну что ж, всё по-честному.

— Брависсимо! Какая история, достойная целого романа! — неожиданно из ниоткуда раздался саркастичный голос Алмия. — Патриец и землянка!.. Сначала — враги! Затем — друзья! И, наконец — два любящих сердца! — его речь прервала пауза в пару секунд. Многократное эхо билось о стены напуганной птичьей стаей. — Ради него она поставила под угрозу жизнь своей дочери!

Ради неё он бросил свою любовь и рисковал своей жизнью в Лиллехаммере... И вот финита ля комедия — теперь они вместе! Проникли в один из моих кораблей! Перебили охрану! И надеются кого-то освободить!

Велфарий сосредоточился и мгновенно протянул руку в пространство справа от себя, схватив оратора за горло. Через доли секунды Алмий стал видимым, его лицо сияло злорадным оскалом.

— Только вот финал у вашего романа — печальный! — с усилием проговорил он.

— Я тебя хоть сейчас могу задушить! — крикнул на него Велфарий. — И всё закончится!

— Не получится, Вел.

— Я тебе не Вел! — выкрикнул патриец.

Алмий попытался повернуть голову.

— Отпусти меня, иначе твоя сестра погибнет.

— Ты сдохнешь прямо сейчас, если не скажешь где она!

— Тебе не удастся меня убить, — прохрипел абсидеум и указательным пальцем показал на платформу под ногами. — Это — один сплошной Восстановитель.

Вел отпустил его, оттолкнув вперёд. Алмий сумел не упасть, быстро возобновил равновесие, выпрямился и, приложив руки к горлу, загнанно переводил дух.

— Где моя сестра?!

Алмий приоткрыл глаза.

— Знаешь, в чём твоя ошибка, патриец? — он начал плавно приближаться к Велфарию и с невероятным удовольствием выговаривал каждую букву. — В чрезмерной правильности!

— Где моя сестра?!

— Чтобы выживать в нашем мире, необходимо отбросить всякую мораль и нравственность. Они тормозят всякое совершенствование и укрепление сознания. Они даны создателем наших пространств лишь в качестве препятствия, которое нужно преодолеть, несмотря на их кажущуюся привлекательность. Все — игра! Я понял, что такое жизнь, патриец! Игра и не более! Мы можем здесь творить добро или зло. Даже если всю жизнь испытывать позитив — умрёшь с тем же результатом. Как в первом, так и во втором случае!

— Идиот, ты ничего не понимаешь в своём жалком выживании! Ты окончательно свихнулся! Где моя сестра?!

— Между тем, мне приятно, что ты — носитель высоких принципов! Не будь ты таким, мне бы пришлось прилагать больше усилий для твоей поимки. Скажи мне только одно перед тем, как я отведу тебя к сестре, — Алмий остановился перед Велом в нескольких сантиметрах. — Тебе

действительно ни разу не захотелось заглянуть в информационное поле абсидеумов? Как ты там сказал?.. Сотни тысяч лет прогресса?.. Какой шанс ты упускаешь заполучить то, к чему вам идти, как отсюда до ближайшей галактики пешком! Впрочем, я гарантирую, что ты не пожалеешь...

Алмию хватило секунды, чтобы ухватить Велфария за руки. Патриец закричал от испытанного ужаса. Он лихорадочно оглядывался во все стороны расширенными от поразительной непостижимости глазами, а на ошеломлённом лице отражалась смертельная тоска.

Алмий с чувством самоудовлетворения отпустил Вела. Они стояли в безмолвии. Вокруг них — одна пустота! Тьма... Под ногами, над головой, по сторонам — чернота и ощущение незаполненной бесконечности. Но в то же время, откуда-то всё-таки исходил свет, не имевший источника.

— Нравится? — спросил Алмий.

Велфарий снова закричал! Абсидеум грубым движением схватил его за голову.

— Успокойся! Смотри на меня! На меня!

Алмий повернул искажённое ужасом лицо патрица к себе и поймал его взгляд.

— Вот так, — спокойно произнёс он.

— Что происходит?!

— Добро пожаловать в мой мозг, Велфарий! В

созданную мной реальность! Специально для тебя, — Алмий потихоньку опустил руки, — и для неё!

Вел посмотрел направо и увидел Милу, находившуюся в капсуле. Глаза девушки были закрыты, а её внешний вид говорил о том, что она спит глубоким сном. Патриец выразил готовность кинуться к ней, но в самый последний момент остановился и опустил голову.

— Душа в пятки ушла? Не бойся! Не провалишься. Если только я не захочу.

Его пленник молчал. Пережитый им шок сделал его неспособным серьёзно мыслить и анализировать.

— Честно говоря, я боялся, что ты не выдержишь нагрузки... Хотел поместить тебя в анабиоз до перехода. Но ты молодец! Да! — утвердительно кивнул Алмий. — Не знаю, способен ли ты сейчас воспринимать информацию, но на всякий случай скажу несколько слов перед тем, как ты составишь компанию своей сестрёнке, — он подошёл к Велфарию, обнял его за плечи правой рукой и неторопливо повёл к Миле. — Быть абсидеумом — превосходно! Надеюсь, ты способен оценить моё творение. И мне не нужна огромных размеров чёрная дыра, чтобы родить пространство. Да, пускай оно — искусственное. Но ведь — пространство! И мы в нём — жизнь! Конечно, я не

смогу расширить его границ даже до размеров S24, так как мне не хватает мощности моего мозга. Но и то, что ты видишь и ощущаешь — непревзойдённое достижение для любого существа с высокоорганизованным сознанием. Я завидую тем новорождённым абсидеумам, которые однажды откроют для себя новый уровень. Может быть, они смогут создать реальность куда более сложную, чем эта, — они остановились возле капсулы. — Зато она отлично подходит для темницы, откуда невозможно сбежать даже теоретически. Знаешь, я и тебе завидую. Мы — не звери. Под конец своей жизни я выпущу тебя отсюда. Сколько я проживу? Лет семьсот? А ты сейчас выключишься, а затем включишься через такое огромное количество времени... А его течения ты никак не почувствуешь. Его просто не будет для тебя. И пауза покажется тебе даже не в одну секунду. Семьсот лет меньше одной секунды! Всё так же молод и полон сил. И даже память останется! Фантастика, а не жизнь! А, Велфарий? А при желании ты ведь сможешь залезть в мозг другого абсидеума. И путешествовать во времени, пока Вселенная не закончит своё существование! Хе-хе! — Алмий изобразил подобие издевательского смеха. Он нажал на кнопку, и открылась дверь капсулы. — Заходи!

Алмий с довольным видом сделал несколько

шагов назад. Выражение лица Дианы повторяло всю гамму эмоций, недавно пережитых патрийцем.

— Сукин сын! Что ты с ним сделал?! Куда он исчез?! — закричала она.

— А ты хороша, — сказал абсидеум, пробежав по ней взглядом. — Ему невероятно повезло, что с ним очутилась именно ты. Хоть это его и не спасло...

— Где Велфарий?! Отвечай...

— Или что? — он взмахнул рукой и подошёл к ней ближе. Его пальцы скользнули по её волосам, затем плавно спустились к виску и красным от гнева щекам. — Ты такая сладкая девушка. И очень смелая... За него не волнуйся.

— Ублюдок!

— Он — во мне. Лучшего варианта я и представить не мог, если честно... В том числе для тебя. Так что мы снова в игре! — Алмий сделал шаг вперед и прошипел девушке почти в ухо: — А в тебе гнев, детка! Нельзя его допускать, иначе будешь плохо расти!

Диана изо всей силы своей ярости залепила пощёчину в неосторожно подставленную щеку. На глазах закипели слёзы отчаяния. С громким криком она ещё раз замахнулась, но Алмий ловко поймал её руку на полпути к своему лицу.

— Наверное, ты меня неправильно поняла, — сказал он со всей серьёзностью. — Отныне

здоровье и жизнь патрийца полностью зависят от состояния моего здоровья. Если я жив — значит, и он будет жить. Поэтому теперь ты — мой личный телохранитель в предстоящей схватке, которая ожидает всех нас до прибытия нашего многомиллионного подкрепления. Так что беги отсюда и быстро, пока я не исполнил отданный мною ранее приказ относительно тебя. Моё терпение, детка, не безгранично!

— Какая схватка? — спросила крайне озадаченная девушка.

— Беги наружу и ты всё увидишь своими глазами. А я скоро присоединюсь... Только носик припудрю! Хе-хе!

* * *

Солнце давно спряталось за горизонт, небо спряталось за плотным слоем туч. Ливень не прекращался уже больше часа, вволю напоив землю влагой.

Патрийцы выстроились в боевую колонну из десяти шеренг. В каждой из них стояли около ста воинов. По обе стороны первой шеренги, немного выступая вперед, находились устройства в виде платформы с высокими вращающимся стержнем, на определенном расстоянии от которого располагался концентрированный слой Субстанции. Неподалеку

два из десяти прибывших патрийских кораблей через открытые отверстия в корпусах выпускали наружу сотни Ферруанцев и Пауков. Их механические конечности разбрызгивали вокруг себя дождевую воду.

Патрийцы держали в руках плазменные пистолеты. Колонну по бокам прикрывали боевые антигравы, которые стреляли, кроме плазмы, специальными снарядами с крошечной долей антивещества. Их боеспособность была настолько разрушительной, что использовались они лишь в том случае, когда антиграв напал на тыл войск противника. Бойцы в колонне, кроме плазменного пистолета, располагали ещё одним видом действенного оружия — своей рукой, которая в нужный момент становилась частью процесса эвотонирования. Позади колонны стояла Злата и управляла всеми действиями своих Стражей — бойцов вооружённого отряда, который в обычное время расформируется, но в экстренных случаях, в том числе в условиях потери связи с полем, подлежит немедленному восстановлению и приведению в повышенную боевую готовность. Управляет вооружёнными силами Верховный Страж единолично.

С противоположной стороны из кораблей выходили и подтягивались к линии фронта регулярные вооружённые силы абсидеумов. Их

колонна была в два раза больше. Компанию приближавшимся бойцам составляли всё те же Пауки и два Вертела — аналогичные патрийским установки с вращающейся Субстанцией. Снаряжение было представлено только плазменными пистолетами. Так же, как и у их оппонентов, у каждого абсидеума на поясе присутствовал Восстановитель — главная и единственная цель для Пауков.

— А где же их роботы? И антигравы? — с тревогой спросил Андрей у стоявшей рядом Златы.

— Нам мало что известно об их вооружении, Андрей, — женщина напряженно всматривалась в силуэты на горизонте. — Вдобавок их технологии опережают наши с огромным отрывом.

— Значит, ожидать можно всё что угодно...

— Конечно. Да и откровенно говоря, без вашей помощи нам здесь вообще делать абсолютно нечего. Нужно срочно отключить их Магниты по всей планете. Надеюсь, ваши силы успеют это сделать до того, как нас сотрут с лица Земли.

— А подкрепление?

— Забудь об этом! Остальные Стражи соберутся лишь в случае объявления нам официальной межпланетной войны.

К ним с любопытством подошли Мэйтата, Алон, Пётр и Джеймс.

— А эта битва? — удивлённо спросил

Андрей.

— Не тот случай. Мы здесь всего лишь как третье лицо. Можно даже сказать — неофициально.

— Значит, это твоя личная инициатива как Верховного Стража? — поинтересовался Пётр.

— Не только моя!

— А чья же ещё, в таком случае? — оживлённо спросил увлечённый разговором Джеймс.

— Того, кто погибнет, чтобы спасти нас всех! — заявила Злата.

— Недавно прибывший патриец? — Алон нахмурил брови в ожидании ответа.

— Велфарий? — решил уточнить Мэйтата.

Их разговор прервала внезапная активность одного из проходивших мимо них Ферруанцев. Он стремительно поднял голову вверх и, после секундной паузы анализа и обработки поступившей через его сенсоры информации, оторвавшись от земли сильным движением, зацепился в воздухе за что-то невидимое. Через мгновение из пустого пространства из свистом вырвался снаряд, который благодаря воздействию Ферруанца полетел по явно незапланированной траектории. Его мишенью стал один из кораблей, выпускавших роботизированных помощников. Вблизи выходного отверстия в его корпусе раздался мощный взрыв. Обшивка корабля разлетелась на куски, а на месте техники, которая

только что спустилась на землю, вспыхнули острова пожара.

— Открыть огонь! — прокричала Злата. — Запускайте Пауков!

Вертела закрутились с огромной скоростью и начали выбрасывать сгустки Субстанции по идентифицированным целям: стремительно приближавшимся Паукам абсидеумов и боевым антиграмм, набиравшим скорость над линией фронта. Аналогичные действия повторили вражеские Вертела, попав сгустками сразу в нескольких Пауков.

Ферруанец, зацепившийся за антиграмм противника, включил свои двигатели и потянул его вниз. Упершись ногами в мокрую землю, он сделал вытянутой вверх рукой два полных оборота и отшвырнул антиграмм в сторону. Где-то далеко в поле, за патрийскими кораблями, послышался оглушительный взрыв.

— Приготовиться к эвотонированию! — скомандовала Злата. — На поражение! Как только Пауки доберутся!

С обоих флангов колонны в воздух взметнулись по пятнадцать антиграммов и устремились вперёд, пытаясь преодолеть субстанционный барьер, создаваемый Вертелами. Один из антиграммов, после того, как в него попала выпущенная Субстанция, начал стремительно

падать. В этот момент управлявший им патриец успел выпустить несколько плазменных снарядов, два из которых попали по рою Пауков, почти достигших первой шеренги колонны. Субстанция из Вертелов патрицев, поразив цели, моментально обволокла собой несколько десятков Пауков абсидеумов, уничтожив их на месте. Та же участь постигла и падающий антиграв с его пилотом.

Первая шеренга патрицев выставила перед собой руки, а их глаза полыхнули красным огнём. Те же действия предприняли находившиеся за своими Пауками абсидеумы. Наконец, первые из маленьких роботов добрались до своих целей в каждой из сторон конфликта. Они ловко заскакивали на бойцов, быстро находили и обезвреживали Восстановители. Сразу же несколько инопланетян из каждой стороны от линии фронта упали на землю. Красные глаза в последний раз вспыхнули и погасли.

Вертела выстреливали сгустки без остановки. Количество Пауков снизилось на треть. А те, что добрались, — их основная масса — второй волной набросились на свои мишени. Повторное эвотонирование не заставило себя ждать. Потери составили примерно одинаковое число бойцов как со стороны патрицев, так и со стороны абсидеумов.

Земляне, стоявшие возле Златы, согнулись и

прикрыли руками уши, сощутив глаза от боли.

— Что происходит? Что за свист в голове? — закричал Джеймс.

Образовавшаяся пустота между шеренгами противоборствующих сторон заполнилась встречными выстрелами плазмы. Стреляли только те, кто выжил после первого наступления и повторное эвотонирование стало для них невозможным. Остальные Стражи пока не нарушали правило двадцать пятого уровня, готовясь использовать момент с максимальной пользой: когда начнётся вторая волна, часть абсидеумов снова станет уязвимой и смертной. Аналогичную тактику избрали и их враги.

Первые шеренги каждой из сторон изрядно поредели. Один из сгустков попал в пустую приближавшуюся точку пространства. Произошла потеря эффекта невидимости. На землю свалился боевой робот абсидеумов, значительно превосходящий все параметры Ферруанцев, которые заняли пространство между второй и почти уничтоженной первой шеренгой патрийцев. В этот же момент ещё один их робот стал видимым и за долю секунды допрыгнул до одного из антигравов, который прорывался в тыл противника. В воздухе, не пытаясь принудительно опустить аппарат патрийца на землю, робот отшвырнул его в сторону стоящих патрийских кораблей. Подобным способом

с антигравами поступили ещё два появившихся из ниоткуда робота. Прогремела серия взрывов и осколки разлетелись в стороны, задев кого-то из патрийцев, стоявших в тылу. Тот замертво упал на землю.

— Почему?! Почему он не восстанавливается? — проревел Мэйтата.

Пять антигравов всё-таки добрались до конца колонны абсидеумов и начали их расстрел непрерывным огнём из всех орудий. Боевые роботы накинулись и без промедления потянули их за собой, вместе с антигравами, взорвавшись на приличном расстоянии от своих биологических хозяев.

Вертела сгустками снова продолжили расстрел приближавшихся роботов и Пауков противника.

— Вторая волна!.. — тревожно заметила Злата. Она всё время громко командовала своими бойцами, но оглушительный шум вокруг неё перекрывал голос патрийки.

Патрийские Пауки разминулись со своими вражескими копиями и устремились на вторую шеренгу абсидеумов. Но первыми их встретили роботы, которые выпускали по быстрым целям потоки плазмы. Аналогичное приветствие подготовили и Ферруанцы, державшие оборону. Вторые шеренги выставили перед собой руки и

приготовились, воспламенив свои глаза. Первые добравшиеся Пауки ознаменовали собой второй массовый расстрел. Но, в отличие от первой волны, за второй сразу последовала и третья. Но на этот раз — только со стороны абсидеумов. Вторая и третья шеренги патрийцев были уничтожены за четыре секунды.

— Почему они не восстанавливаются? Почему третья шеренга не восстанавливается? Пауки же не добрались до неё!.. — продолжал кричать во всё горло Мэйтата, убрав руки от висков.

— Потому что абсидеумы пользуются чужими эвотонами... — с ужасом догадался Алон.

Боевые роботы абсидеумов, несмотря на защиту Вертелов, уже почти добрались до четвёртой шеренги патрийцев. Но кое-что привлекло внимание землян. Под ногами захватчиков планеты находился рой Пауков, в три раза превосходивший предыдущий.

— Это — конец! — раздался взволнованный голос Златы.

— Да нет же! Нет! Чего вы, Бога ради, стоите?! — сорвался с места Мэйтата и достал плазменный пистолет. Он со всех ног бросился вперёд, но развернувшийся патриец из десятой шеренги с силой завалил его на землю и придавил рукой.

— Остынь, землянин! Все успеем...

Он не договорил — изо рта потекла струя крови. Голова наклонилась, и Мэйтата увидел, что из груди патрийца выглядывает окровавленный конусообразный стержень в красной жидкости. Рука, крепко прижимавшая Мэйтату ещё секунду назад, ослабла. Дождевые капли, бойко отскакивавшие от невидимого в воздухе контура, били по лицу и вынуждали землянина щурить глаза. Мэйтата закричал от потрясения.

Четвёртая патрийская шеренга, равно как и их противники из намного более широкой, чем патрийская, третьей, в очередной раз выставили руки, а ночную темноту сквозь проливной дождь озарили пламенные точки. Роботы абсидеумов и Ферруанцы остановились и расступились, образовав узкие коридоры для эвотонирования. Пауки добрались до своих целей... Шестая шеренга патрийцев, которая теперь превратилась в первую, достала плазму и начала обстрел как маленьких, так и больших вражеских роботов. Её поддерживали огнём следующие четыре шеренги. Некоторые из патрийцев с криками боли взлетали в воздух и приземлялись где-то в колонне: патрийские Вертела остановились и теперь захватчиков практически ничего не сдерживало...

Мэйтата почувствовал, как каменные пальцы схватили его за шею и подняли вверх. Наконец, перед парнем начал показываться контур робота.

Внешне он был человекообразным, но лица не имел, если не считать двух черных выпуклостей вместо глаз. Он отвёл назад вторую механическую руку, чтобы нанести сквозной удар по телу землянина. Но неожиданно его голову выела плазма, и он повалился на землю, потащив за собой ошарашенного Мэйтату. В стороне стояла с нацеленным пистолетом Злата.

— Немедленно уводите их отсюда! — крикнула она в пространство за спинами людей.

К ним со всех ног бежал Вилирий.

— Сколько продержитесь?

Злата не отвечала, выразительно указав взглядом на африканца. Пётр с Джеймсом подбежали к Мэйтате и помогли ему подняться. Вилирий внимательно за пару секунд окинул взглядом поле сражения: половина патрицев лежала мёртвыми, Ферруанцы отчаянно держали оборону и не подпускали основные силы врага, Вертела не функционировали, а антигравов больше не осталось, чтобы нанести удар с воздуха. Оставшийся корабль не восполнял реальные потребности в патрийских Пауках, да и от них уже почти не было никакого толка. Взгляды Вилирия и Златы опять пересеклись, но Верховный Страж, так и не сказав ни слова, за какое-то мгновение присоединилась к своим бойцам.

— Все за мной! — скомандовал патриец.

* * *

Вбежавший абсидеум прокричал спешно спускавшемуся по винтовой лестнице Алмию:

— Всё очень плохо! Патрийцы с землянами нас дожимают!

Алмий спустился и подошёл ближе.

— Сколько у нас осталось Магнитов?

— Два! Здесь и на втором корабле, — отрапортовал абсидеум и отступил шаг назад под тяжелым взглядом Алмия.

— Нам нужно во что бы то ни стало продержаться до прибытия подкреплений! Выпускайте Смертников! А энергию кораблей переправьте на военные нужды и немедленно.

— Но тогда потребуется отключить все системы! Собственноручно, в нижнем отсеке!

Алмий заскрипел зубами.

— Приступаю! — смиренно поклонился абсидеум.

— Слушай! Если встретишь патрийца или землянина, то приказываю тебе атаковать такую цель на поражение! Не важно, кого именно. Любого! Ты меня понял?

Абсидеум послушно закивал и скрылся через возникший в платформе вход, ведущий в нижний отсек корабля.

Алмий медленно прошелся пустым помещением, пытаясь овладеть собой. Успокоив дыхание, он посмотрел на высокий потолок. Пальцами правой руки притронулся к крепко сомкнутым губам.

— Любой ценой необходимо сохранить в себе Велфария... — тихонько произнёс вслух сам себе.

Проверив свой плазменный пистолет, он ускоренным шагом направился к выходу. Подойдя к трапу, ведущему наружу, он на секунду в нерешительности остановился и снова проверил пистолет. Через мгновение поднял левую руку и стал внимательно рассматривать свою ладонь красными глазами, которые через пару секунд погасли. Опустив её и решительно сделав первый шаг, Алмий внезапно остановился, отшатнувшись.

На другом конце трапа стояла мокрая, испачканная в грязи, с многочисленными царапинами и ссутулившаяся от усталости Юва.

— Больше ни шагу! — приказала она.

— Юва... — с напускным удовольствием начал Алмий.

— Заткнись! — перебила она его.

Абсидеум убрал с лица улыбку, замер на месте и ждал.

— Я начала работать в отделе будущего сто лет назад. За это время через меня прошли около двухсот миллионов судеб и столько же Путей. Как с

рождением, так и со смертью, — её дыхание постепенно выравнивалось. — Мои глаза много чего видели. Но я никогда не видела такого извращённого издевательства и насилия над своей жизнью! Недоразвитый! Да, конечно. Сейчас ты напомнишь мне, на каком вы уровне находитесь. Да разве в этом дело?! За сто лет я совершенно чётко поняла одну истину: судьба — это твоё зеркало! Можно сколько угодно пребывать в положительных эвотонах... Но принимаемые тобой решения всё перечёркивают. Судьба требует гармонии. Развитие будет полноценным только тогда, когда твои эвотоны соответствуют самому нелогичному и необъяснимому параметру нашей Вселенной — нравственности! А без неё ты напоминаешь скорее какого-нибудь робота для убийств — грудку ненужного Богу железа! Потому что Бог ищет баланс. Бог — это баланс... — она решительно надвигалась на Алмия, вынуждая того отступать внутрь корабля. Освещение на секунду погасло и снова включилось. Юва с недоумением подняла голову, осмотрелась и продолжила: — От всего, что не соответствует гармонии, природа безжалостно избавляется как от ошибки в её коде. Сначала изолирует, а затем планомерно истребляет. Защита от вредоносных элементов, которые не подчинились законам развития Пространства! В твоё зеркало мне страшно смотреть... И тем более

будет страшно рассматривать в конце пройденный тобой Путь! Абсидеумы — ошибка пространства. А ты — её неотделимая часть, — Юва сделала небольшую паузу, переводя дыхание. — Но я тебя давно знаю, Алмий! Мои глаза не раз наблюдали, как в тебе просыпалась патрийская часть твоей души. Как она кричала и стонала, пытаясь вытеснить из тебя вирус абсидеума. Неужели тебя никогда не мучали сомнения в правильности собственных взглядов и действий? Неужели они ни разу не застревали в твоём мозгу, перехватывая всё твоё внимание на себя и не отпуская твои мысли? А иногда так хочется обнулиться, правда? Но вместо этого ты начинаешь заниматься самообманом! Пытаешься оправдать себя, но одновременно понимаешь, что ниже падать дальше некуда. А сомнения становятся сильнее... Не жизнь, а существование! Или даже — выживание в мире самообмана. Не надоело, Алмий? Я уверена, что ещё не поздно одуматься! — девушка загнала его почти до начала платформы. — Где Велфарий?

Алмий молчал.

— Где Велфарий? — упрямо повторила она свой вопрос, направив на него плазменный пистолет.

— В надёжном месте, — флегматично ответил абсидеум.

Сзади слышались быстрые шаги. Девушка

повернулась: смеявшийся Пётр и серьёзный Алон бежали в их направлении. Их руки крепко сжимали рукоятки катан³.

* * *

Подбегая к трапу патрийского корабля, земная команда в который раз поворачивала головы в направлении поля битвы.

— Как же можно оставить патрийцев одних? Их же сейчас убьют... Каким бездушным надо быть! — не переставал бормотать себе под нос недовольный поведением своих коллег Мэйтата.

— Я согласен с Вилирием: всему своё время, — заметил Джеймс. — Здесь важны не только эмоции, но и холодный рассудок.

— Много ты понимаешь... Скажешь им, когда будешь стоять на их трупах! — ядовито ответил Мэйтата.

Джеймс сделал вид, что не слышал этих слов.

— А что ты говорил по поводу эвотонов? — спросил Пётр Алона.

³ Катана — одна из разновидностей традиционных японских мечей. Катана — заокругленная, тонкая, с односторонним лезвием, округлой или квадратной гранью и длинной рукояткой для двуручной хватки.

— Минус и слабость патрийцев состоят в том, что вся их техника и, в частности, Восстановители питаются от их же собственных эвотонов.

— Конечно! — заметил Андрей. — Именно поэтому сейчас по всему миру проходит специальная операция по выключению Магнитов с участием вооружённых сил каждого из государств, на территории которых те находятся.

— Не успеют... — с горечью отметил Мэйтата.

За их спинами раздался мощный взрыв. Ещё один антиграв абсидеумов с грохотом врезался в землю!

— О, нет! — закричал Алон, с ужасом глядя на место взрыва.

— Злата! — крикнул Мэйтата и попытался вырваться из поддерживающих объятий его друзей. К нему подбежал Андрей и прижал его голову к своему плечу. Мэйтата плакал.

— Нужно срочно проверить! — раздался голос Петра.

— Стой, Пётр! — крикнул ему Джеймс. — Мы ей уже ничем не поможем!

— А если её отбросило во время взрыва? Мы ещё успеем её спасти...

— Не стоит возвращаться! Спасти её вы сможете, — начал Вилирий, — если сможете уничтожить все Магниты.

Мэйтата поднял голову и лёгким движением оттолкнул от себя Андрея.

— Вот уж кто точно бездушный!..

— И ещё, между прочим, что-то от нас скрывает... — заметил Джеймс с пронзительным взглядом.

— Вилирий! — обратился к нему Алон. — Мы, как заместители председателя Мирового Совета, имеем полное право знать правду, — он говорил убедительно, но спокойно. — Что происходит?

— Нет уж, это его обязанность! — резко добавил Мэйтата.

Вилирий подошёл к ним поближе.

— Нам очень важно спасти Велфария и Милу!

— А Злату — не важно? А может, они здесь — единственные, кого следует спасти?..

— Мэйтата! Я полностью понимаю и разделяю твоё беспокойство. Но ты должен понять, что у каждой из цивилизаций здесь своя война и свои счёты. И Злата это прекрасно понимала, прилетев сюда для спасения... — он сделал паузу, — Велфария и Милы. А я с вами для того, чтобы спасти человечество. Каждый должен заниматься своим делом. Если всё смешать воедино, то это обстоятельство будет лишь на руку нашему общему врагу! Парадоксально, но в этой ситуации мы сильны не в единстве, а по

отдельности!

— Кроме того, что они — твои дети, по какой ещё причине мы должны спасать их? И почему мы, а не патрийцы?

— Пётр, ребята! Вы ничего не должны! И уж тем более мне. Но, может быть, человечеству... Здесь нет каких-то личных или корыстных мотивов с моей стороны. Так получилось, что в настолько ответственный момент судьбы наших цивилизаций пересеклись. И, поверьте, не случайно! Велфарий и Мила! Они ведь соединили в себе патрийца и человека. Такое гармоничное и идеальное сочетание — залог нашего общего успеха. Борясь за них, каждый борется за свою частичку их души. А цель ведь у нас одна — не допустить нашего истребления и защитить себя с честью!

— Но кроме ваших детей, каким образом в конфликт втянута патрийская цивилизация, Вилирий? Разве ей угрожает исчезновение? Доминирующей цивилизации в галактике?! — с сомнением спросил Андрей.

— Исчезновение угрожает всему, что не способно убедить Пространство в смысле своего существования! Каждый из нас должен снова открыть его для себя по-новому.

Все затихли и задумались на несколько секунд. Но теперь у всех горели глаза! Не красным огнем, но надеждой...

Андрей смотрел на пылавшие остатки антиграва на фоне непрекращавшейся битвы. Эмоции в нём бурлили и кипели, а сердце — бешено колотилось. Его пристальный взгляд не отрывался от возможного места гибели Златы. Абсидеумы, с четвёртой по десятую шеренги, больше не атаковали. Патрийцы с Ферруанцами держали оборону против их роботов из последних сил. Но что-то изменилось! Пока он не мог понять — что именно. Его глаза быстро забежали по полю сражения. Оставшиеся три патрийских шеренги по-прежнему стреляли плазмой, но их численность резко сокращалась из-за уничтоженных Восстановителей.

— Вертела! — послышался голос Алона.

Андрей оживлённо перевёл взгляд на огромные стержни. Да! Они снова работали и в полную силу начали обстрел врагов, которые что нагло приблизились вплотную к устройствам, забыв о возможной угрозе во время паузы. Абсидеумы бросились врассыпную, падая и больше не восстанавливаясь. Почти половина роботов и Пауков, которые не успели вступить в бой с патрийцами, была ликвидирована за считанные секунды.

— Да! — победно прокричали все.

Один из роботов, который пронзил рукой очередного Стража, направил сенсоры головы в

сторону открытого трапа. Он оторвался от земли и через мгновение с брызгами приземлился в лужу перед ошарашенными землянами. Не прошло и секунды, как он поднял руку, конец которой сразу трансформировался в выходное отверстие ствола, направленное на стоящего впереди всех Андрея. Тот не ожидал таких событий, поэтому гордо приосанился перед смертью, хорошо понимая, что уже никто, в том числе и он сам, не успеет выхватить пистолет... Раздался выстрел!

— Теперь ты — мой должник! — прокричал окровавленный патриец, которого пару секунд назад лишил жизни робот, оплавленные останки которого дымили возле трапа...

Андрей улыбнулся ему в ответ и поднял вверх большой палец.

— Спасибо, друг! — и обратился к Вилирию: — Вилирий! Вы, кажется, говорили, что для нас есть кое-какая работа?

Вилирий кивнул в ответ и скомандовал:

— За мной!

Через две минуты группа заместителей патриейца оказалась внутри главного отсека космического корабля. Он был переполнен людьми, сидящими за компьютерами без мониторов и системных блоков. Только голограммы и их источники — небольшие устройства, которые по размеру не превосходили обычную шайбу...

— Хорхе, выведи статистику по Магнитам!

Испанец вытянутыми руками развернул парящее в воздухе изображение, чтобы Вилирий имел возможность ознакомиться с оперативными данными.

— Осталось десять процентов... — Вилирий поделился широкой улыбкой со всеми. — Помните, я говорил о том, что «мы сильны не в единстве, а по отдельности»? Но для каждой цивилизации — всё наоборот! Вы объединились перед лицом смертельной опасности, не теряя своей идентичности. Высший пилотаж для всего человечества!

— Хотелось бы только надеяться, чтобы этот самолёт под названием «Человечество» снова не попал в зону вечной турбулентности... — заметил Мэйтата.

— Итак, — Вилирий обратился ко всем присутствующим, — остался один небольшой, но невероятно сложный шаг! Десять процентов включают в себя два Магнита в Австралии, один — в Бразилии. Ими сейчас занимаются соответственно армии этих государств.

— Но здесь же стоит цифра «пять»! — поправил Пётр.

— Оставшиеся два мы не можем отследить! Их местоположение надёжно скрыто абсидеумами! — ответил озадаченный Хорхе.

— Пойдите! — сказал Алон. — Ведь их корабли функционируют за счёт эвотонов, как и патрийские!

— А снаружи как раз стоят два их корабля с увеличенной загруженностью своих систем, что указывает на питание за счёт дополнительных источников... — многозначительно заключил Андрей.

— Тогда всё понятно. Магниты здесь! — уверенно подтвердил Джеймс.

— Не факт, конечно. Но других версий у нас нет. Вам любой ценой необходимо пробраться внутрь! — заключил Вилирий. — Мы с Андреем останемся здесь.

— Как всегда, вся самая грязная работа достаётся нам, — похлопал себя ладонью по груди Пётр.

— Потому что вы — лучшие из землян на сегодняшний день и обучены непосредственно мной! — констатировал Вилирий.

— А почему он не идёт? — Мэйтата язвительно показал пальцем на Андрея.

— Боишься без меня? — задорно улыбнулся одессит.

— Робот напугал до его смерти, до сих пор отойти не может, бедняга. Мамочка нужна! — все дружно и громко расхохотались над обескураженным Мэйтатой.

— Мы останемся исключительно для того, чтобы начать операцию с участием Объединённых вооружённых сил Мирового Совета, — заботливо ответил Мэйтате Вилирий. Ему принесли четыре катаны. — И никаких пистолетов!

— Ну уж нет! — заявил Мэйтата. — Никакого холодного оружия!

— Необходимо! — прикрикнул Вилирий.

— И как ты планируешь убить бессмертного с помощью плазмы? — обратился Алон к Мэйтате и охотно взял катану.

— Хоть я и не люблю отдавать приказы, но воспринимайте это именно так! Немедленно возьмите катаны! Отрубите головы каждому абсидеуму, который попадётся вам на пути. Вряд ли у них вырастет вторая...

— Дежавю. Где-то я уже это видел... — прозвучал голос Хорхе.

— В кино! — отрезал Пётр.

Все улыбнулись, кроме по-прежнему крутившего носом африканца.

— Но ни в коем случае не делать этого с Алмием! И категорически препятствовать физическому прикосновению к вам абсидеумов! Вопросы есть? — спросил патриец.

— Да, — ответил Пётр. — Мерзавец нужен вам живым?

— Просто запомните, что Алмий должен

остаться живым! Выполняйте и возвращайтесь невредимыми!

Ребята выбежали из корабля.

— Разделимся по двое, — предложил Джеймс. — Со мной идёт Мэйтата. Никто не против?

Все согласились и направились к своим кораблям.

* * *

Находясь под сильным впечатлением от восстановления боеспособности патрийцев, абсидеумы решились на отчаянные шаги. Их колонна полностью держала строй и находилась на относительно безопасном расстоянии от Вертелов. Отрезок между Вертелами был совершенно пуст. Патрийцы, вооружившись Восстановителями, одерживали верх над вражескими роботами. Ферруанцы во многом способствовали этой позитивной тенденции.

— Абсидеумские Вертела! Как мы проберёмся? — спросил Джеймс.

— Обойдём с фланга! — ответил Мэйтата.

— Пешком?! Нереально!

Внимание африканца привлёк одиноко стоящий антиграв, возле которого лежало тело патрийца, который, по-видимому, так и не успел

взлететь...

— Это — наш шанс!

— Ты умеешь управлять этой штукой? — спросил Джеймс. Поймав отрицательное мотание головой напарника, он вызвал голограмму своего Помощника, на которой появилось лицо Хорхе.

— Хорхе! Нам срочно нужно запустить антиграв!

— Одну секунду. Я идентифицирую местоположение устройства на основе ваших координат. Вижу. Я включил его. Садитесь и взлетайте.

— Фантастика! Как я сам не додумался? — съязвил Мэйтата.

— Ха! Не знаете, как им управлять?

— Как он догадался?!

— Поменьше слов и побольше дела, джентльмены! Запрыгивайте в седло! — раздался благодушный голос испанца.

— Что дальше, Хорхе? — спросил Джеймс.

— Вы играли когда-нибудь в компьютерные игры?

— Я играл, — отозвался Мэйтата.

— Сейчас я синхронизирую твой мозг с системой управления антигравом. На клавиатуре играл?

— Что? — переспросил удивлённый Мэйтата.

— Амиго! Отвечай на вопросы, когда тебе их

задают.

— Да, на клавиатуре! — с одолжением ответил африканец.

— Замени клавиши управления своим воображением. Но нужна сильная концентрация. Как вариант, представь зажатой клавишу «W» для того, чтобы передвигаться вперёд. Твой мозг привык именно к такому её предназначению. Соответственно, используй воображаемые клавиши «A», «S» и «D» по аналогии!

— А где клавиша быстрого сохранения? — съязвил Джеймс.

— Ха! Шутник нашёлся. Здесь контрольные точки!

Мэйтата непонимающе взглянул на Джеймса.

— Ты же не играл в игры!

— Кто сказал?!

— Хорхе! А что мне сделать, чтобы антиграв поднялся?

— Представь, что ты взлетаешь!

Антиграв на секунду подбросило на полметра, после чего он с грохотом свалился обратно.

— Амиго, дослушай меня до конца!

— Да какой я тебе амиго, парень? Управлению этой штукой нужно учиться месяцами, а ты хочешь, чтобы я освоил её за минуту! Почему меня подбросило?!

Хорхе демонстративно взял паузу в пару

секунд и по складах проговорил:

— Потому что ты не задал скорость своего перемещения. Чтобы управлять такой техникой, нужно иметь сверхлогичные мозги, понимаешь? Ты должен мыслить последовательно, поэтапно, шаг за шагом. Как патриец.

— Спасибо, Хорхе! — отозвался Джеймс. — Он попробует снова. Только восстановит свой потенциал храбрости...

Не успел англичанин договорить, как антиграв плавно оторвался от земли. Довольный Мэйтата закричал от радости. Внизу под их ногами патрийцы и Ферруанцы почти ничего не оставили от своих металлических врагов. Тем временем, Вертела абсидеумов по-прежнему сохраняли активность и представляли серьезную угрозу и препятствие для возможных атак.

— Отключим последние Магниты и можно праздновать победу! — заключил африканец.

Как только антиграв оставил позади колонну патрийцев, Мэйтата развернул его в левую сторону и направил на корабли абсидеумов.

— Смотри! — быстро проговорил Джеймс.

Под ними к месту расположения патрийцев и землян уверенно шагал одинокий абсидеум, не обращая на антиграв никакого внимания.

— Странно! Может, попробуем ударить по нему?